

X628.3
К662

И. В. КОРЗУН

**ПРЕСТУПНОСТЬ
СРЕДИ ЖЕНЩИН
В КАЗАХСТАНЕ**

АЛМАТЫ
ЖЕТИ ЖАРҒЫ

И. В. КОРЗУН

ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ ЖЕНЩИН В КАЗАХСТАНЕ

АЛМАТЫ
"ЖЕТИ ЖАРҒЫ"
1998

ББК 67-99 (5 Каз) 8
К 57

**Одобрено Научно-методическим советом
Министерства юстиции Республики Казахстан**

*Выпущена по программе Министерства информации
и общественного согласия Республики Казахстан*

Рецензент — доктор юридических наук
Б.Х. Толеубекова

К 57 Корзун И. В. Преступность среди женщин в Казахстане. — Алматы: "Жеті жарғы", 1998. — 192 стр.

Монография посвящена исследованию теоретических аспектов изучения, уголовно-правовой, социально-демографической характеристике современной женской преступности в Казахстане.

Анализируется отечественная и зарубежная законодательная и правоприменительная практика, прослеживается действие факторов различного порядка, обуславливающих существование феномена преступности среди женщин.

Рассматриваются мотивационные аспекты противоправного поведения женщин. Предлагаются пути решения остро стоящих социальных проблем, таких, как профессиональная преступность, проституция, исполнение наказания и ресоциализация осужденных лиц женского пола.

Для юристов, научных и практических работников, аспирантов и студентов, широкого круга читателей, интересующихся проблемами криминологии.

К 120302011-020 041-98 ББК 67. 99 (5 Каз) 8
419 (05) - 98

ISBN 5-7667-4928-7

© Корзун И. В., 1998
© Издательство "Жеті жарғы", 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава 1. Теоретико-правовые основы изучения преступности среди женщин

- 1.1. Формирование, эволюция и особенности методологического подхода к изучению женской преступности.....13
1. 2. Криминологическая характеристика социального статуса женщины как субъекта норм обычного права.....19

Глава 2. Социальная среда и преступное поведение женщин

- 2.1. Экономико-правовой анализ детерминант женской преступности в Казахстане.....31
- 2.2. Социализация личности и особенности микросоциальной среды, обуславливающей девиантное поведение.....48
- 2.3. Особенности социальной среды в местах лишения свободы.....68

Глава 3. Общая криминологическая характеристика современной преступности среди женщин в Казахстане

- 3.1. Состояние, структура, динамика преступности среди женщин.....84
- 3.2. Виктимологические аспекты отклоняющегося поведения у женщин...95
- 3.3. Криминологические основы изучения личности женщин-преступниц.. 99

Глава 4. Профессиональная женская преступность

- 4.1. Краткая история развития профессиональной женской преступности 103
- 4.2. Многофакторная характеристика профессиональной преступности среди женщин.....117
- 4.3. Типология личности профессиональных преступниц, основанная на мотивации..

Глава 5. Теория и практика предупреждения преступности среди женщин

- 5.1. Многоуровневая система мер профилактики женской преступности... 146
- 5.2. Направления криминологического прогнозирования негативных тенденций преступности среди женщин.....174
- Заключение.....179

*Моему отцу — Корзуну
Валерию Алексеевичу
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Быстрый и бурный переход Казахстана к новой общественно-экономической формации вызвал необходимость активной правотворческой деятельности, базирующейся, как известно, на глубоком изучении сложившейся правоприменительной практики, ее научном анализе, с целью приведения норм права в соответствие с изменяющимися и нарождающимися общественными отношениями.

В связи с этим всесторонний анализ и научное изучение частных и общих проблем, направленных на регулирование правоотношений в сфере борьбы с таким социальным феноменом, как преступность, является одним из наиболее актуальных, перспективных и стратегически важных направлений теоретических и прикладных исследований в области юриспруденции.

Изменения, происходящие в сознании, образе жизни и поведении людей, характерны не только для жителей нашей республики. И другим странам и народам, обретшим в недалеком прошлом политическую независимость, присущ ряд общих черт в процессе их общественно-политической "эволюции", среди которых одной из наиболее ярких является развитие негативных тенденций в динамике и структуре преступности.

За последние семь лет количество регистрируемых в Казахстане преступлений увеличилось в 1,3 раза: со 135338 в 1989 году до 183977 в 1996 -м, при практически неизменном количестве населения республики. Возросли показатели уровня (коэффициента) преступности. В Казахстане он также существенно возрос: с 650 в 1985г. до 980 преступлений в расчете на 100 тыс. населения.

Социально обусловленными являются и негативные тенденции в структуре лиц, совершивших преступления. По нашему глубокому убеждению, они в первую очередь вызваны действием факторов социально-политического порядка, выражающихся в несоответствии процедуры и механизма правового регулирования складывающейся практике взаимоотношений неимущественного и имущественного характера практически во всех сферах материального производства, денежного обращения и человеческого общения.

Они также обусловлены: отсутствием системы ценностей, составляющих основу государственной идеологии; распространением философии "правового нигилизма"; фактическим расслоением общества на классы по имущественному признаку, произошедшему в нарушение принципов социальной спра-

ведливости; нарастающим обострением проблем трудоустройства; усилением влияния на преступность дальнейшего распространения пьянства, алкоголизма и наркомании; нарастанием тенденций к организованности и профессионализации делинквентных проявлений; интенсивной криминализацией подростковой среды; коррупцией, глубоко поразившей все ветви государственной власти.

Разумеется, данный перечень не является исчерпывающим, более того, объективно нуждается в расширении и детализации, что в конечном итоге еще раз подтверждает актуальность рассматриваемых вопросов. Именно их оценке, с точки зрения влияния на процессы, происходящие в сознании и выражающиеся в поступках людей, мы попытались уделить достаточное внимание в настоящей работе.

Прежде всего хочется подчеркнуть, что максимально объективной научной оценки в данном случае возможно достичь лишь с учетом широкого комплекса факторов, влияющих на мотивацию, поведенческие основы личности. Определившись в данном вопросе, гораздо проще будет пойти по пути научного объяснения групповых, "корпоративных", закономерностей девиантного поведения на уровне микро- и макросоциальной среды. Данный подход во многом объясняется тем обстоятельством, что одним из центральных объектов изучения криминологической науки всегда являлась и является личность преступника.

Впервые сталкиваясь с любой личностью (и не обязательно преступника), мы в первую очередь идем по пути выяснения ее так называемых социально-демографических характеристик, таких, как пол, возраст, семейное положение, национальность, профессиональная принадлежность. Все дальнейшее общение с человеком строится на основе данных такой характеристики, и чем она будет шире, тем проще нам объяснить любые действия, поступки, намерения, высказывания данной личности, понять механизм их зарождения и формы реализации.

Если говорить о психофизиологических особенностях строения человеческого организма, то одна из самых принципиальных — половая принадлежность личности. Если же говорить о личности преступника, то и здесь существование данной границы издавна предоставляет широкие возможности для научной дискуссии.

Подтверждением этого является то обстоятельство, что проблемы женской преступности в разное время получили свое освещение в трудах выдающихся умов мировой криминологической науки, среди которых Ч. Ломброзо, П. Тарновская, М.Н. Гернет, Ю.М. Антонян и др. При этом практически все исследователи подчеркивали особую значимость социальных условий жизнедеятельности и влияния процессов их коренного изменения на формирование преступного поведения у женщин.

Следует также заметить, что большинство исследований проблем современной женской преступности, имевших место на территории бывшего СССР, с одной стороны, принадлежали как раз к периоду относительной стабильности социально-экономических отношений в обществе, а с другой —

были вынужденно ориентированы на необходимость жесткого следования классовым интересам политического режима и его известным идеологическим ценностям. В связи с этим научная новизна настоящего исследования заключается в подходе к решению поставленных перед ним задач с учетом современных социально-политических, экономико-правовых, демографических, геополитических изменений, переживаемых обществом.

Базисные изменения, как известно, влекут за собой и реформирование социальной структуры, что отражается в изменениях социально-ролевых функций, особенно выполняемых женщинами. Рассмотрению этих процессов в прямой взаимосвязи с действием факторов криминогенного характера, детерминирующих женскую преступность, уделено значительное внимание в структуре данной работы.

Выборочные исследования, посвященные проблеме женской преступности, на протяжении всей истории мировой криминологической науки неизменно подчеркивали ее специфику, количественные и качественные характеристики, отличные от преступности мужчин, что в итоге позволило выделить ее в структуре всей преступности и рассматривать в качестве самостоятельного элемента. Наряду с этим, являясь подсистемой преступности в целом, женская преступность оказывает самое отрицательное влияние на общество, затрагивает широкий спектр явлений социальной жизни, имея прямое отражение в динамике статистических показателей самой преступности. Кроме того, современная женская преступность представляет собой весьма изменчивое явление, обусловленное как социальными процессами, так и соответствующими им усилиями государства по реформированию правовой базы борьбы с правонарушениями различной степени тяжести.

Преступность среди женщин как криминологическая проблема требует своего разрешения прежде всего в исследовании ее природы, факторов возникновения и механизма проявления, соотношения с другими социальными явлениями. Раскрытие указанных проблем возможно посредством изучения социально-правовых и психологических корней противоправного поведения, особенностей личности женщин-преступниц в процессе взаимодействия с социальной средой.

Между тем, существование данной проблемы подтверждается не только удельным весом совершаемых женщинами преступлений (составляющим 10—15% от всех регистрируемых уголовно-правовых деликтов), что позволяет, наряду, например, с преступностью несовершеннолетних (имеющей сопоставимый с ней удельный вес в общем количестве регистрируемых преступлений), говорить о женской преступности как о самостоятельном структурном элементе преступности. Для иллюстрации относительной устойчивости и стабильности этого показателя можно сравнить следующие данные: в 1989 году удельный вес женщин, совершивших преступления на территории СССР, составлял 14,7 %, в 1995г. в Российской Федерации — 14,6%, а в 1996 году тот же средний показатель в Казахстане был равен 13,2%. Примерно аналогичная ситуация в статистике женской преступности наблюдается в течение длительного времени во многих регионах планеты.

Однако если говорить о внутренней структуре самой женской преступности, ее особенностях, то в этом плане очевидны существенные различия, нуждающиеся в научном изучении и объяснении. Взять хотя бы распределение показателей удельного веса совершаемых женщинами преступлений в отдельных регионах нашей республики по итогам 1996 года. При среднем показателе по Казахстану в 13,2%, в г. Алматы он составил 20,4%, в Карагандинской области — 14,7%, Восточно-Казахстанской — 12,5%, Костанайской — 11,8%. Объяснить существующие различия только лишь неодинаковым уровнем урбанизации регионов, думается, было бы неверно.

Проводимое нами исследование теоретического обоснования и практических мер противостояния преступности среди женщин (в том числе на эмпирической базе ряда стран СНГ) позволяет сделать вывод: в определении основных направлений изучения данной проблемы следует исходить прежде всего из следующих принципиальных критериев:

1. Уголовно-правовая характеристика совершаемых женщинами преступлений представлена практически всем перечнем составов, предусмотренных особенной частью уголовного законодательства, что говорит о достаточной репрезентативности данного явления в структуре всей преступности.

2. Специфика преступности среди женщин и мер, направленных на борьбу с ней, проявляется не только на уровне обыденного сознания, статических закономерностей, но и четко очерчена в целом ряде правовых норм различных отраслей права: уголовном, уголовно-исполнительном законодательстве, целом ряде ведомственных нормативных актов.

3. Особенности, выделяемые в структуре данного элемента преступности, имеют место:

— в криминалистической тактике и методике проведения следственных действий с участием женщин;

— в методике проведения экспертных исследований по делам о преступлениях, совершаемых лицами женского пола;

— в применяемых, в том числе специальных, мерах оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного, профилактического и реабилитационного характера;

— в исследованиях ряда естественных и гуманитарных наук: судебной психиатрии, сексологии, пенитенциарной психологии, уголовно-исполнительного права.

4. Совершаемым женщинами или с их участием преступлениям, как правило, присущ особый психологический "фон", особая психологическая характеристика, основанная в том числе на физиологических и анатомических особенностях женского организма.

5. Большинство совершаемых женщинами преступлений имеют четко выраженную мотивационную направленность, изучение, соответствующая типология и характеристика которой позволит выработать конкретные меры противостояния явлению в целом.

6. Проявляющиеся в местах лишения свободы для женщин психофизиологические особенности их поведения не только имеют место, но и должны

быть адекватно использованы в целях реабилитационного воздействия на личность.

7. Аномальное поведение женщин, хотя и косвенно, опосредованно, но пагубно влияет на потенциальные возможности развития любого социума, подрывает генофонд народа и нации и в конечном итоге сказывается на объективных процессах воспроизводства преступности.

8. Отсутствие в Казахстане научных разработок и прикладных рекомендаций, затрагивающих названную специфику, вряд ли является положительным фактором в деле противостояния преступности в государстве.

Резюмируя изложенное, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что совокупность приведенных критериев свидетельствует о высокой степени актуальности исследования противоправного поведения женщин и предопределяет теоретическую и практическую значимость предлагаемых к рассмотрению вопросов, в частности связанных с главным направлением борьбы с преступностью — ее профилактикой.

В качестве приоритетной цели проведенного исследования выступает проблема совершенствования практики борьбы с преступностью среди женщин, эффективности воздействия на детерминирующие ее факторы и условия на различных уровнях профилактической деятельности.

Кроме того, основными задачами исследования явились также:

- выяснение исторических корней существования феномена женской преступности как составной части преступности в целом;

- выявление особенностей правовой оценки антисоциального поведения женщин в исторической ретроспективе на территории Казахстана;

- сбор, обобщение и анализ данных уголовно-правовой статистики о личностной характеристике женщин-преступниц и совершаемых ими преступлений;

- изучение структуры, динамики современной женской преступности как социального явления, а также состояния мер по борьбе с ней;

- рассмотрение комплекса факторов, оказывающих негативное влияние на формирование противоправного поведения женщин;

- уголовно- правовая, социально-демографическая, пенитенциарная характеристика личности женщин, совершивших преступления различной степени тяжести и общественной опасности;

- многофакторный анализ криминологической характеристики личностей женщин, совершивших преступления;

- выявление факторов, определяющих формирование профессиональных проявлений в совершаемых женщинами преступлениях;

- разработка типологической характеристики личностей профессиональных преступниц;

- выработка общесоциальных, специально-криминологических, уголовно-правовых и организационных мер профилактики женской преступности;

- выработка конкретных мер совершенствования законодательной и нормативно-правовой базы борьбы с преступностью, социальных программ, направленных на решение проблем, сопутствующих этому явлению;

— совершенствование данных уголовной статистики, особенно в части оценки конкретных проявлений преступного поведения со стороны женщин.

Нормативной основой работы являются действующее уголовное, уголовно-исполнительное и иное законодательство, нормативные правовые акты высших органов государственной власти и управления Республики Казахстан, отдельные документы международно-правового характера, затрагивающие вопросы борьбы с преступностью и ее предупреждения.

При подготовке настоящей монографии использованы работы отечественных и зарубежных ученых по истории и теории права, уголовной политике, уголовному и уголовно-исполнительному праву, криминологии, социологии, психологии, некоторые работы по судебной психиатрии и медицине, относящиеся к проблематике исследования.

Эмпирическую базу исследования составили результаты изучения судебной практики в Республике Казахстан, Российской Федерации и других странах СНГ.

Результаты исследования базируются на ряде проведенных анкетных опросов работников правоохранительных органов из числа сотрудников ИТК, СИЗО, оперативно-следственных аппаратов, научно-преподавательского состава, сотрудников подразделений по профилактике преступности несовершеннолетних девушек в гг. Алматы, Караганде, Москве, Омске, Алматинской, Карагандинской и Орловской областях.

На основе специально разработанных анкет были собраны, систематизированы и изучены ответы осужденных женщин, содержащихся в ИТК строгого и общего режима, следственных изоляторах гг. Алматы, Караганды, Москвы, Орла.

По специальной методике изучено более сотни личных дел осужденных женщин из материалов специальных частей указанных учреждений, проанализированы уголовные дела и отказные материалы по совершенным женщинами преступлениям на территории Республики Казахстан и Российской Федерации в 1990—1997 годах. В целях наиболее полного изучения личностных характеристик преступниц женского пола, проанализированы и обобщены данные, содержащиеся в заключениях судебно-психиатрических экспертиз, проведенных по конкретным уголовным делам различных категорий.

В ходе исследования автором проводились углубленные беседы, интервьюирование женщин, обвиняемых и осужденных за различные виды преступлений, а также работников органов внутренних дел, Государственного следственного комитета РК, осуществляющих непосредственную работу с ними.

При подготовке настоящей работы использовались данные специальных переписей осужденных 1979 и 1989 гг., данные Госкомстата бывшего СССР, Национального статистического агентства РК, статистические материалы Центра правовой статистики и информации Прокуратуры РК, информационно-аналитических подразделений Государственного следственного комитета, ГИЦ МВД РФ, данные ряда криминологических и социально-правовых исследований, предпринятых другими авторами. Были обобщены и проанализированы результаты наблюдений, проведенных в период практической работы автора

в следственных подразделениях МВД Республики Казахстан и Российской Федерации, и опросов женщин, совершивших различные преступления.

Научная новизна исследования заключается в том, что практически впервые на монографическом уровне рассматриваются вопросы преступности среди женщин применительно к Казахстану, учитываются и раскрываются региональные особенности данного явления. Рассмотрению проблемы женского преступного профессионализма ранее также практически не уделялось внимания ни в контексте изучения профессиональной преступности, ни в процессе исследований преступности среди женщин. В результате, на основе предпринятого изучения этого вопроса, можно утверждать, что данное явление имеет место, оно характеризуется определенными отличиями от мужской профессиональной преступности, имеет ряд факторов как традиционного, так и весьма своеобразного характера, непосредственно влияющих на становление устойчивой криминальной направленности личности.

Преследуя цель выработки соответствующих мер борьбы с профессиональным преступным поведением женщин, автор предпринял попытку классификации личностей профессиональных преступниц, в основу которой были положены элементы мотивации преступного поведения, уголовно-правовой и социально-демографической характеристик женщин.

Новизна исследования обусловлена также определенными трудностями в правоприменительной практике при реализации уголовно-правовых и иных средств борьбы с женской преступностью. Поэтому в работе затрагиваются вопросы совершенствования законодательства, отражаются недостатки его применения и предлагаются конкретные организационные меры по совершенствованию профилактической деятельности посредством целенаправленных усилий на основе программной политики государства по борьбе с преступностью вообще и с женской — в частности.

В настоящей монографии освещаются также и некоторые актуальные аспекты, касающиеся повышения эффективности института исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы, которые иллюстрируются полученными эмпирическими данными.

На ряде примеров законодательной и правоприменительной практики обосновывается необходимость научного криминологического прогнозирования состояния, структуры, динамики женской преступности, которое должно играть действенную роль в профилактике преступлений, совершаемых женщинами и с их участием.

Достоверность результатов исследования обеспечивается его методологией и методикой, а также репрезентативностью эмпирического материала, на котором базируются научные положения, предложения и выводы, предлагаемые широкому кругу читателей.

Выводы и предложения исследования могут быть учтены при разработке новых и совершенствовании действующих норм уголовного, уголовно-исполнительного и иного законодательства. В работе сформулирован ряд теоретических положений, направленных на совершенствование профилактики женской преступности, которые также могут быть учтены в процессе законо-

11 творческой деятельности, в том числе на уровне принятия уголовно-политических мер общегосударственного характера.

Определенная практическая значимость исследования состоит в том, что имеющиеся в нем выводы и предложения позволяют осуществить комплексный подход в процессе повышения эффективности борьбы с преступностью среди женщин. Раскрытие специфических особенностей поведенческого характера при совершении женщинами отдельных преступлений, в частности краж личного имущества, мошенничества, содержания притонов и сводничества, участия в сфере незаконного оборота наркотиков, а также взаимосвязь их с психологическими чертами конкретной личности, позволяют осуществить максимально дифференцированный подход к тактике подготовки и проведения отдельных следственных и оперативных действий с их участием, в том числе в процессе установления личного психологического контакта с обвиняемой (подозреваемой), налаживания более эффективного взаимодействия между соответствующими подразделениями органов внутренних дел и Государственного следственного комитета. Разработанная типология личностей профессиональных преступниц, учитывающая конкретные формы и способы совершения ими преступлений, применима в деятельности оперативно-следственных аппаратов, оперативно-режимных подразделений женских ИТК, в организационной деятельности этих служб по созданию соответствующих криминалистических и оперативных учетов, в процессе повышения квалификации сотрудников перечисленных подразделений. Реализация вносимых предложений призвана конкретизировать принцип индивидуализации уголовного, уголовно-исполнительного и исправительно-воспитательного воздействия на женщин, совершивших преступления.

Результаты исследования могут быть использованы в преподавании курса криминологии в высших и средних учебных заведениях, при подготовке лекций и учебных пособий по данной тематике.

Таким образом, в настоящей работе рассматриваются следующие принципиальные вопросы:

1. Исторический обзор теоретико-правовых взглядов на женскую преступность в мировой криминологической науке.
2. Историко-криминологический анализ эволюции социального статуса женщины и соотношение этого процесса с нормами обычного права.
3. Системная характеристика состояния, структуры, динамики современной женской преступности и мер исправительно-воспитательного воздействия в отношении женщин, совершивших преступления.
4. Уголовно-правовой и социально-демографический анализ факторов социальной среды, негативно влияющих на формирование устойчивой анти-социальной направленности личности женщин.
5. Особенности влияния условий изоляции от общества на преступное поведение женщин, формирование личностных качеств и ценностных установок, отрицательно сказывающихся на мерах исправительно-воспитательного и реабилитационного характера в отношении осужденных женщин.
6. Принципы построения системы жизнеобеспечения и самоорганизации осужденных женщин в местах лишения свободы.

7. Зарождение, эволюция и современное состояние женского преступного профессионализма. Характеристика мер борьбы с его проявлениями.

8. Факторы, детерминирующие профессионализацию женской преступности, воздействие которых рассматривается на примерах наркомании, проституции, рецидива, влияния уголовно-профессиональных традиций и обычаев на конкретную личность в процессе участия женщин в организованной преступной деятельности.

9. Типологическая классификация личностей профессиональных преступниц, в основу которой положены характер и обстоятельства совершаемых преступлений наряду с совокупностью иных криминологических факторов, что позволяет определить механизм преступного поведения женщин, их преступные наклонности, степень активности в совершении преступлений, степень влияния на личность сложившихся жизненных обстоятельств, социальной макро-и микросреды и т.д.

10. Предложения по совершенствованию мер борьбы с женской преступностью на различных уровнях профилактической деятельности.

Кроме того, автор попытался раскрыть собственное видение некоторых научных криминологических и уголовно-правовых терминов и категорий, дать расшифровку и интерпретацию применительно к женской преступности, что должно послужить более четкому восприятию их и пониманию.

Присутствующий в работе сравнительный анализ состояния женской преступности в Казахстане на примере аналогичных статистических показателей, эмпирического опыта и научных достижений российской криминологической науки также служит наглядной иллюстрацией проблемных аспектов, выступая в качестве своего рода контрольной группы по отношению к основному массиву излагаемого материала, на основе которого формулируются ключевые выводы и положения исследования.

Также читатель, видимо, обратит внимание, что предлагаемый материал, касающийся преступности среди женщин, как правило, тесно увязан с общими вопросами изучения преступности. Данный подход во многом оправдан и закономерен. Он основан на твердом убеждении в том, что без познания общих тенденций и закономерностей существования феномена преступности невозможно постичь и его составляющие.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ЖЕНЩИН

1.1. ФОРМИРОВАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

При объяснении различий преступности мужчин и женщин, как правило, принято выделять причины социального и причины биологического характера, впрочем традиционно присущие и общим подходам к объяснению причин преступного поведения.

Начало изучению женской преступности как самостоятельного структурного элемента преступности в целом было положено во второй половине XIX в. и связано с именами Ламбера Адольфа Жака Кетле (1796—1874) и Чезаре Ломброзо (1836—1909).

Один из основателей научной статистики, бельгийский социолог, криминолог А. Кетле при выяснении законов развития преступности пришел к выводу, что "влечение к совершению преступлений находится в зависимости от возраста, пола человека, его профессии, степени образования, времени года и прочего"¹. Он объяснял различия в мужской и женской преступности не только различием в физической развитости полов, но и связывал женское девиантное поведение с отрешенностью от общественной жизни, замкнутостью в кругу семейных обязанностей. Кетле утверждал, что у мужчин склонность к преступлению выражена гораздо сильнее, чем у женщин, так как последние в большей мере находятся под влиянием чувств, им свойственны стыд и скромность, они имеют меньше возможностей для совершения преступлений в силу своей социальной зависимости. Кроме того, женщины не всегда могут воспользоваться обстоятельствами, способствующими преступлению, по причине их физической слабости.

Основатель социологических воззрений на детерминанты преступного поведения утверждал, что биологические особенности женщин, определяя или в некоторых случаях ограничи-

¹ Кетле А. Человек и развитие его способностей. СПб, 1865. С.7, 8.

вая количественные показатели отдельных видов преступности, не являются причинами их совершения, однако он учитывал, что женщины оказываются менее защищенными психологически от различных осложнений в жизни¹.

Другое объяснение этого явления было выдвинуто представителем антропологической школы Ч. Ломброзо и его последовательницей в России П.Н. Тарновской². Ч. Ломброзо связывал более низкую интенсивность женской преступности по сравнению с мужской с особенностями женского организма и характера, природой женщины, в определенной степени с ее "биологической недоразвитостью". Среди других популярных идей Ломброзо — утверждение, что на агрессивность женщин в значительной мере влияют менструации. По результатам его исследований, из 80 арестованных по уголовным обвинениям женщин у 71 в момент совершения преступления были месячные. Эта теория Ломброзо популярна и в наше время. В частности, мировой судебной практике известны некоторые случаи, когда подобное обстоятельство смягчало приговор за умышленные преступления против личности, совершенные женщинами³.

Особое внимание криминологов всегда привлекали совершаемые женщинами преступления, связанные с преднамеренным лишением жизни своих жертв, поскольку наличие относительно высокого уровня убийств и других насильственных преступлений, совершаемых женщинами, установлено давно.

Итальянский криминолог Энрико Ферри, последователь Ломброзо, считал, что женщины, по сравнению с мужчинами, более жестокие и "упорные" рецидивистки, обнаруживают меньше раскаяния, чем самые свирепые преступники-мужчины. Присоединяясь к мнению Ломброзо о низкой чувствительности женщин, Э.Ферри полагал, что это происходит у них из-за исполнения материнских функций, которые отнимают столько сил, что задерживают биологическое развитие женщин, и по уровню развития психики они стоят между ребенком и взрослым⁴.

Значительный интерес вызывают научные взгляды уже упоминавшейся выше последовательницы антропологической шко-

¹ Криминология. М., 1997. С. 674.

² См.: Ломброзо Ч., Ферри Э. Женщина-преступница и проститутка. Киев, 1902.; Ломброзо Ч., Ласки Л. Политическая преступность и революция. Спб, 1906.; Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. Спб, 1902.

³ Женская преступность..Энциклопедия приключений и катастроф. Минск, 1996. С, 317.

⁴ Ферри Э. Преступные типы в искусстве и литературе. Спб., 1908. С. 47,48.

лы П.Н. Тарновской, которая исходила из биологической предрасположенности человека к преступному поведению, но тем не менее отдавала должное неблагоприятным условиям жизни, воспитания, примеру.

В своей работе П.Н Тарновская тщательно и обстоятельно исследовала личности и поведение 160 женщин-убийц, в основном жительниц европейского центра России. Все преступницы подвергались антропометрическим измерениям, а большинство из них — функциональному исследованию зрения, слуха, обоняния, вкуса, общей и болевой чувствительности. Собирались сведения о прошлой жизни этих женщин и их семей, в том числе о занятиях, болезнях, характерах, склонностях и привычках, а также психологическая информация, полученная в процессе бесед с преступницами.

На основании анализа полученного материала и приведенных сопоставлений Тарновская пришла к следующим выводам: имеются некоторые различия антропологического характера между преступницами и не преступницами, а также между отдельными подтипами убийц; при относительно плохо развитом и меньшем по емкости черепе "наделенные многочисленными анатомическими признаками вырождения—дистрофиями лица, головы, ушей, зубов, изменениями в деятельности органов чувств, отягощенные неблагоприятной наследственностью, женщины-убийцы представляют еще большие отклонения в психическом и половом отношениях. Порывистые и импульсивные или нравственно притуплённые, не чувствующие зла, с неправильной, извращенной половой функцией или, наконец, явно больные, с душевными и нервными расстройствами, преступницы действительно представляют своеобразный дефектный плод ослабленной или измененной жизненной энергии их восходящего поколения... Мы имеем дело с людьми, неправильно развитыми с первых дней зачатия".

Показательно, что еще очень долго, вплоть до 30-х годов XX-го столетия, совершение насильственных преступлений женщинами объяснялось главным образом биологическими, врожденными факторами. Но вместе с тем стали появляться и труды, в которых делалась попытка подвергнуть оценке не только физиологические параметры преступных типов, но и вникнуть в сферу их мироощущения и восприятия окружающей обстановки. Иными словами, наметилось еще одно направление в изучении личности преступниц — психологическое.

¹Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. Спб., 1902. С.456.

Можно предположить, что данное направление в изучении личности применительно к криминологическим исследованиям стало развиваться под влиянием новейших достижений теории психоанализа Зигмунда Фрейда, получивших, как известно, мировое признание. Но все же следует уточнить, что, несмотря на свою новизну, это направление криминологической мысли стояло ближе к биологической школе объяснения причин преступного поведения, в отдельных случаях являясь как бы ее составляющей.

К числу подобных исследований можно отнести работы В.А. Внукова, в частности статью "Женщины-убийцы". Стремясь вскрыть причины совершения женщинами убийств и в этих целях проникнуть в их внутренний мир, В.А. Внуков приводит развернутые примеры с детальным анализом личности виновных. На основании проведенных исследований он приходит к некоторым принципиальным выводам, утверждая, что "данные биологии, как бы критически к ним не относиться, все же говорят о том непреложном факте, что в проявлении себя вонне женщина под влиянием определенного социального пресса, так сказать, физиологичнее мужчины. Иными словами, в своих реакциях она ближе к их физиологическим корням, чем к их психологической надстройке. Отсюда острота и напряженность в ее действиях"¹.

Иначе объясняли преступность женщин сторонники социологической школы. Они учитывали социальное положение женщины, ее отрешенность от политической и общественной жизни, замкнутость рамками домашней обстановки и бытовых забот². Все последующее развитие науки показало, что приоритет в причинном комплексе преступности принадлежит тем обстоятельствам, которые формируются в условиях социальной жизни. Именно они оказывают наиболее значимое влияние на формирование преступного поведения женщины, как, впрочем, и правомерного.

Анализируя статистику преступлений в связи с полом, М.Н. Гернет, один из основателей российской криминологической науки, справедливо отмечал, что проживание в семейном кругу и ограничение интересов половой сферой ^{определя-}

¹См.: Внуков В.А. Женщины-убийцы. Убийства и убийцы. М., 1928. С. 191—249.

²См.: Гернет М.Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств). М., 1922. С. 134—139.

ет свойства женской преступности, уменьшая ее количественно и сужая рамки ее качественных различий. Он же высказал ряд справедливых замечаний в адрес уголовно-антропологической школы Ломброзо. Научные взгляды Ломброзо и его последователей, по мнению Гернета М.Н., соответствовали значению, которое эта школа придавала анатомическим и физиологическим свойствам организма в механизме преступного поведения. Он высказал ряд справедливых замечаний в адрес уголовно-антропологической школы Ломброзо. Такой взгляд соответствовал значению, которое эта школа придавала анатомическим и физиологическим свойствам организма в механизме преступного поведения. Объявив женщину стоящей на более низкой ступени органического развития, чем мужчина, Ломброзо должен был ждать большей криминогенной активности именно со стороны лиц женского пола. Но поскольку данные уголовной статистики свидетельствовали об обратном, Ломброзо считал, что к цифрам женской преступности необходимо добавить сведения о женской проституции, так как типы преступницы и проститутки схожи между собой.

Но тем не менее криминология многим обязана Ломброзо, поскольку он одним из первых задумался над причинами преступного поведения. Несмотря на исходную неверность своих взглядов на данную проблему, основывавшихся на будто бы врожденных преступных качествах, Ломброзо первым столь масштабно поставил в центр внимания тех, кто совершает преступления. Он же положил начало системному изучению женщин-преступниц. Выдвинутые им положения о преступности женщин вызвали оживленные дискуссии и тем самым способствовали дальнейшим научным поискам.

Апологеты социологической школы при объяснении феномена преступности уже тогда фиксировали, что большинство преступлений совершается женщинами в городах, поскольку у них там иные условия жизни и выше социальная активность. В городах, особенно крупных, сильно развита и проституция. Причем она объяснялась достаточно поверхностно: только голодом и нуждой женщин. По мнению сторонников такой точки зрения, в городе перед голодной женщиной, не имеющей возможности работать, лишь два пути — совершать преступления или заниматься проституцией.

Среди работ, в которых дается детальный анализ статистических данных о женской преступности, обращают на себя внимание и труды М.Ф. Заменгофа. В них можно найти разнообразные социально-демографические данные о мужчинах и

женщинах, совершивших преступления, причем приведенные сведения о тех и других все время сопоставляются¹. Но в целом это тот же описательный уровень изучения женской преступности, преобладавший тогда и именуемый в науке феноменологическим. С помощью данного метода явление (феномен) лишь описывается, но не объясняется.

Можно назвать и другие работы, в которых рассматриваются природа и причины насильственного преступного поведения женщин. В некоторых из них весьма эффективно используется метод анализа и интерпретации конкретных примеров. К их числу можно отнести статью Е.К. Краснушкина и Н.Г. Холзаковой "Два случая женщин убийц-гомосексуалисток"². В ней дан развернутый и обстоятельный психологический анализ совершенных женщинами убийств, причем этот анализ дополняется ценными наблюдениями психиатрического характера, медицинскими данными. Большое внимание уделяется действию наследственных факторов.

Заслуживают внимания научные труды о причинах детоубийств, как одного из наиболее типичных проявлений отклоняющегося поведения женщин. В 1928 г. Б.С. Маньковский объяснял причины роста детоубийств тем, что в то время, когда бывшие семейные устои были значительно поколеблены под влиянием социальных потрясений и революционных преобразований, новые бытовые начала еще недостаточно укрепились. Как следствие — наметилась тенденция к возросшей легкости половых отношений, приводящая нередко к теории полового нигилизма. Эта легкость, по мнению Маньковского, вела к значительному росту числа внебрачно забеременевших, что в свою очередь обуславливало увеличение количества женщин, желавших избавиться всеми возможными способами от социально неодобряемого положения, в котором они оказались³.

Объективно признавая присутствовавший в данных работах новаторский подход и несомненную актуальность, все же хотелось бы подчеркнуть, что все они носили описательный характер. Исследователи - криминологи по большей части лишь выявляли и фиксировали определенные закономерности женского преступного поведения, должным образом не объясняя его детерминацию.

¹ См.: Заменгоф М.Ф. Брак, семья и преступность. Петроград, 1916.

² См.: Краснушкин Е.К., Холзакова Н.Г. Два случая женщин убийц-гомосексуалисток. Преступник и преступность. М., 1926.

³ См.: Маньковский Б.С. Детоубийство. Убийства и убийцы М 1928 С.261,262.

Констатируя данный факт, нельзя забывать и о том историческом периоде, в пределах которого осуществлялись сами эти исследования. Жесткие рамки политического режима и официальной идеологии не допускали какого-либо обоснования причин преступности, отрицавшего теорию об их искоренимости. Как известно, эта обстановка повлияла на развитие криминологической науки в масштабах СССР, а также на изучение проблем преступности женщин.

Данный вид преступности вновь начал привлекать к себе внимание ученых лишь с начала 70-х г. нынешнего столетия. При этом изучению стали подвергаться не только статистические закономерности и особенности личности женщин-преступниц, но и целые видовые проявления их преступного поведения, особенности микросоциальной среды, в том числе и в местах исполнения наказания.

Несмотря на это обстоятельство, отмечая существующий по сей день определенный дефицит научной информации по многим вопросам, связанным с женской преступностью, необходимо подчеркнуть, что первенство в освещении данной проблематики бесспорно сохраняется за российскими криминологами, среди которых нельзя не назвать М.Н. Голоднюк, В. А. Серебрякову, А.К.Звирбуля, Е.В.Середу, Ю.М. Антоняна и других¹.

Если говорить о казахстанской криминологической науке, то примеров сколько-нибудь обстоятельного, целенаправленного и глубокого исследования проблем женской преступности нам найти не удалось. Но отдельные, фрагментарные, обрывочные сведения о преступности среди женщин, относящиеся к ранним периодам развития отечественной криминологической и уголовно-правовой мысли, все же представлены в настоящей работе. Закономерный их анализ мы посчитали необходимым начать с позиций краткой исторической ретроспективы и характеристики социальных условий жизни женщин.

1. 2. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ КАК СУБЪЕКТА НОРМ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Вопрос об истории казахского права вообще и его уголовно-правовых институтов в частности остается одним из узких мест и в отечественной юридической науке.

¹ Конкретный анализ научных взглядов этих авторов, посвященных женской преступности, приводится в соответствующих разделах настоящей работы.

В настоящей работе не ставится цель анализа различных отраслей права, а лишь предпринята попытка проследить за процессом эволюции социально-правового статуса личности женщины как субъекта норм обычного права казахов. До сих пор ощущается огромный дефицит научной информации по этой проблеме. И вполне естественно, что изучение интересующих нас аспектов может основываться в первую очередь на анализе указанных норм обычного права, прежде всего, на основе уже проведенных исследований в этой области.

Ни в коей мере не претендуя на историческую новизну приводимых данных, считаем необходимым остановиться на характеристике отмеченных особенностей нормативно-правового характера, позволяющих сделать определенные выводы о наличии конкретных проявлений, выразившихся в нарушении норм права со стороны женщин.

Известно, что нормы обычного права, принятые в родовых общинах на территории Великой степи, были во многом определены традициями законодательного характера, установленными принципами кочевой культуры.

Особое влияние на процессы развития и трансформации номадной (кочевой) цивилизации имели устои общественно-государственного устройства Монгольского ханства. Народные обычаи и воззрения, подкрепленные взглядами самого Чингис-Хана, нашли отражение в дошедших до нас фрагментах законодательства Монгольской империи, так называемых "Ясах" или "Джасаке"¹. "Яса была для потомков Чингис-Хана ненарушимым законом, от предписаний которого они ни в чем не отступали"².

В этих правилах, являющихся, по существу, одним из первых письменных источников правовой культуры кочевых племен, населявших территорию современного Казахстана, проводилось разграничение в отношении мужчин и женщин по видам и порядку назначения наказаний за совершение ими запрещенных в Ясе деяний³.

С начала XVI в. в Казахстане действовали законы хана Касыма, так называемая "Столбовая дорога Касыма", в основу ко-

¹Яса или Джасак — это общий свод военных, гражданских и иных норм и предписаний, обыкновенно с установлением соответствующей кары за их нарушение или неисполнение. Были обнародованы в 1206 г.

²Березин А.Я. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Труды восточного отдела Архивного общества. Спб., 1868.

³Эренжен Хара-Даван. Чингис-Хан как полководец и его наследие. Алматы, 1992.

торых были положены нормы обычного права (адата), утвержденные в Ясе.

Нормы обычного права казахов, как известно, были окончательно кодифицированы и дополнены в конце XVII в. при хане Тауке в виде единого свода под названием "Жеті жарғы" (Семь установлений).

При хане Тауке в системе казахского права очень хорошо отразились изменения, вызванные дальнейшим углублением феодальных отношений во взаимоотношениях двух групп казахских феодалов — султанов и биев. В "Жеті жарғы" стали защищаться интересы бийских групп, экономическое и политическое влияние которых выросло к началу XVIII в.

Изучение системы права дореволюционного Казахстана осложняется тем, что большинство населения Казахстана, у которого преобладающим было кочевое, скотоводческое хозяйство, не имело единого писаного права. Казахское обычное право — адат — устно передавалось из поколения в поколение, приспособляясь и изменяясь в соответствии с изменением экономической жизни.

Уголовно-правовые нормы казахского обычного права, относящиеся к охране чести и достоинства личности, различали ненаказуемые и наказуемые оскорбления.

Так, по закону Тауке, наказуемой считалась обида словами или действием, нанесенная султану или ходже, которые составляли высшее сословие класса феодалов.

Если остановиться на правовом положении женщины по казахскому обычному праву, то неизбежно придется затронуть отчасти и нормы мусульманского права (шариата), ибо влияние шариата на регулирование семейно-брачных отношений казахов было значительным. Освещение этих вопросов во многом будет способствовать правильному пониманию сущности преступления в области семейно-брачных отношений в казахском обществе.

В законе Тауке и в позднейших памятниках казахского обычного права предусматривалась ответственность за обиду, нанесенную женщине. Но надо полагать, что господствующий класс устанавливал ответственность за посягательство на честь женщин потому, что обида, нанесенная женщине, рассматривалась, главным образом, как обида, нанесенная ее мужу и его сородичам, а также родственникам потерпевшей.

Вместе с тем посягательство на честь женщины, вероятно, рассматривалось и как действие, направленное против семейной собственности мужчины, поскольку при патриар-

хально-феодалных отношениях женщина до вступления в брак покупалась своим мужем, как вещь, как собственность, и в случае смерти мужа вдова переходила по наследству к одному из его родственников (аменгерство). В целом посягательство на честь женщины, по-видимому, рассматривалось как действие, нарушающее основы феодально-семейных отношений. Иначе существование такой нормы в казахском праве, как ответственность за обиду женщины, было бы несовместимо с тем положением, в котором она находилась.

По нормам казахского обычного права за словесное оскорбление женщины виновный должен просить прощения, но если обиженная, или ее муж, или отец не простят, то его наказывали *аипом*. Обычно размер аипа за обиду женщин определялся одной лошадью и чапаном. Иногда виновного подвергали позорящим его наказаниям: водили вокруг юрты 3 раза с надетым на шею худым войлоком.

Во всяком классовом обществе правовое положение женщины в области общественно-политической жизни предопределяло и ее правовое положение в семье.

При патриархально-феодалном строе у казахов, как и у многих других народов, женщина находилась в обществе и в семейном быту на положении рабыни. Это было закреплено нормами обычая.

По казахскому обычному праву женщина полностью устранялась от какого-либо участия в общественных и государственных делах. Она, за редким исключением, не имела права участвовать на судебном процессе в качестве стороны, защищающей свои права. За нее должны были выступать муж, отец или другие лица, в подчинении которых находилась женщина. Хотя формально женщине не запрещалось быть свидетельницей в суде, но фактически она не имела и этого права. Если же ей приходилось когда-либо выступать в суде, то показания ее признавались менее ценными, чем показания мужчины. Женщина не имела права самостоятельно заключать какие-либо имущественные сделки. В семье она рассматривалась до выхода замуж как собственность отца, а после замужества — как собственность мужа. В патриархальной казахской семье все члены ее находились под властью главы семейства. Глава патриархальной семьи — отец или муж — имел почти неограниченную власть над детьми и женами. Об отце и муже нельзя было сообщать органам власти даже тогда, когда они совершали тяжкие преступления. Так, например, по закону Тауке "жена и дети, знающие о воровстве мужа или отца и не доне-

щие на него, не подвергаются никакому взысканию, ибо на старшего в семействе не позволено доносить¹".

Нормами казахского обычного права были узаконены такие обычаи, как калым, вступление в брак с несовершеннолетними, многоженство, аменгерство и т.п. По казахскому обычному праву брак считался имущественной сделкой между родителями или близкими родственниками жениха и невесты. В силу этой сделки родня невесты уступала ее в дом жениха за калым. Уплата калыма была равнозначна бракосочетанию, т.е. после его уплаты брак должен был обязательно состояться. После уплаты калыма отец невесты не освобождался от обязательств даже в случае смерти дочери. В случае смерти засватанной дочери он должен был уже без калыма дать жениху другую свою дочь или возратить полностью полученный калым: "Если умрет невеста, родители ее обязаны выдать жениху другую, никем не просватанную свою дочь, а в случае неимения такой — возратить калым"². При заключении договора о браке не требовалось согласия вступающих в него.

Существование калыма полностью характеризует отношение к женщине: она рассматривалась как собственность, как вещь, которую можно было продать и купить. При заключении калымного договора родители невесты зачастую преследовали единственную цель — извлечь материальную выгоду вступлением в родство с более состоятельными и влиятельными людьми.

В период ханского управления казахскими жузами, когда в степи особенно были распространены барымта (угон скота) и другие формы феодальных междоусобиц, сватовство знатных людей принималось как знак взаимного прекращения вражды.

Расторжение брака зависело исключительно от мужа. Мужчина одновременно мог иметь неограниченное количество жен, если он был в состоянии уплатить за них калым и содержать их. При патриархально-феодальных отношениях у казахов, как и у многих других народов, многоженство было довольно распространенным явлением среди имущих классов. Не случайно у казахов существовала поговорка: "Байдың әйелі өлсе төсегі жаңғырады, жарлының әйелі өлсе басы қаңғырады" (У богатого жена умрет — постель обновляется, а у бедного жена

¹Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. АН КазССР, Алмата, 1955. С.54.

² Там же. С. 58.

умрет — голова вскружится). На женщин смотрели как на домашних рабынь, поступающую в семью дополнительную рабочую силу. В случае смерти мужа жена передавалась в жены одному из его наследников — близкому родственнику. Такое отношение подтверждается существованием у казахов обычая аменгерства, который известен у европейских народов под названием "левират". Согласно этим обычаям, жена обязана выйти замуж за брата умершего мужа, а если нет брата, то за другого родственника. Если вдова по своей воле выходила замуж за постороннего человека, то она лишалась права на все свое имущество. Более того, дети первого мужа должны были оставаться у родственников покойного. Нормы казахского адата гласят: "Вдова, если пожелает выйти замуж, то должна непременно выйти за родного брата своего мужа или за ближайшего родственника... вдова может выйти замуж и за постороннего киргиза, но в таком случае она теряет все свое имущество, дети, от первого брака, не исключая грудных и еще не рожденных, остаются у родных умершего мужа"¹.

Рабское положение женщины в обществе и семье не только дополнялось нормами мусульманского права — шариата, но и ухудшалось под его влиянием. Согласно шариату, "жена, имея мужа, своего ближайшего покровителя, должна слушаться его повеления и не противоречить и не противодействовать мужу. Жена, исполняя приказания и желания мужа своего, должна охранять в то же время собственными своими распоряжениями целостность имущества и всего дома. Без разрешения мужа жена не имеет права приступить ни к каким сделкам"².

Брак в шариате известен под арабским термином "неке", что буквально означает физическое сожитие. На юридическом языке этим словом обозначается особого рода частный договор, имеющий целью деторождение. Обязательным условием для вступления в брак является уплата со стороны мужчины так называемого "махра" (т.е.калыма) родителям или родственникам женщины. В сборнике статей шариата, оставленном ташкентскими казнями и другими знатоками мусульманского законоведения, говорится: "Не достигшие совершеннолетия Мальчики и девочки могут быть соединены брачным союзом помимо их воли родителями брачующихся и заменяющими родителей опекунами. Совершеннолетними считаются мальчики в 15 лет, а девочки в 16 лет, при условии наличия физической зрелости"³.

¹ Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов. АН КазССР, Алма-Ата, 1955.С. 69.

² Хиджая. Комментарии мусульманского права, Ташкент, 1893г. Т. 1.

³ Сборник статей шариата, составленный казнями для ревизии гр. Палена. Ташкент, 1909 г.

По шариату развод ("талак") зависит от желания мужа. Жена может наследовать лишь восьмую часть имущества мужа. По этому поводу в Коране говорится: "Также им (вашим женам) четвертая часть из того, что оставите вы после себя, если нет у вас детей, а если есть у вас дети, то им восьмая часть из того, что оставите вы после себя, после выдачи по завещанию вашему того, что завещаете кому-либо, или после уплаты долга"¹. По наследованию имущества отца доля сына должна равняться доле двух дочерей.

По шариату разрешается одновременно состоять в браке с четырьмя женами. В то же время шариат предписывает женщине строго соблюдать супружескую верность, с момента подписания брачного договора избегать всякой предосудительной близости с посторонними мужчинами и не показываться без уважительных причин в публичных местах. Все эти предписания шариата были направлены на то, чтобы держать женщину в затворничестве как домашнюю рабыню.

Хотя по многим вопросам семейного права нормы адата и шариата зачастую совпадали и дополняли друг друга, но в целом постановления шариата по отношению к женщине являлись более строгими, чем нормы адата. По казахскому обычному праву, например, женщина не обязана была носить чадру и могла ходить с открытым лицом, могла принимать участие в праздниках, народных гуляниях, играх и т.п. Широко распространенный обычай "Қыз-қуу", предусматривающий участие девушек в праздничных конных состязаниях, свидетельствует о том, что по нормам обычного права правовое положение женщин было сравнительно легче, чем по шариату.

По обычному казахскому праву похищение женщины влекло за собой строгое наказание. Похищение как без согласия, так и с согласия женщины, но помимо воли ее родителей, мужа или опекуна, считалось одним из самых тяжелых преступлений в области семейно-брачных отношений. Уголовно-правовые нормы защищали не личную свободу женщины, а права ее родителей, мужа или опекуна. Это подтверждается тем, что увоз женщины для вступления в брак, даже с согласия ее, считался наказуемым действием.

Не считалось преступлением похищение (увоз) вопреки воле женщины, но с согласия ее родителей, мужа или опекуна.

Такое положение являлось одним из ярких проявлений правовых взглядов на женщину, рассматривавших ее как вещь,

¹ Коран. Суре IV, стих 14.

собственность мужчины. Похищение женщины приравнивалось к изъятию у мужчины (отца или мужа) какой-то части его собственности.

Казахское право различало ответственность за похищение непросватанной и просватанной девушки или замужней женщины. Похищение просватанной девушки или замужней женщины влекло за собой более тяжкое наказание, чем похищение непросватанной девушки. За похищение непросватанной девушки виновного заставляли жениться на ней, заплатив отцу установленный калым и сверх того штраф, поскольку похищение женщины, за которую был уже заплачен калым, рассматривалось не только как нарушение интересов ее родителей, но и интересов мужа и его сородичей.

За похищение женщины назначались такие меры наказания, как смертная казнь, телесные и позорящие наказания, *кун* и *аип*. В состав куна и аипа, взыскиваемых с виновного в пользу отца или мужа похищенной женщины, входили, кроме нескольких сотен голов скота, еще 2—3 девушки или слуга (рабыня). Разумеется, что кун или аип таких огромных размеров могли уплатить только богатые люди. Бедняки, за которых не соглашались платить их сородичи, отвечали жизнью или подвергались телесным и позорящим наказаниям¹.

Нарушение супружеской верности мужчиной при патриархально-феодальном строе было обычным явлением и не рассматривалось как преступление. Мужчина, совершивший прелюбодеяние, привлекался к ответственности не за нарушение супружеской верности, а за вторжение в чужое семейство.

Существование этих обычаев вовсе не исключало строгой наказуемости прелюбодеяния, а лишь закрепляло привилегированное положение мужчины в области семейно-брачных отношений. Прелюбодейная связь для мужчины не считалась позорной перед его семьей и сородичами. Напротив, женщина, нарушившая супружескую верность, преследовалась мужем, его сородичами, а также своими родителями и родственниками, тогда как мужчина, совершивший прелюбодеяние, преследовался только со стороны мужа изменившей женщины и его сородичей. Родители забеременевшей-девушки могли убить ее, чтобы не предавать огласке факт ее прелюбодеяния.

В дореволюционном Казахстане при разрешении семейно-брачных дел казахов суды биев руководствовались нормами казахского обычного права, а суды кази (мулл) — нормами мусульманского права — шариата.

¹ Культелеев Т.М. Уголовное обычное право. Алма-Ата, 1955.

Неравенство в отношении оценки одних и тех же преступлений, совершенных мужчиной и женщиной, было весьма очевидно. Если жена умертвляла мужа, то она непременно должна была быть предана смертной казни, от которой не могла спасти уплата *куна* (выкупа), если только родственники не прощали ее. Однако из этого правила исключались беременные жены, которые за убийство мужей не наказывались, но всегда предавались презрению и почитались бесчестными. Если же муж убивал свою жену, то он мог избавиться от казни, уплатив кун.

Честь, достоинство и неприкосновенность женщины защищались. Изнасилование считалось тяжким преступлением и наказывалось жестоко — вплоть до смертной казни. Обидевший женщину обязан был просить у нее прощения, а в случае отказа в нем, уплатить за бесчестие. Здесь следует иметь в виду, что данный подход, как уже отмечалось выше, был предопределен тем, что защита женщины основывалась в первую очередь на отношении к ней как к собственности, принадлежавшей мужчине, во вторую — как к объекту, обеспечивающему воспроизводство семьи, рода, нации в целом.

Показательно, что детоубийству, как самостоятельному составу преступления, уделялось особое место. Специально оговаривалось, что женщина, умертвившая от стыда незаконно прижитого младенца, предавалась смерти.

В "Жеті жарғы" имелись и весьма демократичные, подтвержденные многолетним опытом, реализуемые и сегодня принципы правового строительства. Так, жена, зная о воровстве мужа и не донесшая на него, не подвергалась взысканию. Правда, в данном случае вряд ли имела место забота об обеспечении объективности в процессе сбора доказательств чьей-то вины. Скорее просто свято соблюдалось правило о неразглашении любой информации, порочащей старшего в семье.

Налиествовали в "Жеті жарғы" и особенности процессуального характера, не допускавшие женщин наравне со слугами и рабами в качестве свидетелей при разрешении и рассмотрении конкретного дела.

В целом же следует подчеркнуть выводы, сделанные в специальных историко-этнографических исследованиях о том, что нормы обычного права в первую очередь были приспособлены для защиты собственности, охраны привилегий казахской знати¹.

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. А-Ата, 1979. С.341; Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в 10—15 веке. М., 1982. С. 77.

С развитием государственности Казахского ханства все большую роль в нормативном регулировании системы государственного управления стали играть нормы мусульманского права, однако так и не получившие единообразного толкования и всеобъемлющего применения на всей территории Казахстана¹.

После присоединения Казахстана к России, особенно в 20—40 гг. XIX в., органы Западно-Сибирской и Оренбургской администрации произвели территориально-административное разделение подведомственных им территорий, населенных казахами, и организовали в них средние и низовые звенья управления, получившие своеобразные, гибридные формы в виде волостных управителей, аульных старшин. Эти изменения кочевого социума положили начало процессу постепенной политико-экономической абсорбции социальных институтов казахского общества Российским государством.

За изменениями характера социально-экономических отношений закономерно последовали существенные изменения и в области судопроизводства². Так, например, система российских судов складывалась согласно Положению об управлении Туркестанским и Степным краями из таких звеньев, как мировые судьи, областные суды и Сенат, как высшая судебная инстанция. Был модифицирован и суд биев, в частности, существенно сужена его юрисдикция, распространявшаяся отныне только на незначительные деликты. По форме бий оказывался выборным народным судьей, чем существенно подмывался сословный, цензовый характер этого института, основанный на традициях суда шариата. Таким образом, можно говорить, что в Казахстане в конце XIX в. стала возникать система органов уголовной юстиции. В крупных городах создавались полицейские управления, в других населенных пунктах — полицейские приставства.

К сожалению, в данный период истории Казахстана невозможно проследить состояние или хотя бы дать предположительное описание преступности в целом, не говоря уже о ее социально-демографической характеристике. Уголовной регистрации преступлений и преступников не придавалось должного значения, так как органы уголовной юстиции на "окраинах Российской Империи" были не столько озабочены противостоянием уголовной преступности, сколько обеспечивали политическую волю самодержавия, являясь, по сути, инструментом ко-

¹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы, 1993.

² Эти процессы во многом были предопределены и являлись логическим следствием общественно-политического и судебного реформирования в России периода 1860—1863 гг.

лониальной политики, ориентированной прежде всего на поддержание внутреннего общественного спокойствия и обеспечение территориальной целостности расширявшихся границ метрополии¹.

Все же, исходя из собственно исторических, культурных, географических и иных естественных закономерностей, попытаемся нарисовать обобщенную картину средневековой преступности. В этой части мы можем оперировать лишь устоявшимися в мировой криминологической науке точками зрения, относившими преступность средних веков к разряду мужской преступности (причем как преступника, так и жертвы)².

В целом, стоит согласиться с подобным выводом. В нашем конкретном случае, когда речь идет о женской преступности применительно к конкретному геополитическому региону, этот тезис подтверждается со следующих позиций.

Во-первых, можно с известной достоверностью утверждать, что в Казахстане практически отсутствовала подростковая преступность. Продолжительность жизни была значительно короче, чем сейчас. Переходного возраста между детством и состоянием взрослого человека не существовало. Ребенок как бы сразу переходил в мир взрослых. Особенно ярко это ощущалось на примере девушек, когда практически малолетними, в возрасте 12—15 лет они становились женами и матерями, несли на себе бремя семейных, а в некоторых случаях и государственных забот.

Во-вторых, достаточно прочные семейные и родовые узы служили надежным саморегулятором межличностных отношений. Внутрисемейные ссоры возникали довольно редко. Даже когда женщина попадала в новую и ранее неизвестную ей микросоциальную среду супружеской семьи, она вела себя в соответствии со строго усвоенными с детства стереотипами, отра-

¹ Административное управление носило ярко выраженный военный характер. Во главе областей находились военные генерал-губернаторы, сосредоточившие в своих руках полноту военной и гражданской власти, что являлось принципом нового административно-территориального устройства Казахской степи. По положению об управлении в Туркестанском крае 1867г., Временному положению об управлении в степных областях волостной управитель сосредотачивал в своих руках полицейскую и распорядительную власть. Он наблюдал за сохранением спокойствия и порядка, за уплатой податей и повинностей с населения. В его обязанности входили приведение в исполнение суда биев. См. Сулейменов Б.С. Об административном устройстве Казахской степи по реформе 1867-1868 гг. Вестник АН КазССР. 1951.№2.

² Шнайдер Г.И. Криминология. М., 1994.

жавшими в себе устоявшиеся общественные взгляды на социальный статус женщины, которые были, в общем, довольно схожи на всем пространстве Центральноазиатского региона.

В-третьих, поскольку женщины и девушки жили в сильно защищенном социальном окружении и к тому же строго контролировались неформальными методами, женская преступность была крайне незначительна и состояла главным образом в выполнении вспомогательных задач при подготовке и совершении преступлений мужчинами. Если говорить о современной уголовно-правовой квалификации таких деликтов, то их можно было бы определить такими составами, как укрывательство преступлений, недонесение о них, в отдельных случаях женщины могли выступать в качестве пособников и подстрекателей непосредственной преступной деятельности мужчин. Кроме того, следует иметь в виду, что занятие прелюбодейством как со стороны мужчины, так и со стороны женщины в уголовно-правовом смысле считалось наказуемым деликтом.

В-четвертых, правовое становление социального статуса женщины в Казахстане происходило в соответствии с общими принципами эволюции правосознания евроазиатского типа, отличительной чертой которого являлось резкое противопоставление по признаку пола, существовавшее до XX века. Так, гражданское право в первую очередь защищало имущественные и социальные права мужчины, отказывая женщине в праве наследования и в признании ее дееспособности. В уголовном праве отражалась четкая дифференциация пола как объекта преступления, субъекта преступления и, наконец, объекта наказания¹.

Резюмируя изложенное, принимая во внимание объективное наличие определенного информационного "вакуума", касающегося рассматриваемой нами проблемы, нельзя не отметить, что женщины традиционно отличались и отличаются значительно меньшей криминальной активностью, чем мужчины.

¹ Подробнее об особенностях становления социального статуса женщины в мировом правосознании — см., напр.: Н. Усачева. Правовое становление социального статуса женщины. Юридическая газета. №№33—36.1995.

Г л а в а 2

**СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА И ПРЕСТУПНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН**

2.1. ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНАНТ
ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Предлагаемый в настоящем разделе анализ определяющих факторов преступного поведения женщин не носит исчерпывающего характера. Это объясняется тем, что само количество так называемых детерминант — совокупности мелких и больших обстоятельств, ведущих в итоге к преступному результату, видимо, невозможно определить с исчерпывающей полнотой и достоверностью. Наука только стремится к этому. И не случайно современная криминология все более отказывается от употребления таких понятий, как *причины и условия* преступности, считая, что истинные причины преступного поведения в их полном комплексе познать сегодня нам просто не дано. Оправдывается это тем, что человечество до сих пор не выработало удовлетворительной теории, объясняющей человеческое поведение в целом. А если это когда-нибудь и произойдет, то вряд ли истинную причину конкретного преступления (как и преступности в целом) удастся свести к некой дефиниции, жесткому перечню.

Именно придерживаясь этой позиции, в настоящей работе освещаются *факторы, определяющие преступность женщин*, но не ее *причины и условия*.

Хотя если употреблять термин *условия*, то именно они — условия жизни — наиболее ярко характеризуют положение женщины в обществе.

Следуя по пути объяснения данного положения вещей, нельзя не согласиться в этой связи в мнением В. А. Серебряковой, которая утверждает, что каждый новый этап развития общества закономерно приводит и к изменению положения женщины как личности. Такая же связь существует и в области преступных проявлений. Например, наблюдается определенная зависимость между сферами занятости женщин и видами совершаемых ими преступлений. Из этого следует важный методологический принцип: изучение женской преступности, как и проблемы преступности в целом, должно быть связано с учетом конкретных

исторических условий. Только анализ конкретных социальных ситуаций-обеспечивает решение этой сложной проблемы¹.

Попытаемся подтвердить правильность приведенной мысли на конкретных событиях нашей недавней истории.

Известно, что начиная с середины 60-х годов в социально-экономической системе бывшего СССР наблюдалась относительная стабильность. Она характеризовалась не только поступательными, хотя и довольно медленными, темпами развития народного хозяйства, ростом благосостояния населения, но и аналогичными тенденциями в динамике и структуре преступности, носившими весьма прогнозируемый (отчасти планируемый) характер. Не случайно этот период отечественного развития получил название "эпохи застоя".

Приблизительно с 1986 г. общество почувствовало результаты социально-экономической перестройки во всех сферах деятельности, провозглашенной и реализуемой тогдашним руководством страны. Повсеместно стали ощущаться "незрелые" плоды поспешного реформирования общественно-экономических отношений: резкое падение жизненного уровня большинства населения, обострение накопившихся десятилетиями и искусственно подавляемых противоречий внутривнутриполитического, межэтнического характера. Думается, в рамках настоящей работы не имеет смысла повторять всем известные, горькие, зачастую кровавые факты нашей современной истории. Однако, по нашему мнению, нельзя обойти вниманием криминогенный потенциал стихийных миграционных процессов, вызванных притоком большого количества социально неустроенных людей из "горячих регионов" некогда единой державы, которые оказывают и будут оказывать в дальнейшем свое негативное влияние на состояние преступности вообще и женской преступности — в частности.

Неуклонный спад производства, обозначившийся в том же 1986 г., разрыв экономических связей между регионами, предприятиями и другие неурядицы экономического характера явились следствием изменения всего прежнего уклада жизни. Вспыхивавшие в разных местах очаги напряженности являются фактором, в силу различных причин провоцирующим женщин покидать семейные и родовые очаги, зачастую обеспечивать

¹ Серебрякова В.А. — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка — одна из немногих современных авторов, обративших внимание и посвятивших значительное количество собственных исследований проблеме борьбы с преступностью среди женщин. См. Серебрякова В.А. Криминологическая характеристика женщин-преступниц. Вопросы борьбы с преступностью. 1971. №14. С.5.

существование своим близким любимыми, в том числе неправомерными, способами, браться за оружие, наконец нарушать закон и, следовательно, увеличивать число жертв, пострадавших от их рук.

Казахстан, являясь на тот момент одним из немногих в масштабах бывшего СССР регионов политической стабильности и межнационального согласия, испытал на себе определенное влияние этих процессов. В настоящее время также нельзя сбрасывать со счетов влияние миграционных процессов как фактора, имеющего в случае своего стихийного, неуправляемого характера криминогенную направленность. Между тем, данные даже официальной статистики (не всегда рисующие объективную картину) в этой области не могут не настораживать.

За период с 1991 по 1996 г. в Республику Казахстан, согласно утвержденной квоте, из стран ближнего и дальнего зарубежья иммигрировали 35366 семей или 154941 человек, в том числе женщины-репатриантки составили больше половины. Только в 1996 г. в Казахстан прибыло 8760 женщин. При этом 7769 женщин прибыли из стран СНГ, 991 — из стран дальнего зарубежья. Большинство прибывших женщин с семьями расселяются в сельской местности (в 1996 г. их размещено в городской местности 3803, в сельской — 4957 человек).

В то же время прирост как по внешней миграции, так и по внутриреспубликанской имеет отрицательное сальдо. Так, за 1996 г., по данным Национального Статистического агентства, прибыли в республику по внешней миграции 24970, тогда как выбыли 118365 женщин. Указанный показатель оттока женщин из республики связан с их выездом в страны СНГ, в первую очередь в Россию, а также в страны дальнего зарубежья, прежде всего в Германию.

Тревожная ситуация складывается и с внутренней миграцией. В связи с реализацией внутренней политики в агропромышленном комплексе экономики, проводимой приватизацией сельскохозяйственных предприятий, многие лишаются работы. По статистическим данным только за 1995 г. из сельской местности в города республики переселились более 26 тысяч женщин¹.

В условиях падения спроса на рабочую силу практически не имеют перспектив найти работу по специальности женщины с высшим и средним специальным образованием старше 45 лет. Еще острее проблема трудоустройства в сельской местности, в малых городах и рабочих поселках. Здесь крайне трудно найти работу женщинам независимо от возраста, образования, специальности. В целом по республике из числа женщин, обратив-

¹ Национальный доклад для Президента РК "Современное состояние положения женщин в Республике Казахстан за 1996г."

шихся в службу занятости в 1996 г., смогли трудоустроиться лишь 13%.

При криминологической оценке приведенной статистики надо иметь в виду, что истинные масштабы данного явления находятся в структуре так называемой "скрытой", неофициальной безработицы, которой неизбежно сопутствует и адекватная по своим масштабам "скрытая занятость", не обеспеченная государством, но востребованная криминальными сферами бизнеса и экономики.

Темпы роста женской безработицы в Казахстане сохраняются высокими. В 1996 г. число безработных женщин возросло по сравнению с предыдущим годом более чем в два раза. Больше всего женщин среди безработных в Мангистауской, Акмолинской, Восточно-Казахстанской и Северо-Казахстанской областях. Около половины женщин, признанных безработными, имеют на иждивении малолетних детей, среди которых есть инвалиды с детства, свыше 5% из них — одинокие матери, около 9% — многодетные.

Характерно, что средняя продолжительность безработицы у женщин более высокая, чем у мужчин, и составляет около 5,8 месяца, в сельской местности республики соответственно — 6,5 месяца. Сформировался слой длительно безработных женщин: у 38% из них период безработицы составляет свыше шести месяцев, у 18% — свыше года¹.

Именно в этот период обозначилась, а в последнее пятилетие обращает на себя особое внимание устойчивая тенденция снижения продолжительности жизни населения и, в первую очередь, значительный рост смертности у мужчин трудоспособного возраста, который для отдельных возрастов равняется 50—60% от уровня 60-х годов. При этом наблюдается также рост женской смертности, хотя затрагиваются в основном старшие возрастные группы, но в значительно меньшей степени, чем у мужчин².

Происходит и снижение рождаемости. Хотя последние медико-демографические исследования, проведенные при поддержке международных демографических организаций, позволили обоснованно заявить о снижении младенческой смертности в Казахстане на 10%.

Женщина в Казахстане в среднем имеет более двух детей (среднестатистически — 2,5 ребенка на женщину). Но уровни рождаемости сильно различаются между отдельными этническими группами населения республики. Так, например, среднестатистическая рождаемость среди казахского населения состав-

¹ Национальный доклад для Президента РК "Современное состояние положения женщин в Республике Казахстан за 1996 г."

² Нефедов В. В зеркала статистики. Аргументы и факты. 1993. № 42.

ляет 3,1 ребенка на женщину, в то время как среди лиц русскоязычного населения — 1,7. Вместе с тем в Казахстане, так же как и в других государствах бывшего СССР, самым распространенным методом регулирования рождаемости по-прежнему являются аборт. По данным этого же исследования, в среднем женщина в Казахстане производит два аборта за свою жизнь. Характерно, что уровень абортaм намного выше среди женщин русской национальности (2,8 абортa на женщину) по сравнению с женщинами-казахками (1,2 абортa на женщину)¹.

Разумеется, одна из основных причинных закономерностей усиления негативных тенденций в структуре женской преступности видится в тяжелых недугах экономики. В свое время "согнанные" в феминизированные бюджетные отрасли народного хозяйства (образование, здравоохранение, служащие в разного рода учреждениях) женщины до сих пор колоссально проигрывают в заработной плате. Все эти факторы, в первую очередь, отрицательно сказываются на семейном благополучии, что, как известно, для женщины представляет предмет особой социальной заботы. Усиливается внутренняя напряженность, тревожность женщин, в том числе за судьбу своих детей и близких. Интерес, с точки зрения опосредованной криминогенной перспективы, представляет статистика численности женщин, занятых в производствах с вредными условиями труда в государствах СНГ.

Таблица 1

Женщины, занятые в производствах с вредными условиями труда в государствах СНГ²

Регион	Промышленность		Строительство		Транспорт	
	Кол-во в тысячах	В % общей числ. женщин	Кол-во в тыс.	В % общей числ. женщин	Кол-во в тысячах	В % общей числ. женщин
Армения	22,3	11,4	0,3	2,3	0,2	3,5
Беларусь	125,8	20,4	2,5	4,1	2,1	3,7
Казахстан	97,5	17,6	8,8	8,0	4,4	3,7
Кыргызстан	19,3	15,3	0,3	2,5	0,6	5,4
Молдова	15,9	13,0	0,8	7,2	0,4	3,4
Россия	1427,7	16,0	54,8	5,2	63,8	5,8
Таджикистан	12,9	14,9	0,4	3,6	0,4	7,2
Туркмения	5,2	9,5	0,1	0,6	0,1	1,2
Узбекистан	46,1	10,3	1,4	2,8	2,2	6,3
Украина	467,5	15,4	11,8	4,0	11,9	3,5

¹ Комментарий к первому общенациональному медико-демографическому исследованию в Казахстане. Экспресс. 27 декабря. 1996.

² См.: Аргументы и факты. №42 . 1996.

Как видно из таблицы, более 2,4 миллиона женщин в странах Содружества заняты на вредных производствах, что в условиях тяжелого быта и недостаточного медицинского обслуживания особенно отрицательно сказывается на состоянии здоровья, общей деградации личности. На общем фоне в Казахстане, как нетрудно заметить из приведенных данных, картина использования женского труда на вредных работах имеет весьма безрадостные показатели.

В обществе долгое время присутствовала тенденция вытеснения женщин с политической сцены. Их чрезвычайно мало в Парламенте, еще меньше в органах представительной власти на местах. Так, на начало 1997г. их численность среди депутатов Парламента составляла около 10,7 %, в том числе в Сенате — 6,5%, в Мажилисе — 13,4 %, среди первых руководителей республиканских исполнительных органов — одна женщина, среди акимов областей — ни одной. При явном преобладании женщин — специалистов с высшим и средним специальным образованием их доля среди руководителей организаций государственного сектора незначительна и составляет около 7%¹.

Во время демократических выборов в представительные органы государственной власти и управления сами женщины стали жертвами политических спекуляций. Едва ли не каждый претендент на мандат депутата включал в свою предвыборную программу обещание заняться решением женских проблем. Но по большей части этим обещаниям так и не суждено было сбыться. Политические партии и движения, пытавшиеся добиться статуса парламентских, оказывались еще недалековиднее: в их программах даже упоминания не было ни о женщинах, составляющих около 51,3% населения Казахстана и соответственно основную массу избирателей, ни о способах решения их проблем.

Однако следует отметить, что подобная практика послужила, видимо, определенным стимулом к росту политической активности самих женщин. Динамично развивается процесс становления массовых женских организаций. Министерством юстиции республики зарегистрировано более 30 различных республиканских организаций, занимающихся проблемами женщин и детей. Для координации этой работы Указом Президента Республики Казахстан при нем создан консультативно-совещатель-

¹ См.: Национальный доклад для Президента Республики Казахстан "Современное состояние положения женщин в Республике Казахстан в 1996 году".

² Сколько нас будет в 21 веке. Казахстанская правда. 26 февраля 1997.

ный орган — Совет по проблемам семьи, женщин и демографической политике. Аналогичные советы созданы при акимах областей и г. Алматы.

Но, несмотря на определенные сдвиги в области "женских проблем", мы пока еще не достигли истинно демократического, цивилизованного уровня их решения. Пример той же России в этом плане достаточно показателен. В частности, тот факт, что в процессе избирательной кампании по выборам депутатов в Федеральное Собрание впервые в истории России женщины выступили в качестве самостоятельной общественно-политической силы. Часть из них сформировала отдельную партию — "Женщины России", без учета интересов и деятельности которой уже невозможно представить себе современную политическую конъюнктуру российского парламентаризма. Казахстан в этом отношении находится как бы в положении "ведомого".

Несмотря на разработанную и принятую¹ Концепцию государственной политики улучшения положения женщин, у нас до сих пор не сформирован национальный механизм для решения их проблем, нет закона о равных возможностях, практически отсутствует судебная практика защиты прав женщин в случаях их дискриминации по признаку пола.

В этом смысле конституционные положения и принципы, по своему содержанию декларирующие демократические приоритеты в отношении равенства всех граждан, нуждаются в более детальном их закреплении с помощью норм национального законодательства, в том числе и с позиции защиты путем использования соответствующих мер государственно-правового принуждения.

Естественно, очерченные выше отдельные грани рассматриваемой нами проблемы сами по себе не означают, что все эти негативные явления социально-экономического порядка непременно должны вывести в различной степени социально дезадаптированных и неустроенных людей на путь совершения преступлений.

Преступное поведение связано не просто с условиями жизни человека, а прежде всего с восприятием и оценкой им этих условий. Восприятие же их может быть совершенно не адекватным, и можно повторить в связи с этим известную истину о том, что одинаковые обстоятельства хороши для одних и абсолютно не приемлемы для других. Преступное поведение, как известно,

¹ Концепция одобрена распоряжением Президента Республики Казахстан 5 марта 1997г. См.: "Panorama". № 9. 1997.

порождается тончайшими, глубинными и сугубо интимными переживаниями, далеко не всегда охватываемыми сознанием. Эти переживания связаны с основами бытия человека, его мироощущением, его отношением к своему месту в жизни и опять-таки с условиями жизни.

Социальное бесправие, общая психическая неустойчивость, потеря нравственно психологических ориентиров и как следствие этого — неприспособленность к семейной жизни в этих условиях, к выполнению социально важнейшей роли "хранительницы семейного очага" — далеко не полная картина современной, отрицательно влияющей на женскую преступность атмосферы в обществе, особенно в среде молодежи.

Молодые женщины и девушки, в том числе и несовершеннолетние, стремятся во что бы то ни стало разбогатеть, подняться, даже одним прыжком вскочить на более высокие ступени социальной лестницы. Само стремление похвально, но дело в том, что при достижении этой цели идут в ход любые средства, зачастую обеспечивающие успех за счет морального падения личности, которое, многократно повторяясь, становится нормой поведения социумов и социальных групп.

Богатство, например, это не только материальные блага, но и относительно высокое положение в обществе, социальный престиж, вхождение в элитные группы, возможность иметь различные привилегии, определенный образ жизни и т.д. Все это становится величайшим соблазном, особенно для молодых людей. И к этим "составляющим благосостояния" стремятся не только праведными путями. Тем более что деньги, привилегии и положение нужны не когда-то в неопределенном будущем, а сейчас. "Благо" для этого возможностей более чем достаточно, и наше общество идет по пути их расширения: практически легализованная проституция, организация сомнительных конкурсов по отбору кандидаток на работу за рубежом, всевозможные низкопробные секс-шоу и т.д. Средствами же "масс-медиа", в свою очередь, все эти явления упорно рекламируются и буквально насаждаются в сознании. В обществе как бы искусственно создается некий имидж нового поколения, в том числе девушек и женщин. Но выдвигаемые им на первый план "ценности" далеко не всегда являются таковыми на самом деле. Этнический колорит, национальные приоритеты, основанные на уходящих в глубь веков традициях и обычаях, в том числе религиозных, гуманные и демократичные по сути нормы межличностного общения по большей части вытесняются слепым копированием еще вчера "чуждой" нам идеологии общества по-

требления, забвением собственной истории и ее позитивного опыта.

Существует и другая, не менее негативная сторона этих процессов. Она выражается в том, что усиливается расслоение в первую очередь молодежного социума, в основном по принципу наличия материальных благ. И те молодые (в нашем случае женщины и девушки), оставшиеся как бы за бортом "красивой жизни", которая постоянно находится у них перед глазами, "самовыражаются" в совершении преступлений. Иной раз просто потому, что другого способа решения собственных проблем у них нет.

В криминологии данные социально-психологические процессы, в общем их понимании, включают в себя понятие "конформности" как в индивидуальном, так и в массовом общественном сознании и поведении.

В научной литературе и ранее имелись суждения по этому поводу. Так, например, Ю.М. Антонян отмечает особенно неблагоприятное положение молодых женщин из необеспеченных и малообеспеченных семей, которым почти закрыт доступ к модной одежде и другим престижным вещам. Их информированность о земных благах исключительно невелика, и поэтому столь значительно у них чувство зависти, ущемленности, неполноценности. Это толкает их на совершение краж и хищений, на занятие проституцией¹.

Эти доводы непосредственно подтверждаются и результатами специальных исследований, посвященных проблеме преступности несовершеннолетних женского пола².

Некоторые фрагментарно встречающиеся в отечественной научной литературе сведения о женской преступности в целом корреспондируются с приведенными выводами." В среднем от 8 до 15% совершивших преступления женщин — это несовершеннолетние. Около 70% преступлений совершаются девушками-подростками в группах"³.

Число совершаемых несовершеннолетними девушками преступлений за последние пять лет из года в год увеличивается.

¹ См.: Антонян Ю.М. Преступность женщин. //Социалистическая законность. N 7. 1991. С. 20.

² См.: Антонян Ю.М., Перцова Л.В., Саблина Л.С. Опасные девицы./ Социологические исследования. N 6. 1991; Мартиросова М.М. Преступность несовершеннолетних женского пола, ее причины и организация предупреждения ОВД. Автореф. канд. дисс. М., 1992. С.21.

³ Проблемы борьбы с экономической преступностью в Казахстане. Алматы, 1996. С.78.

Растет и их удельный вес в общем числе несовершеннолетних преступников. Только за 1996 г. количество преступлений, совершенных девочками-подростками, увеличилось по сравнению с 1995 г. на 8,5%.

За последнее пятилетие, наряду с убийствами, тяжкими телесными повреждениями, грабежами, разбоями и кражами, совершаемыми несовершеннолетними женского пола, появились и новые формы преступного поведения: организованное вымогательство (рэкет), наркобизнес и другие. Поданным нашего исследования и официальной статистики, в общем числе преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола, групповые преступления составляют порядка 86—90%. Это объясняется, в частности, тем, что они нуждаются в своеобразной групповой солидарности: вместе совершают то, что каждая из них в отдельности сделать не может.

В складывающейся вокруг женской преступности социальной атмосфере особенно остро ощущаются проблемы культуры и равенства полов. Консервативно патриархальный тип культуры, опыт тоталитарного режима, который пережило общество, сформировали и поддерживают двойную меру социальной закрепощенности женщины. Это находит свое проявление в морали, которая придерживается необоснованных двойных стандартов, в языке, который отражает форму сексуального неравенства, в образовании, которое порождает и закладывает предрассудки с детства, в средствах массовой информации, которые формируют образ, унижающий достоинство женщины.

Еще один фактор, определяющий современную женскую преступность, — это сама обстановка правового "беспредела" и хаоса, в условиях которой государство, в первую очередь в лице его правоохранительных органов, пытается вести борьбу с этим явлением и пока, как мы видим, по большей части безуспешно.

Многие относительно эффективно действовавшие ранее и формально существующие ныне нормы права зачастую не применяются. В этой связи практика фрагментарного реформирования законодательства в области уголовной политики, преимущественно за счет внесения изменений и дополнений в действующие правовые нормы, по большому счету доказала свою несостоятельность, более того, создалось впечатление, что реформирование уголовной политики в сторону ее гуманизации предполагает прежде всего развал уже сложившейся системы, не обеспечивая при этом адекватную росту преступности эффективность борьбы с ней и исполнения наказания. За примерами далеко ходить не приходится. В Алматы, Караганде и дру-

гих крупных городах широко поставлена на организованную, коммерческую основу проституция с разветвленной и отлаженной сетью конспиративных квартир (а фактически притонов разврата), сутенеров (сводников), подкупом должностных лиц и представителей администрации учреждений социально-бытового и культурного назначения, представителей местных властей и т.д. В проституцию и неуклонно сопутствующие ей иные формы преступной деятельности вовлекаются несовершеннолетние. Однако при этом, например, практика применения норм Уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за содержание притонов разврата и потребления наркотических средств, сводничество, заражение венерическими заболеваниями и СПИДом, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и занятие проституцией, развратные действия, очень не велика и даже имеет тенденцию к сокращению. Между тем, по самым скромным и приблизительным подсчетам специалистов по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, сейчас в одной только Алматы "работает" более тысячи девочек-проституток. Достоинством гласности становится информация о законспирированных видеостудиях, где осуществляется запись на кассеты сцен детской порнографии в самых извращенных формах, вплоть до актов совокупления с домашними животными. Стоимость одной минуты записи детского "порно" составляет около 100 долларов США.

Есть все основания полагать, что участвовавшие в последнее время случаи умышленного похищения и пропажи без вести детей — результат деятельности организованных преступных структур в сфере нелегальной секс-индустрии.

В условиях несовершенства законодательства и правоприменительной практики закономерно возрастает роль организованных преступных структур и их влияния на криминогенную ситуацию вообще и на женскую преступность, в частности. Разрозненная преступная деятельность отдельных лиц и группировок сливается воедино. Отрабатывается ее инфраструктура со строгой иерархией и дисциплиной. Женщины все чаще вовлекаются в деятельность таких преступных синдикатов. И естественно, что в условиях общего роста преступности и активного противодействия со стороны организованных структур правоохранительным органам все труднее сдерживать рост женской преступности, осуществлять профилактику вовлечения женщин в систему организованных преступных сообществ, выходящих, как известно, уже и на мировой рынок, со всеми

вытекающими отсюда негативными последствиями. Тот же рынок проституции, складывающийся в Казахстане, представляет собой опасность еще и потому, что его стремится контролировать организованная преступность. Поступающие от эксплуатации проституции деньги составляют значительную часть ее оборотного капитала, идущего, в частности, на подкуп сотрудников правоохранительных органов, государственных и муниципальных служащих.

Одним из основных признаков, характеризующих организованную преступность на современном этапе, является расширение сфер уголовно наказуемой деятельности, "кооперация" организованных преступных группировок в различных отраслях экономики, внедрение на "черный рынок" товаров и услуг, получение доходов от проституции, распространения порнографических изделий и наркотиков.

В этих условиях сказывается и отсутствие соответствующих серьезных научных разработок. Плоды длительного и искусственного замалчивания ряда негативных явлений в структуре преступности в целом и женской, — в частности (и как следствие этого — отсутствие действенных мер борьбы с ними) приходится пожинать сегодня. Можно, например, безошибочно констатировать все возрастающий уровень преступного профессионализма. И не секрет, что проблема профессиональной женской преступности также существует и существовала ранее, однако в эпоху "всенародной борьбы по искоренению причин преступности", естественно, наивно было бы полагать, чтобы этой проблеме было уделено должное внимание. А в настоящее время без изучения и определения характеристик этого явления женская преступность не может быть объективно познана.

Профессиональные воровки, мошенницы, содержательницы притонов, сбытчицы наркотиков и краденых вещей являются активными носителями преступных традиций и обычаев, расширяют сферы своей деятельности и вовлекают в нее все большее количество женщин и девушек, особенно молодых. Способствует этому и получившая в последнее время "второе дыхание" так называемая "воровская идея", с присущей ей субкультурой, преступными традициями и обычаями, которые получают свое негативное развитие, хотя и в несколько видоизмененной форме, как в местах лишения свободы, так и на воле.

Нельзя не отметить, что женщинам в структуре общей профессиональной преступности отводится как бы вспомогательная, но далеко не пассивная роль, а в некоторых случаях только участие женщины в преступлении может обеспечить его максимальный "успех".

Здесь уместно будет привести некоторые данные, полученные нами в результате проведенного в ходе исследования опроса практических работников органов внутренних дел — следователей, дознавателей, сотрудников женских исправительно-трудовых учреждений. Так, например, 65% из них отметили нарастающую в последнее время тенденцию к вовлечению женщин в деятельность организованных преступных сообществ. На отсутствие подобного явления указали в своих ответах 22,3% респондентов, затруднились с ответом на этот вопрос 12,5% опрошенных. На вопрос об активности деятельности профессиональных преступниц 37,5% сотрудников органов внутренних дел ответили, что подобное явление имеет тенденцию к росту, 25,0% — не отметили роста женской профессиональной преступности и 37,5% — затруднились высказать свое мнение.

В структуре приведенных результатов выборочного исследования обращает на себя внимание довольно значительное количество респондентов, затруднившихся с ответами на поставленные вопросы. В связи с этим интересно сопоставить их с мнением указанных сотрудников о наличии необходимых научных разработок, практических рекомендаций по вопросам профессиональной и организованной преступности женщин, методики выявления и расследования таких проявлений. На несомненную актуальность и необходимость в практическом применении подобных разработок указали 87,5% опрошенных, а отрицательный ответ был получен лишь в 12,5% случаев. Исходя из этого, можно предположить, что практические работники, непосредственно осуществляющие борьбу с женской преступностью и ее профилактику, испытывают известные трудности, обусловленные отсутствием надлежащих познаний по данным вопросам, что в определенной мере и явилось причиной их затруднений при ответах.

Без сомнения, оказывают влияние на состояние современной женской преступности и обострившиеся проблемы, связанные с содержанием женщин в местах лишения свободы и их последующей адаптацией к условиям жизни вне этих мест. Многие вопросы перевоспитания преступниц и профилактики их последующей преступной деятельности отошли просто на второй план по сравнению с теми проблемами, с которыми столкнулись их сограждане на свободе. Особенно тревожное положение сложилось в женских колониях. По данным нашего исследования, среди находящихся там осужденных 46,3% на общем и 58% на строгом режиме не имели определенных занятий к моменту совершения преступлений. При этом в их число

не входит 2,4% домохозяек, т.е. женщин, находившихся на иждивении других членов семьи. Из числа осужденных к лишению свободы женщин 20% практически не имели постоянного места жительства на момент совершения преступления.

Такой сдерживающий антикриминогенный фактор к моменту освобождения женщины из мест лишения свободы, как семья, как правило, уже отсутствует. При этом надо учитывать, что родительский развод сам по себе, разрушение семьи и делинквентность являются результатом ослабления внимания к детям в такие периоды. Одинокие и несчастные в браке матери более уступчивы в ситуациях, когда проявляется недисциплинированность их детей, чем матери, счастливые в браке. Не отсутствие отца, а снижение надзора и приспособление родителя, оставшегося с ребенком, к его новому статусу играют важную роль¹.

Показательно, что семьи гораздо чаще распадаются в этих случаях у осужденных женщин, чем у мужчин. Такие обстоятельства сами по себе осложняют социальную адаптацию бывших осужденных, а общество и государство, в нынешнем их состоянии, вряд ли способны кардинально повлиять на складывающуюся ситуацию. Тем самым оторванные в течение длительного времени от нормальных условий женщины с устоявшимися антиобщественными навыками и привычками, которые не удалось исправить в период отбывания наказания, оказываются зачастую перед единственным выбором — продолжением своей преступной карьеры.

Рассматривая женскую преступность в плоскости многофакторного подхода к ее детерминации, нельзя не учитывать, что во многом мы имеем дело с закономерными социально-экономическими и историческими процессами, обусловленными объективными сложностями, которые испытывает все общество в так называемый переходный к рыночной экономике период.

Здесь, в частности, хотелось бы обратить внимание на возрастание роли женщины в экономической жизни страны, связанное с неизбежным включением государства в систему открытой мировой экономики по мере продвижения к рынку. Это также объективный исторический процесс, который, однако, несет в себе не всегда одни блага.

Участие женщин в предпринимательстве — это необходимость, вызванная условиями рынка, и своеобразная альтерна-

¹ Фрайди Поль С. Преступность молодежи и ее предупреждение: стратегия воздействия. Криминологические исследования в мире. М., 1995.

тива безработице, бесплатному домашнему и малооплачиваемому труду в государственном секторе. В республике 30% занятых в сферах малого бизнеса составляют женщины, из них 6% работают в кооперативах, 44% — в малых предприятиях, 50% — в частных фирмах.

В период становления рыночных структур, отсутствия эффективной законодательной регламентации новых, неизвестных нам ранее форм свободного предпринимательства, мы вынуждены будем столкнуться (и это уже происходит) и с новыми формами преступной деятельности, в том числе и женской. Ведь, как показывает мировая практика, именно возрастающая роль женщины в экономической жизни страны создает почву для таких видов преступности, как мошенничество с использованием банковских операций, присвоение государственных денежных средств, нарушение налогового законодательства. И нельзя полагать, что женщины в этом смысле в меньшей степени поддаются соблазну, чем мужчины. Об этом говорит и всевозрастающее число привлекаемых к уголовной ответственности работников коммерческих структур (кооперативов, частных и совместных предприятий, акционерных обществ и т.д.) за различные финансовые злоупотребления и махинации. Значительную часть таких лиц составляют женщины, что объективно обусловлено их занятостью именно в этих сферах деятельности, связанных с техническим выполнением денежно-финансовых операций.

Показательным в этой связи является арест в 1996г. полицией Швейцарии гражданки Казахстана К., обвиненной в изготовлении и попытке сбыта 20 фальшивых гарантий Национального Банка Республики Казахстан стоимостью 1 миллион долларов, на общую сумму 20 миллионов долларов США.

В октябре 1996 г. в г. Алматы осуждена к 1,5 годам лишения свободы председатель правления АБ "Номад-банка" гражданка Казахстана Г., которая, вступив в преступный сговор с учредителями банка, незаконно выдала им кредит в сумме 100 миллионов тенге, которые и были впоследствии проконвертированы и переведены на счета нескольких фирм в США, откуда сняты наличными и присвоены, так как эти фирмы принадлежали тем лицам, которые и были учредителями банка.

Гипотеза о расширении диапазона совершаемых женщинами преступлений наглядно иллюстрируется проведенным в ходе исследования изучением практики применения некоторых новелл национального законодательства, в частности ст.222 УК Республики Казахстан, предусматривающей ответственность за уклонение от уплаты налогов с организаций.

В общем массиве привлеченных к ответственности лиц за сокрытие доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения женщины, по нашим данным, составили 60,9%. Как правило, это бухгалтеры частных фирм, совместных предприятий, товариществ, кооперативов, заведующие торговыми предприятиями, имеющие высшее или среднее специальное образование по профилю занимаемой должности, не один год занимавшиеся торгово-финансовой деятельностью и предоставлением отчетности. Средний возраст изученных нами лиц составил 39,8 лет.

Схема совершения этого преступления почти во всех случаях одинакова: это либо укрытие части получаемого товара от оприходования и последующая его реализация, либо умышленное искажение отчетности о движении денежных средств по счетам, с целью занижения размеров облагаемой налогом прибыли.

В связи с этим интерес представляет информация о том, что в большинстве налоговых преступлений инициатива исходит от руководителей, которые зачастую являются и владельцами предприятий. Нередко руководитель предприятия не ставит в известность бухгалтера о совершенных им финансово-хозяйственных операциях, а денежную выручку, не сдавая в кассу, использует по своему усмотрению. Бухгалтерские работники действуют на основе трудового договора или по совместительству, то есть не участвуют в распределении прибыли предприятия, а следовательно, в меньшей степени бывают заинтересованы в сокрытии объектов налогообложения. Поэтому бухгалтеры при совершении преступлений чаще выступают в роли соучастников. Исключения составляют бухгалтерские работники, являющиеся совладельцами предприятий или членами семей, представители которых осуществляют руководство. В этих случаях бухгалтерские работники играют активную роль в совершении преступлений. Договоренность между руководителем предприятия и бухгалтером позволяет им использовать самые различные способы сокрытия объектов налогообложения и вносить ложную информацию в любые документы бухгалтерского учета и отчетности. В роли соучастников в деятельности таких альянсов, как правило, выступают заместители руководителя, кассиры, кладовщики, товароведы, представительство женщин среди которых весьма значительно¹.

¹ См.: Кучеров И.И. Налоговые преступления. М, 1997. С.50—53.

В отношении большей части из изученных нами лиц уголовное преследование было прекращено на стадии предварительного расследования, в связи с возмещением государству нанесенного ущерба и наложения на виновных установленных законом штрафных санкций.

Показательным является и обнаруженная в ходе исследования тенденция к увеличению количества женщин в числе лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за экономическую контрабанду (по ст. 209 УК РК). В основном это так называемые представители "челночного" бизнеса, пытавшиеся в нарушение установленных таможенных правил провозить через границу валютные, антикварные и иные ценности. Данная тенденция красноречиво подтверждает тезис о существенном изменении характера социальных ролей, выполняемых женщинами в наше время.

Безусловно, приведенными выше факторами отнюдь не ограничивается характеристика детерминации современной женской преступности. Те же, которые были упомянуты, имеют, по убеждению автора, принципиальное значение, особенно если рассматривать их в качестве социально-экономических предпосылок для воспроизводства преступности и в виду этого требуют к себе соответствующего внимания.

"Успешно бороться с преступностью можно лишь тогда, когда действуют устойчивые экономические, социально-политические отношения, чего, увы, у нас нет"¹. С данной правовой аксиомой трудно не согласиться.

Но ситуация еще не скоро изменится к лучшему. Преступность и экономика не только будут следовать "параллельным курсом", но даже после того, как хозяйственная и политическая жизнь стабилизируется, негативные последствия кризиса материального производства будут чувствоваться еще долгие годы. Дело в том, что под его влиянием формируются антиобщественные обычаи и нравы, аморальные нормы и представления, обладающие большой живучестью. Они сохраняются и после того, как исчезнут порождавшие их причины социально-экономического порядка. В этом смысле очень важное значение приобретает уяснение роли социальной среды, и микросоциальной в особенности, в формировании противоправного поведения женщин, а также факторов, обуславливающих различия их криминогенной активности².

¹ См.: Карпец И.И. Экономика и преступность. Законность. N 3. 1992. С. 50.

² См.: Антонян Ю.М. О прогнозе преступности в стране. М., 1992.

2.2. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ МИКРОСОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩЕЙ ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Рассматривая выше особенности женской преступности через определяющие, обуславливающие, в том числе "провоцирующие" ее факторы, мы как бы имели в виду общие тенденции, закономерности развития общества и государства. Факторы такого порядка в первую очередь можно отнести к определяющим макросреду жизнедеятельности индивида. Что же касается его непосредственной, привычной обстановки обитания и функционирования, то в данном случае интересно проанализировать взаимовлияние этой обстановки на поведенческие особенности конкретной личности и малых социальных групп.

В социологическом плане основные типы микросреды предложены, в частности, Ю.В. Сычевым. По его мнению, эти типы можно выделить по следующим признакам: 1) по виду деятельности личности (производственно-трудовая, семейно-бытовая, учебно-воспитательная, культурно-просветительская, воинская, воспитательно-принудительная); 2) по территориальному признаку (микросреда большого города, рабочего поселка, села и т.д.); 3) по национально-этническому признаку; 4) по возрастному признаку; 5) по половому признаку¹.

Данная типология в качестве рабочей схемы применима к криминологическому исследованию микросреды, поскольку содержит все ее основные разновидности, анализ которых необходим для понимания путей и механизма формирования личности преступника².

Однако следует уточнить, что применительно к настоящему исследованию предложенная выше схема должна быть, по нашему мнению, несколько изменена и конкретизирована.

Во-первых, половой признак в структуре нашего исследования выходит как бы на первый, общий план. Остальные же признаки должны рассматриваться в прямой взаимозависимости от принадлежности личности к женскому полу.

Во-вторых, предложенная дефиниция микросреды личности по видам деятельности должна быть дополнена микросредой,

¹См.: Сычев Ю.В. Микросреда личности и ее место в системе социальных связей. Веб. Философские проблемы общественного развития. М., 1971. С. 146.

² Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятное влияние на личность в микросреде). М., 1975. С. 16.

связанной с преступной деятельностью, поскольку именно эта деятельность является предметом нашего криминологического интереса. Более того, этот вид деятельности, в нашем случае, является также определяющим по отношению к иным видам деятельности личности.

Таким образом, именно преступный вид деятельности личности и ее принадлежность к определенному полу являются основными отправными точками процесса изучения роли микро-социальной среды в формировании противоправного поведения и факторов, обуславливающих возрастные, территориальные, этнические и иные различия криминогенной активности женщин.

Кроме того, нами также ставилась цель — изучить влияние на личность женщин-преступниц малых неформальных социальных групп антиобщественной направленности, в том числе и преступных групп, а также значение миграционных процессов в изменении социальной среды личности преступниц. Эти элементы также отнесены к числу самостоятельных признаков микро-социальной среды, подлежащих освещению в настоящем исследовании.

Известно, что одной из главных сфер микросреды является семья. Ее влияние на конкретную личность определяется как составом (наличием или отсутствием родителей или одного из них), так и характером взаимоотношений в семье. И если в так называемой "родительской" семье человек приобретает первоначальный и общий опыт социального общения, то в своей собственной семье он уже строит отношения в соответствии с приобретенным к тому времени социальным "багажом". Поэтому необходимо рассматривать роль семейной микросреды в формировании девиантного поведения женщин с учетом этих различий.

Из числа обследованных женщин-преступниц воспитывались в полной семье — 16,9%, в неполной семье — 55,4% (из них в 93,1% случаев — матерью), близкими родственниками — 12,3%, в детских домах, интернатах — 15,4%. При этом воспитывавшиеся в полных семьях "свидетелями" второго брака одного из родителей были 42,3% обследованных.

Наследственность по прямой линии оказалась не отягощенной лишь у 3,1% обследованных. В остальных же случаях имели место: алкоголизм — 49,0%, наркомания — 23,1%, психические заболевания — 7,7%, венерические заболевания — 5,6%, заболевания соматического характера — 34,5%.

Интересными представляются и сведения, характеризующие внутрисемейные отношения между обследованными женщинами и их родителями. На вопрос, "являлась ли в несовершеннолетнем возрасте объектом сексуального воздействия", 11,8% респондентов ответили утвердительно, указав, что таковыми лицами были их отцы. Со стороны отчима подобные действия испытали на себе 10,9% опрошенных, со стороны родственников — 7,7%, иных лиц — 4,6%.

Характеризуя подобные семейные взаимоотношения, известный польский ученый сексопатолог З. Старович отмечает определенную схематическую последовательность возникновения сексуально отклоняющегося поведения родителей по отношению к детям: патопсихологическое развитие личности — алкоголизм — алкогольная деградация личности — сексуальный контакт, в том числе инцест¹.

В этой связи автор солидарен с мнением Ю.М. Антоняна о том, что психологическое отчуждение ребенка родителями — не единственная причина формирования личности преступника. Нередко это происходит иным путем: у ребенка и подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но именно последние демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым нормам, образцы противоправного поведения. Поскольку такие связи имеются, подросток сравнительно легко усваивает эти образцы, соответствующие им взгляды и представления у психологически близких людей. Усвоенные, они начинают стимулировать его собственные поступки².

Приведенные выше данные достаточно ярко отражают ту неблагоприятную картину, которая складывается, как правило, в родительских семьях женщин-преступниц.

Не менее сложным, как показало исследование, является и климат микросреды в собственных семьях этих женщин.

На момент совершения преступления 13,7% из них состояли в зарегистрированном браке, сожительствовали (т.е. находились в незарегистрированных отношениях) — 21,2%, никогда не состояли в браке — 51,2%, были разведены — 13,9%.

В отношении наличия собственных детей женщины распределились следующим образом: лишены родительских прав — 10,1% опрошенных, имеют одного ребенка — 27,6%, двоих детей — 19,3%, троих и более — 14,1%, не имеющих детей оказалось 28,9%.

¹ Старович З. Судебная сексология. М., 1991. С. 253.

² Антоняна Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 84.

Интересно сопоставить эти данные с данными уголовно-правовой характеристики. Так, женщины, совершившие убийство (включая покушение), составили 16,3% от общего количества совершивших преступления. Из числа этих лиц убийцами собственных детей оказались 9,8%, а убийцами своих мужей и сожителей — 44,6%.

Совершению женщинами преступлений на семейно-бытовой почве было уделено достаточное внимание в специальных криминологических исследованиях. И практически во всех особо подчеркивалась роль злоупотребления спиртными напитками и пьянства в непосредственной связи с преступным поведением¹.

Здесь следует особо отметить работы Д.А. Шестакова, посвященные проблемам семейных отношений и их взаимосвязи с преступным поведением. По сути, под влиянием его исследований окончательно сформировалось самостоятельное направление в современной криминологии — семейная криминология². Поэтому считаем целесообразным привести некоторые интересные выборочные данные, наглядно иллюстрирующие освещаемую проблематику³.

Таблица 2

Злоупотребляли алкогольными напитками
(в % отношении к соответствующим
категориям обследуемых)

Преступники мужа	-30
Преступницы жены	- 16
Потерпевшие мужа	-44
Потерпевшие жены	-22

¹ См., например: Середя Е.В. Личность женщин, впервые осужденных за тяжкие насильственные преступления и их исправление и перевоспитание в НТК. Канд. дисс. М., 1983. С. 204; Явчуновская Т.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступности женщин-алкоголичек. Автореф. канд. дисс. М., 1981. С. 23.

² См.: Д.А. Шестаков. Семейная криминология. Спб. 1996.

³ См.: Шестаков Д.А. Супружеское убийство как общественная проблема. Спб. 1992. С. 69,70.

Связь семейных конфликтов со злоупотреблением алкогольными напитками (в %)

Ссорились	Убийство жены	Убийство мужа
В трезвом состоянии	19	5
Когда муж был пьян	19	55
Когда жена была пьяна	30	2
Когда оба были пьяны	12	16
Как в трезвом, так и в нетрезвом состоянии	20	22
ИТОГО	100	100

Из представленных таблиц видно, что для мужчин и женщин, злоупотребляющих спиртными напитками, в числе совершивших убийство на семейно-бытовой почве связь неодинакова. В целом это соответствует существующей ныне статистике, утверждающей, что на 10 алкоголиков мужчин приходится от 3 до 5 алкоголиков женщин¹.

На почве семейно-бытовых конфликтов женщины часто совершают насильственные преступления, например умышленное причинение здоровью вреда различной тяжести (ст.ст. 103—105, 108-109 УК РК) и хулиганство (ст. 257 УК РК). Потерпевшим от таких действий в большинстве случаев становится тот же контингент — мужья, сожители, родственники, соседи.

Давая характеристику микросоциальной семейной среды преступниц, хотелось бы обратить внимание на имеющий немаловажное значение определенный виктимологический аспект. Это поведение потерпевших, которое, как показало наше исследование, в 59,8% случаев носило провоцирующий характер, и его признаками явились: систематическое пьянство, неуважение и циничное отношение к личности виновной, ее детям, применение насилия в форме нанесения побоев и истязания. Более того, на основании изученных уголовных дел и правоприменительной практики мы пришли к выводу, что зачастую

¹ См.: Брон Е. Пить или жить? // Аргументы и факты. 1997. N 45.

следственными и судебными органами не дается надлежащей юридической оценки подобным действиям потерпевших, по существу подпадающих под признаки соответствующих уголовно наказуемых деяний, таких, например, как побои, истязания (ст. 106,107 УК РК). Случаи игнорирования указанного виктимологического фактора в уголовно-правовой оценке преступного поведения женщин, как правило, отражаются и на объеме предъявляемого им обвинения, и закономерно — на характере и размере санкций уголовного наказания.

Подытоживая характеристику микросоциальной семейной среды, хотелось бы согласиться с позицией того же Д.А.Шестакова, который считает, что семья отличается более сильными системообразующими факторами по сравнению с другими малыми социальными группами. В целом поддерживая это мнение, необходимо уточнить, что сила так называемого системообразования в собственной семье индивида во многом зависит от силы воздействия на нее извне, то есть со стороны иных микросоциальных образований, имеющих отношение к личности.

Весьма значимой, оказывающей существенное влияние на формирование жизненных ценностей и интересов личности является учебно-воспитательная микросреда. Общеизвестна взаимозависимость уровня образования и криминогенности: чем выше образовательный уровень, тем меньше вероятность противоправного поведения, поскольку высокий уровень образования позволяет полнее ориентироваться в последствиях того или иного варианта поведения, формировать социально одобряемые потребности и находить правопослушные пути их удовлетворения.

В ходе проведенного исследования выяснялся вопрос об образовательном уровне женщин - преступниц. Полученные нами данные интересно сравнить с результатами специальных переписей осужденных 1979 и 1989 гг., характеризующих образовательный уровень женщин, осужденных к лишению свободы, а также с данными об образовательном уровне осужденных к лишению свободы мужчин.

Распределение осужденных в зависимости
от образовательного уровня в %

Образование	Осужденные женщины			Осужденные мужчины	
	Перепись 1979 г.	Перепись 1989 г.	Собствен. данные	Перепись 1979 г.	Перепись 1989 г.
Начальное Неполное	17,8	7,3	12,3	14,4	5,0
среднее	46,1	30,6	28,4	52,2	26,9
Среднее общее	27,2	47,6	42,9	29,1	60,1
Среднее специальное	7,3	11,2	14,1	3,1	6,2
Незаконченное высшее	0,4	0,6	1,0	0,4	0,5
Высшее	1,2	2,7	1,3	0,8	1,3
Итого	100	100	100	100	100

В приведенной таблице может обратить на себя внимание некоторое "ухудшение" показателей образовательного уровня обследованного нами контингента женщин по сравнению с данными специальной переписи 1989 г. Это объясняется в основном, видимо, тем, что женщины, которым определен строгий режим отбывания наказания, составили в нашем случае 24,4% (по эмпирическим данным на территории Казахстана) и 42,4% (по эмпирической базе Российской Федерации), тогда как по данным специальной переписи 1989 г. этот же контингент составил 8,9% от числа осужденных, отбывающих наказание в женских ИТК², а по изученным данным ведомственной статистики ГУИСС МВД РК данный процент в период 1994—1996 гг. составил 5,5—5,6%.

Естественно, что сам по себе образовательный уровень личности необходимо оценивать в связи с той непосредственной социальной средой, в которой он и был получен. Учебный процесс, как известно, тесно связан с различными формами фор-

¹ Данные специальных переписей осужденных заимствованы из пособия: Потемкина А.Т. Характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в ИТК (по материалам специальной переписи осужденных 1989 г.). М., 1993. С. 14.

² См.: Михлин А.С. Общая характеристика осужденных (по материалам специальной переписи 1989 г.). М, 1991. С. 17.

мального и неформального общения между людьми, организацией самого обучения, условиями социализации личности в учебном коллективе и т.д.

Поэтому заслуживают особого внимания проблемы, связанные с характеристикой микросоциальной среды, формирующейся в сфере обучения и воспитания в системе школьных и профессионально-технических учреждений, в которых учебно-воспитательный процесс долгое время строился и строится в настоящее время, как правило, на принципах "однополого", обобщенно-урavnительного подхода. В результате стираются присущие юношам и девушкам индивидуальные психофизические особенности. Данная система воспитательных мер в большей мере соответствует именно юношеским чертам характера, психики, физиологическим потребностям, формирует жизненные установки, свойственные в большей мере "сильной половине" человечества. Девушки же, испытывая в период становления своей личности такое воздействие, во-первых, утрачивают заложенные в них природой "женские начала", во-вторых, формируют в себе комплекс чисто мужских качеств и жизненных установок — мужественность, стремление к лидерству, навыки в решении спорных ситуаций делать ставку на силовое давление, неуравновешенность, жесткосердечие и т.д.

Случается и так, что указанные выше факторы нередко приводят к аномальному развитию личности, ложному пониманию истинных ценностей человеческого общения, развитию антисоциальных качеств. Если влияние этих негативных факторов оказывается преобладающим и приводит к совершению преступлений, то, как правило, несовершеннолетние правонарушительницы продолжают получение образования в условиях колоний или специальных учебных заведений, где влияние негативных факторов социальной среды еще более усиливается, а организация учебного процесса принимает принудительно-воспитательный характер. Видимо, не случайно исследователи преступности несовершеннолетних женского пола отмечают повышенную агрессивность у таких несовершеннолетних в местах лишения свободы и СИЗО, проявляющуюся и в процессе получения ими образования¹.

¹ См., например: Бойко И.Б. Проявления агрессивности несовершеннолетних осужденных женского пола /Вопросы психологии. N4. 1993. С. 27—30; Данилин Е.М. Педагогизация деятельности ВТК. Сб. научных трудов. Совершенствование деятельности ВТК. М., 1992. С. 30—37.

Так, 25,7% обследованных нами женщин указали, что находились в несовершеннолетнем возрасте в специальных школах, интернатах, а 47,1% отбывали наказание в колонии.

Одним из основных связующих звеньев между отдельной личностью и обществом является ее трудовая деятельность, в процессе которой человек ощущает на себе воздействие соответствующей социальной среды и в свою очередь влияет на нее. Занятие общественно-полезным трудом само по себе важно для становления личности, реализации естественных потребностей общения, получения средств существования и т.п. Незанятость же трудом в совокупности с иным обстоятельством является серьезным криминогенным фактором.

Изученные нами преступницы в зависимости от трудовой деятельности на момент привлечения к уголовной ответственности распределились следующим образом: неквалифицированные рабочие — 25,4%, служащие — 10,2%, работники сферы торговли, бытового обслуживания — 3,9%, работники коммерческих структур — 0,9%, учащиеся, студентки — 1,5%, пенсионеры — 2,9%, домохозяйки — 1,2%, имевшие официальный статус безработных — 0,8%, не работали и не учились — 53,2%.

Женщины, преступные проявления которых были непосредственно связаны с трудовой деятельностью, составили по данным проведенного исследования 14,5%. Они совершали в основном хозяйственные, должностные преступления и хищения, работая в сферах торговли, материально-технического и продовольственного снабжения, разного рода сервисных услуг (от бытовых до туристических), занимали должности, связанные с финансово-кредитной и коммерческой деятельностью. Из этого можно сделать вывод, что корыстно-должностная мотивация определяет преступное поведение женщин в сфере трудовой занятости.

Насильственные преступления на производстве для женщин не характерны. Это подтверждается данными специальных исследований по этой проблеме. Так, например, убийства на производстве совершаются почти исключительно мужчинами — 96,5%. Удельный вес убийц-женщин здесь в пять раз ниже, чем в общей совокупности убийств. Мужчины определяют ситуацию во всех отраслях, как в тех, где преобладает мужской труд, так и там, где труд по преимуществу женский — торговля, бытовое обслуживание, образование¹. Примерно аналогичное соот-

¹См.: Волошина Л. А., Горбатовская Е.Г., Растегаев А. А. Убийства на производственных объектах. Характеристика. Предупреждение. В сб. Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в сфере производства и быта. М., 1991. С.6.

ношение наблюдается и при совершении иных насильственных преступлений в сфере производственно-трудовой деятельности.

Таким образом, имея в виду криминогенное поведение женщин на производстве, нельзя не учитывать такое понятие, как "отраслевая преступность"¹, поскольку для каждой отрасли хозяйствования характерна своя микросоциальная среда, в том числе благоприятствующая совершению преступлений. Именно в определении основных характеристик, признаков, каналов общения, неформальных связей между членами такой микросоциальной среды существует криминологическая перспектива в плане борьбы с преступными посягательствами в указанных отраслях, для которых свойственны в том числе и групповые, организованные проявления, где женщины играют активную роль.

Женщинам, совершающим преступления на производстве, в основном не присуща импульсивность, ситуативность поведения, которые имеют место, например, в структуре бытовой женской преступности. Преступления, совершаемые ими, отличает расчет, соответствующая подготовительная деятельность, включающая в себя и установление необходимых психологических контактов, личных связей, определенная конспирация собственных действий и взаимоотношений с соучастниками. Длительная преступная деятельность в такой микросоциальной среде вырабатывает у женщин соответствующие профессиональные навыки совершения преступлений.

В этой связи необходимо отметить и роль мужчин, совершающих такие преступления в соучастии с женщинами, которых связывают служебные взаимоотношения. Нередко в таких случаях женщины находятся в прямой служебной зависимости от этих лиц, а когда встает вопрос об ответственности за совместную преступную деятельность, истинные ее организаторы всячески стараются переложить свою долю вины на женщину, рассчитывая на гуманное отношение к ней со стороны следственных и судебных органов, пытаются представить ее в глазах следствия как жертву собственных ошибок — халатного отношения к исполнению служебных обязанностей.

В оценке социальной среды, в условиях которой происходит формирование противоправного поведения, нельзя не остановиться на существующих в женской преступности различиях,

¹О понятии и характеристике "отраслевой" преступности см.: Карпец И.И. Преступность. Иллюзии и реальность. М., 1992. С.330—338.

обусловленных местом постоянного или временного проживания. Такие различия характеризуют, например, преступления женщин, совершаемые в городах и сельской местности.

Исследователи женской преступности и ранее отмечали более низкий ее уровень в сельской местности¹. Это, в частности, объясняется и влиянием факторов социальной среды. В городе значительно ослабляется социальный контроль за поведением человека со стороны ближайшего бытового окружения, что, конечно, облегчает совершение противоправных поступков. В сельской местности более прочные социальные связи сами по себе служат элементом социального контроля, заставляют считаться с общей социально-психологической взаимосвязанностью. Как считает Ю.Д. Блувштейн, согласование поведения личности с оценками окружения в сельских условиях является зачастую не столько проявлением сознательности, сколько проявлением конформизма.

Именно в этом коренится причина того, что, потеряв связь с привычной средой, сельский житель становится весьма уязвимым для вредных влияний².

Это мнение хорошо иллюстрируется данными проведенного нами исследования.

Таблица 5

Женщины, совершившие преступления
в городах и сельской местности в %

	Место рождения	Где совершено преступление	Жительница какой местности
Город	56,9	74,7	64,6
Сельская местность	43,1	25,3	22,1

Следует отметить, что лица без определенного места жительства составили здесь 13,3%.

Из таблицы видно, что криминальная активность представительниц сельского населения значительно ниже, как и диапа-

¹См.: Габиани А. А. Преступность среди женщин. Тбилиси, 1986. С.74; Серебрякова В.А. Преступления, совершаемые женщинами. М., 1973. С. 108.

²См.: Блувштейн Ю.Д. Теоретические вопросы статистического изучения личности преступника. Автореф. дисс.канд. наук. М.,1968. С. 13.

зон совершаемых ими преступлений. Преступная деятельность на селе сводится в основном к совершению преступлений в сфере производственно-трудовой деятельности. Это хозяйственные и должностные преступления, обусловленные занятостью женщин в торговле и общественном питании, а также хищения.

В семейно-бытовой среде женщины в сельской местности совершают и преступления против личности, и кражу личного имущества, но подобные деяния гораздо жестче оцениваются общественным мнением, чем в городах. Более того, по наблюдениям автора, женщины, совершившие преступления в сельской местности и осужденные к лишению свободы, после освобождения часто уже не возвращаются домой, а остаются в других местностях, преимущественно в городах. В этой своеобразной закономерности также проявляется определенная характеристика микросреды сельской местности, с ее своеобразными критериями, которые и служат, как правило, чисто психологическим препятствием для возвращения упомянутой категории женщин к месту своего прежнего жительства, поскольку прочность социально-полезных связей по месту жительства находится в обратной зависимости от длительности отбываемого в виде лишения свободы наказания. Приобретенные же в этих условиях отрицательные навыки и принципы поведения уже не согласуются, в понимании женщины, с прошлым образом жизни на свободе.

Давая общую характеристику влияния факторов микросоциальной среды на преступность женщин в городах и сельской местности, необходимо, по нашему мнению, учитывать значение миграционных процессов в изменении социальной среды личности. Последствия разрыва устоявшихся социальных связей, в первую очередь с семьей, близкими, соседями, друзьями, трудовым коллективом и т.д., наиболее пагубно сказываются именно на преступном поведении женщин по сравнению с мужчинами.

Более высокий уровень преступности среди мигрантов в период адаптации их в новых условиях проживания и жизнедеятельности привлекал к себе внимание ученых и ранее¹.

Однако в настоящее время к уже привычным миграционным процессам, таким, например, как отток сельского населения молодежного возраста в города, миграция в районы воз-

¹ См., например: Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника. М., 1975. С. 131—144; Зайончковская Ж. А. Новоселы в городах. М., 1972. С. 105-108.

ведения крупномасштабных народнохозяйственных объектов, прибавился осязаемый поток беженцев из "горячих" регионов некогда единой державы. Основной маршрут этих людей направлен в крупные города республики. Это люди, чей быт не устроен, постоянная трудовая занятость не обеспечена, постоянного места проживания у них нет, они часто конфликтуют с местным населением, некоторые вынуждены вновь покидать места своего временного размещения. Социальная напряженность в таких регионах достаточно велика. Поэтому считаем, что нельзя не согласиться с мнением Ю.М. Антоняна, утверждающего, что подобные обстоятельства необходимо рассматривать в связи с тревожностью женщины, усиливающейся по мере того, чем менее уверенной она себя чувствует, в том числе и в семейно-бытовых условиях¹.

Неустроенность, нехватка средств для собственного существования и обеспечения семьи зачастую стоят у истоков стремления защитить себя и своих близких любыми средствами, обострения мотивов зависти, нередко приводящих женщин к совершению преступлений.

Но, кроме миграционных процессов, вызванных, если так можно выразиться, естественно-историческими процессами, происходящими в обществе, вызывает интерес и миграция, обусловленная стремлением совершать конкретные преступления или целый ряд таких деяний. Миграция и преступная деятельность сливаются воедино. Здесь мы имеем в виду так называемых преступников-гастролеров, в числе которых женщины занимают свое определенное положение.

Как показали результаты исследования, к такой категории преступниц относятся не только лица без определенного места жительства и занятий, но и женщины, имеющие жилье, детей.

Однако прочно сформированные антисоциальные склонности, направленные на совершение корыстных преступлений, определенные профессиональные навыки и приемы преступной деятельности создают у них своего рода психологическую зависимость от подобного противоправного поведения.

Изучение личности таких женщин показало, что они, как правило, специализируются на совершении краж личного (чужого) имущества и мошенничестве. Преступной деятельности предшествует в большинстве случаев довольно солидный уго-

¹ См.: Антонин Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992.С.60.

ловный стаж, в структуре которого преобладает специальный рецидив, характеризующийся высокой интенсивностью. Свои преступления они совершают в транспорте, в крупных и курортных городах, на вокзалах и в аэропортах. Кстати, в их числе немало и жительниц сельской местности, совершающих подобные "гастроли". При этом по месту своего постоянного проживания они ведут довольно правопослушный образ жизни. Как показывает практика, это один из наиболее устойчивых антисоциальных типов личности из числа профессиональных преступниц, изучению которых в структуре нашего диссертационного исследования отведено особое место.

Среди преступниц-мигрантов присутствуют и несовершеннолетние, которые по тем или иным причинам оказались вдали от мест своего постоянного проживания. В основном причиной тому является атмосфера "отчуждения" в родительских семьях таких девочек, а также наличие аномалий психического развития, обусловленное как наследственными, так и приобретенными факторами. Часто они становятся на путь совершения преступлений по воле взрослых вовлечателей, использующих несовершеннолетних в деятельности преступных группировок различной направленности, занимаются проституцией.

Для преступности мигрантов свойственна и своя, особая социальная среда общения. Она характеризуется обширными связями в различных регионах, соответствующих маршрутам "гастролей", и в целом отвечает специфическим требованиям, предъявляемым к ней, — облегчению процесса совершения преступлений, сокрытию его следов, сбыту добытого преступным путем имущества и ценностей.

В ходе проведенного исследования автор попытался найти ответ на вопрос — существует ли зависимость между особенностями среды в микросоциальных группах, сформированных по национальному признаку, и криминогенной активностью женщин. Здесь следует заметить, что, несмотря на несомненный интерес, подобный аспект преступного поведения женщин абсолютно не исследовался ранее. Поэтому поиски ответа на поставленный вопрос базировались на сборе статистических данных, анкетировании и интервьюировании осужденных женщин, экспертных оценках сотрудников правоохранительных органов, собственных наблюдениях автора. В результате было установлено, что для женщин не характерна какая-либо повышенная криминальная "зараженность" в зависимости от принадлежности к определенным национальным группам. Но при этом 16,9% опрошенных нами практических работников территориальных

органов внутренних дел, 21,8% сотрудников женских исправительно-трудовых учреждений и следственных изоляторов и 30,1% осужденных от общего числа респондентов указали на единственное исключение из этого правила, отмечая социальную среду женщин-цыганок, ведущих преимущественно кочевой (миграционный) образ жизни. В свою очередь, проведенное изучение личных дел осужденных к лишению свободы женщин цыганской национальности показало, что 70,3% из них были привлечены к уголовной ответственности вдали от мест своего постоянного проживания за совершение в большинстве случаев краж личного имущества, мошенничества, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Следует также отметить, что определенная консолидация по национальному признаку имеет место среди женщин-цыганок и в местах лишения свободы. Это тоже своеобразное исключение из правил поведения женщин в колониях.

Нельзя не отметить и некоторые особенности преступных проявлений женщин цыганской национальности. Например, мошенничество с помощью гадания потенциальной жертве, при котором оказывается сначала определенное психическое воздействие на потерпевшего, а затем, как правило, происходит завладение принадлежащим ему имуществом и ценностями. Известен также и традиционно характерный для женщин цыганской национальности способ совершения краж: войдя группой в квартиру, под предлогом "перепеленать ребенка" и др., они расходятся по комнатам, присваивая вещи. Иногда в группе цыганок выделяется так называемая "черня". В то время как другие цыганки ходят по квартире и отвлекают на себя внимание хозяев, "черня" наблюдает за выражением глаз последних, по их поведению угадывает местонахождение ценностей, похищает их и скрывается раньше других¹.

Здесь нельзя не отметить, что существовал в законодательной практике бывшего СССР и единственный своего рода нормативно-правовой акт, устанавливавший уголовно-правовую оценку деяния в зависимости от национальной принадлежности, и распространялся именно на лиц цыганской национальности. Таким являлся, пожалуй, беспрецедентный в своем роде правовой документ — Указ Верховного Совета СССР от 5 октября 1956 года "О приобщении к труду цыган, занимающихся бро-

¹ См.: Петрунев В.П. Криминалистическая характеристика квартирных краж. Проблемы предварительного следствия и дознания. Сб. научных трудов ВНИИ МВД СССР. М., 1990.С.34—40.

дьячиством", который устанавливал для них наказание до 5 лет ссылки в соединении с исправительно-трудовыми работами за "уклонение от общественно-полезного труда"¹.

Таким образом, на основании данных выборочного характера целесообразно выдвинуть своего рода гипотезу о том, что влияние микросоциальной среды на преступное поведение женщин, которое обусловлено принадлежностью к определенной национальности, наиболее ярко просматривается в отношении женщин-цыганок. Более того, в этой зависимости видится и различие между преступностью мужчин и женщин. Если для последних национальный фактор не имеет определенного криминологического значения, возможно за исключением указанного выше, то мужчинам, по нашему мнению, бывает свойственна определенная концентрация криминальной направленности действий в условиях малых неформальных групп, объединенных по национальному признаку².

Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что данное криминогенное влияние микросреды: во-первых, обусловлено многими социальными причинами, среди которых на первое место выступают как раз факторы макросоциальной среды существования данных социальных групп; во-вторых, эта зависимость представляет собой настолько сложное переплетение различного рода социальных, экономических, исторических и демографических особенностей, что, безусловно, требует к себе более тщательного, глубокого и конкретного подхода, чем тот, который был предпринят в рамках настоящего исследования, но поскольку признаки указанной закономерности были установлены, мы сочли необходимым отразить их в описании полученных нами сведений; и, наконец, в-третьих, автор принципиально далек от попытки обоснования какой-либо повышенной криминогенности личности, ввиду ее принадлежности к определенным национальным группам и образованиям, рассматривая данный фактор прежде всего в условиях конкретной социальной среды в зависимости от участия в деятельности разного рода неформальных групп антисоциальной направленности.

Существующие в структуре межличностных связей участников таких групп нормы групповой морали и ценностные ориентации являются определяющими в преступных проявлениях конкретной личности.

¹ См.: Росси. Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. С.217.

² Здесь, разумеется, мы не имеем в виду специфических условий национальных конфликтов и межэтнического противостояния.

Одним из основных показателей состояния женской преступности является удельный вес ее в структуре групповых преступлений. Как показало специальное исследование проблем групповой женской преступности, они составляют 26% от общего числа привлеченных к ответственности женщин¹.

По данным нашего исследования, это число составило 30,8%. При этом 14,9% женщин совершили преступления в паре с мужчиной, 6,1% — в паре с женщиной, 3,3% — в группе только мужчин, в группе, состоявшей только из женщин, совершили преступление 2,4% от общего числа опрошенных. Обращает на себя внимание тот факт, что 4,1% женщин совершили преступление, за которое привлечены к уголовной ответственности, в соучастии с не установленными следствием и судом лицами.

На вопрос, носила ли группа устойчивый характер, 67,5% респондентов ответили утвердительно, отрицательный ответ был получен в 25,3% случаев. Указавших, что группа носила характер "случайного соучастия", оказалось 7,2%.

Интерес представляют и полученные сведения, отражающие наличие в группах несовершеннолетних. Так, несовершеннолетние мужского пола присутствовали в 22,4% случаев, женского — в 17,5%. На участие в деятельности преступных групп несовершеннолетних мужского и женского пола указали 8,8% респондентов. Отсутствие несовершеннолетних в групповых преступлениях отмечено в 51,3%.

Не углубляясь в характеристику групповых преступных проявлений среди женщин, по причине уже имеющего место освещения этой проблемы, хотелось бы обратить внимание прежде всего на характерные черты микросоциальной среды, в которой происходит формирование личности участницы неформальных, в том числе преступных, групп.

По нашему мнению, интерес представляет прежде всего взгляд на отрицательное влияние микросоциальной среды сквозь призму таких общественно негативных явлений, как наркомания и проституция. Не случайна и прямая связь, которая существует между преступностью и проституцией. На это обстоятельство, в частности, указывал еще в 1906 г. М.Н.Гернет, когда отмечал, что при объяснении меньшей преступности женщин не следует упускать из внимания их участия в проституции, вызываемой теми же социальными причинами, какие порождают преступность².

¹ См.: Зырянов В.Н. Групповая преступность женщин и ее предупреждение органами внутренних дел. Горький, 1988. С. 10.

Например, в связи с рассмотренными уже характеристиками социальной среды, интересны выводы, сделанные на основе специального изучения проституток в Грузии. Его авторы, в частности, констатируют, что проституция — преимущественно городское занятие, для которого характерно наличие большого числа мигранток — представительниц древнейшей профессии¹. По данным этого же исследования, 22,2% опрошенных проституток потребляли наркотики.

Характеризуют наличие тесной взаимосвязи между преступностью, наркоманией и проституцией данные и нашего исследования. Так, из числа всех респондентов 13,3% находились в момент совершения преступления в состоянии наркотического опьянения. На вопрос: занималась ли проституцией, 27,7% опрошенных ответили утвердительно, при этом они занимались ею регулярно, а 9,2% преступниц пояснили, что занимались проституцией периодически. На вопрос об основном источнике доходов 30,8% ответили, что им являлась проституция.

Исследователи проблем, связанных с распространением наркотиков, отмечают довольно высокий удельный вес женщин среди потребителей — 8,3%, при том среди заключенных этот показатель почти в три раза выше, чем среди находящихся на воле, соответственно 15,2% и 5,3%².

О наличии специфической субкультуры, устоявшихся неформальных норм поведения и общения в среде проституток и наркоманов как представителей своеобразных социальных групп и прямой их связи с преступностью сказано немало, в том числе и на уровне специальных криминологических исследований³. В литературе отмечается, например, специфическая взаимосвязь между наркоманией и отсутствием определенных занятий: "...это, в первую очередь, связано с воздействием наркотиков, обеспечивающих сужение круга общения и создающих трудности социализации. Потребляющий наркотик общается с наркоманами, теряет другие социальные связи, в том числе и по месту работы"⁴. Отмеченные обстоятельства в полной мере можно отнести и к проституции. В настоящее время для

¹ См.: Габияни А.А. Наркотизм вчера и сегодня. Тбилиси, 1988. С. 55.

² См.: Габияни А. А., Мануильский М.А. Цена любви. Социологические исследования. N 6. 1987. С. 61—68.

³ См.: Проституция и преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. Сб. научных трудов под общ. ред. Шмарова И.В. М., 1992.; Алферов Ю.А. Жаргон и татуировки наркоманов в ИТУ. М., 1992.

⁴ Пахомов В.Д., Казакова В.А., Фирсаков С.В. Наркомания и совершение корыстных преступлений. /Советская юстиция. N 12. 1993 . С. 5.

женщин-проституток нет нужды скрывать свое занятие, совмещая его "с основной трудовой деятельностью", поскольку множество коммерческих фирм и предприятий, эксплуатируя проституцию, обеспечивают женщинам официальную трудовую занятость, якобы в сферах разного рода сервисных услуг, которые выглядят, на первый взгляд, вполне благопристойно. Но изменение внешних реквизитов абсолютно не изменило содержание, а даже усилило тенденцию к занятию древнейшей профессией.

Целесообразно обратить внимание еще на одну форму проявления негативного влияния микросоциальной среды на формирование криминогенной направленности личности. Здесь мы имеем в виду определенную возрастную категорию женщин, а именно несовершеннолетних и молодых девушек, которые встают на путь совершения преступлений под влиянием неформальных молодежных группировок.

Как известно, в среде разного рода молодежных формирований антисоциальной направленности зачастую процветают сексуальная распущенность, пьянство, исповедуется культ грубой силы. Одной из принципиальных норм неформального общения, принятых в этих группах, является отношение к девушке и женщине. В условиях подобного общения непременно наступает деморализация несовершеннолетних девушек. У многих из них первые половые контакты вскоре перерастают в беспорядочные половые связи с членами таких группировок. Утрачиваемые в такой среде социально-полезные связи приводят к своеобразной психологической зависимости от группировок и принятых в них форм межличностного общения. Эти проблемы также нашли отражение в специальных исследованиях ученых-криминологов и социологов¹, и нам хотелось бы только подчеркнуть еще раз их остроту и значимость в борьбе с женской преступностью, особенно в плане ранней профилактики преступной деятельности несовершеннолетних и молодых девушек.

Завершая характеристику основных и наиболее характерных элементов социальной среды и ее влияния на противоправное поведение женщин, хотелось бы отметить, что это влияние оп-

¹См., например: Башкатов И.П. Групповая интеграция несовершеннолетних правонарушителей. Совершенствование деятельности воспитательно-трудовых колоний и профилактики молодежной преступности. М., 1992. С.80—92; Кашелкин А.Б. Насилие, как форма антиобщественного поведения молодежных группировок. Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М., 1990.С. 235.

ределенным образом сказывается на различных этапах жизненного пути. Зачастую все стадии социализации личности, начиная от семейной и заканчивая средой, в которой было совершено преступление, как бы закономерно приводят женщину к неминуемому отрицательному результату — совершению преступления. Но случается и так, что лишь на определенных этапах жизнедеятельности влияние негативных факторов социальной среды усиливается и способствует становлению личности преступника.

Криминальная активность женщин в зависимости от возраста представляет собой весьма своеобразное явление, во многом отличное от мужской преступности, определяемой по этому же признаку.

Анализ данных о возрасте осужденных женщин говорит, что большинство лишенных свободы (68,0%) принадлежит к возрастным группам 25—49 лет. Сравнение с осужденными мужчинами показывает, что среди них доминирующими явились возрастные группы 20—39 лет. Это нашло отражение и в разнице величины среднего возраста: 36,3 года у женщин и 32,3 у мужчин.

По результатам нашего исследования, женщины-преступницы распределились в зависимости от возраста следующим образом: 14—17 лет-15,4%, 18-24года-13,3%, 25-30 лет - 13,8%, 31-40 лет — 26,7%, 41—50 лет — 27,7%, старше 50 лет - 3,1%.

Полученные результаты в целом согласуются с данными других исследователей, занимавшихся этой проблемой. Так, например, М.Н. Голоднюк указывает, что более половины из числа обследованных ею женщин совершили преступления в возрасте старше 30 лет, причем наиболее криминогенными группами являются две — от 30 до 40 и от 40 до 50 лет¹.

Выраженная криминогенная активность женщин старших возрастов нашла свое убедительное объяснение с трудах других ученых-криминологов². Основные доводы по этому поводу сводятся к следующему: криминальная активность указанных возрастных групп женщин связана с расширением сферы их трудовой и общественной деятельности, расширением социаль-

¹ См.: Голоднюк М.Н. Криминологическая характеристика женщин, отбывающих наказание в ИТК /Вестник МГУ. Сер. 11. N 5.1983. С. 18.

² См., например: Берекашвили Л.Ш., Кириллова И.А. Криминологическая характеристика женщин, совершивших преступления. М., 1976. С. 42; Кириллова И.А., Лысягин О.Б. Характеристика женщин, отбывающих наказание в ИТК. М., 1981. С.64.

ных контактов; женщины в своей общей массе позднее становятся на преступный путь, а совершив преступление и оказавшись в специфической уголовной среде, труднее, чем мужчины, поддаются процессу социальной реабилитации; жизненные трудности, семейные неурядицы, неустроенность личной жизни и прочие бытовые неудобства воспринимаются женщинами зрелого возраста с большей остротой, что в определенных условиях создает благоприятную почву для преступлений; правоохранительные органы и суды чаще проявляют гуманность к женщинам и не лишают их свободы за первое преступление, кроме наиболее тяжких, а последующие преступления совершаются спустя определенное время, когда женщина становится старше (этим объясняется более высокий возрастной уровень у лишенных свободы женщин, чем у мужчин).

Анализ взаимозависимости квалификации совершенных преступлений и возраста, в котором они были совершены, позволяет сделать вывод о наличии общей тенденции преобладания женщин молодого возраста — до 30 лет — в числе осужденных за насильственные и корыстно-насильственные преступления, в том числе совершенных в составе групп, и постепенного снижения числа таких лиц по мере увеличения возраста, с одновременным расширением диапазона совершаемых уголовно-наказуемых деяний.

Данная тенденция идет на убыль после достижения 50-летнего возраста, где, в свою очередь, отчетливо проявляет себя специальный рецидив.

Указанные закономерности находят свое подтверждение и при рассмотрении факторов отрицательного влияния микросреды на личность преступниц в местах лишения свободы.

2.3. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Уголовное законодательство различает достаточное многообразие видов наказания за совершенные преступления, в зависимости от совокупной оценки степени их общественной опасности. Новое уголовное и уголовно-исполнительное законодательство в этом плане предоставляет довольно широкие вариационные возможности. Но, несмотря на многообразие и закономерное с течением времени расширение диапазона и видов исполнения уголовного наказания, наиболее традиционным и массовым остается наказание, связанное с лишением осужденных свободы.

В Казахстане, например, в настоящее время имеется 74 уголовно-исполнительных учреждения, в которых содержится 76 173 осужденных, из них 2817 составляют женщины¹.

Наказанию в виде лишения свободы подвергаются, как известно, наиболее опасные преступники, а в местах лишения свободы осуществляется комплекс воспитательных мероприятий в целях исправления, перевоспитания осужденных и предупреждения повторных преступлений. Особое внимание при этом уделяется искоренению антиобщественных взглядов, ориентации, наклонностей и привычек, большая часть которых сформировалась у отбывающих наказание, как правило, в результате отрицательного воздействия микросоциальной среды ближайшего окружения на свободу. Однако достижение указанных целей существенно затрудняется влиянием на осужденного других преступников в местах лишения свободы, причем это влияние может способствовать закреплению в сознании тех отрицательных черт, которые явились причиной совершения данного преступления, а также быть источником формирования новых антиобщественных взглядов и стремлений².

По этому поводу Н.А. Стручков писал, что "об эффективности лишения свободы можно судить по тому, совершают ли лица, освобожденные из ИТУ, новые преступления, имеют ли они возможность совершать преступления во время отбывания наказания, удерживает ли печальный пример осужденных от преступлений других лиц"³. И несмотря на то, что данное высказывание относится к периоду "расцвета" социалистической пенитенциарной системы, по своей сути оно остается актуальным и в наши дни.

Выводы о наличии существенных различий в организации общежития в женских колониях от мужских, своеобразии микросоциальной среды лишенных свободы женщин и принятых в ней неформальных нормах и установках, можно встретить в работах Антоняна Ю.М., Дутова М.И., Хохрякова Г.Ф., Пшмаевой Т.А. и других ученых.

В ходе собственного исследования мы попытались, во-первых, сравнить отдельные полученные результаты с данными дру-

¹ Уголовно-исполнительное право Республики Казахстан. Алматы, 1997. С.38; АиФ. Казахстан. №44 (232). 1997.

² См.: Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника. М., 1975. С. 108.

³ Стручков Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 164.

гих исследований по этой проблеме, во-вторых, по возможности привнести некоторые новые сведения в характеристику микросоциальной среды лишенных свободы женщин. Для этих целей использовались результаты анкетирования осужденных, опросов сотрудников женских ИТУ, следственных изоляторов, выводы многочисленных бесед с работниками этих учреждений и женщинами-преступницами, личные наблюдения, а также анализ отчетности о работе некоторых колоний по различным направлениям деятельности.

Основной массив изученных нами лиц составили женщины, осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима—66,8%. Однако нами уделено и весьма значительное внимание исследованию микросреды в женских колониях общего режима, и такие лица составили 33,2% от общего количества респондентов. Особо опасные рецидивистки в общем числе изученных преступниц составили 40,5%. Здесь следует пояснить, что данное соотношение не характерно для общей картины осужденных к лишению свободы женщин, поскольку, например, по данным специальной переписи осужденных, женщины, содержащиеся на строгом режиме, составили 8,9%, на общем — 91,1%. Выбор данной эмпирической базы исследования обусловлен, в частности, тем обстоятельством, что в условиях современных реалий, особенно в Казахстане, где практически нет условий для строгого соблюдения требований в отношении распределения осужденных по видам режима в соответствии с действующим законодательством, устойчивой тенденцией последних лет является тот факт, что в учреждения по исполнению наказания общего режима для женщин, впервые осужденных к лишению свободы, прибывают в основном осужденные, которые неоднократно побывали на скамье подсудимых, к ним применялись условное осуждение, отсрочка исполнения приговора, исправительные работы. Однако, несмотря на это и несколько забегаая вперед в описании результатов проведенного исследования, мы можем констатировать, что полученные нами данные оказались вполне сопоставимы как с данными социально-демографической, уголовно-правовой, исправительно-трудовой характеристик всего контингента лишенных свободы женщин по итогам последней переписи осужденных, так и с данными исследований, отражавшими общую статистическую картину распределения женщин по видам режима отбывания наказания.

Очевидный акцент в структуре настоящего исследования сделан на характеристику женщин, неоднократно совершавших

преступления и имеющих, как правило, не одну судимость. Он обоснован прежде всего стремлением к изучению наиболее типичных признаков так называемых привычных преступниц, исследованию характерных черт их личностей, обладающих твердо сформировавшимися антисоциальными установками, как наиболее ортодоксальных и общественно опасных представителей преступной среды. Кроме того, данный вариант выборки обусловлен необходимостью изучения преступного профессионализма женщин, являющегося одним из ключевых приоритетов настоящего исследования.

Одной из важнейших личностных характеристик восприятия примененного наказания и мер принудительно-воспитательного характера является отношение осужденных к совершенному преступлению и наступившим в его результате последствиям. Из числа всех изученных нами лиц 24,6% в своих ответах указали, что сожалеют о содеянном и раскаиваются. Считающими себя частично виновными и частично раскаивающимися оказалось 27,7%. Осознавших свою вину, но не раскаивающихся оказалось 15,4%. Считают себя абсолютно не виновными также 15,4%. Указавшие, что к совершенному преступлению и его последствиям относятся безразлично, составили 16,9% всех опрошенных.

По отношению к назначенному наказанию осужденные женщины распределились следующим образом: считают его справедливым 10,0%, справедливым, но излишне суровым 39,2%, несправедливым 50,8%.

Соблюдение установленных режимных требований, осознание необходимости этого является той доминантой, характер которой позволяет давать оценку поведению осужденных как одного из главных показателей достижения цели исправления. Содержательной стороной оценки степени исправления осужденных является в том числе и анализ отношения осужденных к режиму отбывания наказания. Среди обследованных нами лиц 30,8% указали, что стараются не нарушать требования режима содержания, 36,9% умышленно допускают отдельные нарушения режима и 32,2% систематически умышленно нарушают эти требования. Здесь, видимо, следует отметить определенную условность подобной градации и полученных результатов, однако значением этих данных, по нашему мнению, нельзя пренебрегать, поскольку они отражают внутреннее, психическое отношение личности к условиям отбывания наказания, а не являются лишь статистическими показателями дисциплинарной практики.

Еще одним важным критерием, характеризующим микросоциальную атмосферу в местах лишения свободы, является отношение осужденной женщины к своему социальному статусу в коллективе других осужденных, сокамерниц¹. В своих ответах на поставленный по этому поводу вопрос 21,5% респондентов указали, что стремятся к лидерству в группе, коллективе. Стремятся к завоеванию личного авторитета без претензий на лидерство 18,5%, считают себя достаточно независимыми и не нуждаются в укреплении авторитета 26,2%. Относят себя к числу незаслуженно униженных, непонятых, обойденных вниманием 15,4%. Женщины, относящиеся к своему положению в коллективе других осужденных безразлично, составили 18,4%.

Сильное влияние на личность осужденных оказывают коллективные и групповые настроения, сложившиеся на почве отношения к преступной деятельности вообще и представителям "преступного мира"² — в частности.

Из числа всех обследованных нами женщин 23,1% относят себя к членам "преступного мира". Указали, что симпатизируют представителям "преступного мира", их обычаям и традициям 18,5% опрошенных. Считающих себя преступницами только в связи с осуждением оказалось 27,7%. Указали, что безразлично относятся к "преступному миру" и его представителям 16,9% женщин, а 13,8% осужденных отметили в своих ответах, что ненавидят "преступный мир", но вынуждены считаться с его "законами" и обычаями, особенно в местах лишения свободы. В связи с ответами на последний вопрос мы отметили интересную закономерность: как правило, именно женщины-рецидивистки, неоднократно судимые и имеющие весьма солидный "стаж" отбывания наказания, подчеркивали свое негативное отношение к преступным традициям, обычаям и лицам, их исповедующим, поясняя, что вынуждены считаться с ними лишь в местах лишения свободы. Женщины, не имеющие столь богатого криминального опыта, преимущественно более молодые по возрасту, по большей части не высказывали своих негативных впечатлений о преступной среде. Именно среди них оказалось наибольшее количество причислявших себя к "преступному миру". Думается, что подобная картина не отражает

¹ Здесь имеются в виду и лица(обвиняемые), содержащиеся в СИЗО, где также проводилось настоящее исследование.

² См.: Глоточкин А.Д., Пирожков В.Д. Психология коллектива заключенных. М., 1968. С. 27.

истинного положения, вернее, не совсем точно отражает отношение осужденных к преступной среде и ее представителям. Мы объясняем это в первую очередь тем, что именно активные носители преступных традиций и обычаев, "профессиональные" преступницы, несмотря на анонимность опросов и конфиденциальность бесед с ними, в силу тех же стереотипов и прочно усвоенных норм поведения, принятых в " преступном мире ", старались скрыть свою принадлежность именно к этой категории преступников. Более молодые и менее опытные преступницы, наоборот, в силу своеобразной бравады, старались подчеркнуть свое положение в среде осужденных женщин, видимо, приписывая себе не соответствующее действительности значение. Таким образом, отмечая данную особенность, хотелось бы подчеркнуть необходимость определенного критического подхода к оценке приведенных данных при ответах осужденных на отдельные поставленные вопросы, касающиеся, в частности, их отношения к преступной среде, преступной деятельности.

По отношению к продолжению преступной деятельности нами были получены следующие ответы: намерены прекратить после отбытия наказания 36,9% опрошенных, указали, что это будет зависеть от конкретных жизненных обстоятельств, 16,9%. Затруднились с ответом 15,4% и 30,8% опрошенных женщин выразили стремление к продолжению преступной деятельности после освобождения от наказания.

В работе уделяется повышенное внимание отношению преступниц к совершенным преступлениям и наказанию, поскольку оно, по твердому убеждению автора, имеет существенное влияние на их общее самочувствие, восприятие условий жизни в местах лишения свободы, восприятие мер воспитательного характера, а также характеризует определенную психологическую "зараженность" конкретной личности и микросоциальной среды ее окружения. Следовательно, оно значимо и для действительного, а не мнимого исправления и перевоспитания преступниц и предупреждения повторных преступлений.

Оценивая указанное отношение женщин к преступлению и наказанию, следует иметь в виду, что в своей основной массе они более остро и драматично переживают то, что лишены свободы. Попадая в исправительно-трудовые колонии, в личном плане они теряют намного больше, чем мужчины. Условия изоляции вызывают у них состояние безысходности, апатии, чувство безнадежности, неверия в людей и собственные возможности, утрату перспективы в жизни.

Подобные состояния, как правило, усиливаются в связи с потерей или ослаблением семейных и родственных связей осужденными женщинами. В этой связи показательно выглядит распределение женщин по их отношению к семье и родственным связям. Так, проявляют заинтересованность к судьбе, поддерживают связь с семьей и родственниками 23,1% обследованных нами женщин. Указали, что поддерживают связь ради получения личных льгот и благ, 33,8% осужденных. Враждебно относящихся к родственникам и членам семьи оказалось 12,3%.

Из приведенных данных, таким образом, усматривается довольно печальная картина: 76,9% изученных нами женщин так или иначе не отождествляют себя с социальным статусом матери, жены, хозяйки "семейного очага" и т.д.

Распад семьи в жизни женщины куда более значим, чем в жизни мужчины. Между тем, за время отбывания наказания распадается каждая вторая семья осужденной женщины (у мужчин — каждая третья).

На женщинах в большей мере, чем на мужчинах, сказывается отрыв от детей, невозможность принимать участие в их воспитании, даже если это дети старше трехлетнего возраста.

Показательным является тот факт, что 76,2% осужденных женщин в обследованных колониях имеют детей, из них 36,4% — двоих и более. Удельный вес женщин, имеющих детей, среди лиц, потерявших семью, еще выше и составляет 98,4%. На фоне данной статистики парадоксальной может показаться практика, свидетельствующая о том, что в основном забота о воспитании детей, находящихся в домах ребенка при колониях, осуществляется администрацией и персоналом дома ребенка (хотя в данном случае надо иметь в виду, что не всегда это связано только с нежеланием матерей заниматься уходом за детьми и их воспитанием, а зачастую "провоцируется" имеющимися проблемами организационного, режимного, санитарно-гигиенического порядка, отсутствием материальных возможностей для создания условий совместного проживания матери и ребенка в пределах колонии)¹.

Наряду с семейными взаимоотношениями осужденных женщин, подвергалось изучению их отношение к трудовой деятельности после освобождения. В связи с этим выразили

¹ Детальная характеристика данной проблематики предлагается, в частности, в работах В.А. Сушко: См., напр.: Совершенствование условий и порядка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами. Диссертация канд. юр. наук. М., 1994; Женщина с ребенком в колонии. Советская юстиция. 1993. №24 и др.

уверенность в своих силах, знаниях, профессиональных навыках и намерении заниматься законной трудовой деятельностью 27,7% женщин. Указали, что чувствуют неуверенность, боятся остаться "не у дел" после освобождения 30,8%. Безразлично относятся к этой проблеме 16,9% опрошенных. И, наконец, отметили, что сознательно готовят себя к продолжению преступной "карьеры" 24,6% осужденных.

Анализируя приведенные выше данные, нельзя не обратить внимание на довольно значительное количество лиц, отмечающих явно антисоциальные намерения и психологические установки, что в целом дает основание предположить, что примерно 1/4 часть осужденных к лишению свободы женщин имеют весьма прочную антисоциальную направленность личности и отождествляют свои жизненные цели с совершением преступлений. Именно они, естественно, и являются наиболее активными носителями преступной субкультуры, оказывают наиболее отрицательное влияние на других осужденных. Причем данное соотношение в целом характерно как для женщин, впервые осужденных, так и для неоднократно отбывающих наказание в виде лишения свободы. Они же, как показывает практика, наименее восприимчивы и к мерам исправительно-воспитательного характера.

Данные о месте подобной категории в среде осужденных к лишению свободы женщин, а также суждения о большей социальной и нравственной деградации этих лиц высказывались и в более ранних исследованиях. Так, например, по данным А. А. Габиани, лица, которые уважают, гордятся или даже преклоняются перед "преступным миром, его обычаями и традициями, составили 27,6%, а относящих себя к их числу женщин оказалось 21,5%¹.

Завершая описательную сторону проведенного исследования в части обобщенных субъективных характеристик отношения осужденных к самой социальной атмосфере своего обитания и жизнедеятельности, перейдем к непосредственному анализу микросоциальной среды в местах лишения свободы.

Для женских ИТК характерен, как уже отмечалось выше, своеобразный климат, особая атмосфера. "В женской общности осужденных чаще, чем в мужской, процветают сплетни, зависть, подозрительность, ревность, образуются свои специфические нормы и традиции"². Данные особенности характеризуют

¹См.: Габиани А.А. Преступность среди женщин. Тбилиси, 1968. С.67.

² Дутов М.И. Правовые и организационные вопросы исполнения наказания и перевоспитания женщин, переведенных в ИТК-поселения. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Томск, 1977. С. 13.

ет, в частности, структура совершаемых женщинами нарушений требований режима отбывания наказания. Так, основную массу нарушений составляют: отказ от работы и умышленный производственный брак—19,4%, занятие противозаконным сожительством (лесбиянство) — 15,8%, избивание осужденных — 11,5%, изготовление и приобретение спиртных напитков—10,9%, мелкая кража—8,2%, хулиганские проявления — 6,7%, пронос, изготовление и хранение запрещенных предметов — 6,6%.

Распространены также: установление незаконных связей с вольнонаемными, грубость и оскорбления представителей администрации, цифирование и другие нарушения. Однако, по нашим данным, каждое из них не превышает 4% в общем числе совершаемых женщинами в местах лишения свободы правонарушений.

Довольно редко в среде лишенных свободы женщин распространены нарушения, связанные с незаконным оборотом и потреблением наркотических средств, картежными играми, систематическими насильственными посягательствами на личность осужденных, особенно в групповом их проявлении, что является также отличием от подобной практики, складывающейся в мужских колониях. Это объясняется прежде всего иной структурой самоорганизации среди осужденных женщин, а также отличиями в системе ценностных ориентации. Так, например, среди женщин-осужденных отсутствует четко сложившаяся иерархическая система, основанная на криминальном авторитете, что наблюдается у мужчин. Те же осужденные, считающие себя членами "преступного мира", практически не поддерживают с ним связей в период отбывания наказания. Криминальное общение с "волей", по каналам которого поставляются деньги, наркотики, спиртное в мужские колонии, для женщин в целом не характерно. Преступный "общак" не обеспечивает находящихся в колониях женщин и членов их семей на свободе, что можно наблюдать по отношению к лидерам уголовной среды и членам организованных преступных сообществ — мужчинам. Если женщины в местах лишения свободы и получают определенную поддержку, то, как правило, инициаторами подобной деятельности являются лица, состоявшие с последними в близких — интимных, родственных отношениях, но такие факты очень редко встречаются на практике. Таким образом, профессиональная преступная солидарность далеко не всегда учитывает "интересы" женщин, оказавшихся в местах лишения свободы. Хотя исключения из этого правила слу-

чаются. Так, например, в системе женских колоний отмечалось кратковременно существовавшее в течение 1992—1994 гг. движение осужденных отрицательной направленности, своего рода группировка, получившая название "бритоголовые" (приверженцы этой группировки полностью сбривали себе волосы на голове). Члены этого течения являлись инициаторами совершенного бунта в женской ИТК пос. Коксун Карагандинской области. Массовые беспорядки были вызваны нарушениями в режиме содержания и расстановки контингента осужденных, обусловленными приходом нового руководства колонии, которое предприняло решительные шаги по ужесточению режимных требований, на что незамедлительно "отреагировал" преступный мир.

По нашему мнению, абсолютно прав Г.Ф. Хохряков, отмечаящий, что самоорганизация женщин в основе своей также имеет ориентацию на такую ценность, как "я". Но значимость собственного "я" связана не столько с приобретением престижа, с возможностью влияния на других, сколько наполнена эмоциональным содержанием¹.

Эта особенность отмечается и в ряде других специальных исследований, посвященных изучению среды женщин, осужденных к лишению свободы. Например, Т.А. Шмаева пишет, что отказ от работы, умышленный производственный брак зачастую являются следствием эмоциональных переживаний женщины, мотивами которых могут быть месть, корысть, ревность, зависть. Очевидна и опасность такого рода мотивации, а следовательно, правонарушений, подчас сводящих на нет усилия большой группы работниц. На этой почве нередко происходят конфликты между нарушителями режима и другими осужденными, заканчивающиеся резкими столкновениями. В то же время и незначительные на первый взгляд нарушения трудовой дисциплины могут быть, а иногда и бывают поводом для возникновения серьезных эксцессов. Особенно это характерно именно для женских ИТК, где все реакции (будь то положительные или отрицательные) протекают более бурно, чем в мужских колониях².

Вместе с тем нам хотелось бы отметить, что, несмотря на повышенную эмоциональную "окрашенность" и импульсив-

¹ См: Хохряков Г.Ф. Социальная среда и личность. М., 1982. С. 79.

² См.: Шмаева Т.А. Организационные и правовые вопросы предупреждения правонарушений осужденных женщин в ИТК. Дисс.канд. юрид. наук. М., 1982. С. 63.

ность поведения осужденных женщин, фактов причинения серьезных телесных повреждений, не говоря уже об убийствах, неизмеримо меньше по сравнению с мужскими колониями. В результате настоящего исследования было "зарегистрировано" лишь пять преступных проявлений у женщин в местах лишения свободы. В том числе: в двух случаях уголовная ответственность наступила по ст. 360 УК РК за злостное неповиновение требованиям администрации уголовно-исполнительного учреждения; в двух случаях имели место факты совершения побегов; и в одном случае — при сборе эмпирического материала на базе колонии строгого режима в Орловской области России было совершено умышленное убийство осужденной двумя ее сокамерницами во время этапирования к месту отбытия наказания. Формальными мотивами этого преступления послужили: месть пострадавшей за совершение ею мелкой кражи, а также месть за осуждающие высказывания в адрес одной из виновных о ее участии в противоестественном сожительстве. При этом характерно, что обе соучастницы убийства не скрывали своей причастности к совершенному преступлению и даже первыми сообщили об этом сотрудникам конвойного подразделения. И хотя наступившие в данном случае последствия не являются характерными для социальной среды лишенных свободы женщин, причины, вызвавшие подобную агрессию, представляют определенный интерес. Здесь мы имеем в виду прежде всего взаимоотношения в среде осужденных, складывающиеся на основе гомосексуальных контактов. Это одна из основных особенностей описываемой социальной среды, на характеристике которой необходимо остановиться.

Основная масса женщин, находящихся в местах лишения свободы, группируется в так называемые "семьи". Однако, в отличие от мужских одноименных сообществ в местах лишения свободы, здесь на первый план выходят именно сексуальные связи. Отношения в этих семьях приближены к обычным семейным отношениям. В них есть осужденная, которая выполняет функции мужа. Она называется "верхней половиной". Другая сторона выполняет обязанности жены и называется "нижней половиной"¹. "Семьи" как явление устойчивы. Более того, влияние этих взаимоотношений на отдельную личность

¹ На уголовно-воровском жаргоне существует несколько определений выполняемых женщинами гомосексуальных ролей. Так, например, лесбиянок, выполняющих роли мужчин, обычно называют *Володя*, *Кобел*, *Кобла*, а выполняющих пассивные роли, либо занимающихся самоудовлетворением — *Ковырялки*, *Коблухи*.

зачастую бывает настолько велико, что не может игнорироваться в отношении к осужденным со стороны администрации, в том числе при выборе конкретных мер исправительно-воспитательного характера.

Само по себе количество нарушений режима содержания, связанных с противоестественным сожительством, не отражает реального положения дел и распространенности этого явления. Изученная практика показывает, что как нарушение режима содержания эти действия квалифицируются лишь в случаях, когда на их почве возникают другие серьезные нарушения—драки, ссоры, оскорбления, выходящие, как правило, за рамки двусторонних отношений и негативно влияющие на состояние психологической атмосферы в отряде, учреждении в целом.

По данным Хохрякова Г.Ф., более 40% осужденных женщин, в основном наиболее молодых, находятся друг с другом в сексуальных отношениях¹. По данным нашего исследования, это число составляет порядка 60%.

Однако не все женщины живут "семьями". Те, кому удалось сохранить устойчивые связи с родственниками, мужьями и детьми, воздерживаются от гомосексуальных отношений и осуждают их.

В ходе исследования автора заинтересовал вопрос о существовании какой-либо зависимости участия женщин в гомосексуальных связях от определенных социально-демографических и уголовно-правовых характеристик личности. В результате проведенных опросов осужденных и сотрудников администрации колоний, многочисленных бесед с ними, была отмечена указанная выше возрастная зависимость, что обусловлено в основном более высокими физиологическими потребностями в сексуальном общении лиц молодого возраста. Наличие семейных связей на свободе также влияет на сексуальную ориентацию женщин-осужденных. Также установлено, что квалификация совершенного преступления не оказывает какого-либо воздействия на поведенческие особенности женщин, проявляющих склонность к гомосексуальным связям. Как показывает практика, воровки, мошенницы, расхитительницы, убийцы в равной степени подвержены влиянию этой своеобразной сексуальной атмосферы в местах лишения свободы. Не отмечено также какой-либо закономерности при выборе сексуальных партнеров в зависимости от национальной принадлежности сторон.

¹ См.: Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. Проблемы, дискуссии, предложения. М., 1991. С. 135.

Поэтому автор полностью солидарен с мнением Ю.М. Антоняна о том, что в гомосексуальное общение в колониях могут быть вовлечены самые разные люди, а занятие лесбийской любовью в значительной мере зависит от характера, темперамента, наличия нарушений сексуального характера, представления о самой себе и других личностных и врожденных факторов, а также, по-видимому, от длительности срока лишения свободы¹.

Завершая характеристику этого явления в среде осужденных женщин, хотелось бы обратить внимание на одну отмеченную нами особенность. Она касается участия в гомосексуальных связях женщин цыганской национальности. 70% опрошенных нами сотрудников ИТУ и 52% самих осужденных отметили, что именно эта категория женщин в местах лишения свободы отрицательно относится к подобным взаимоотношениям, крайне редко являясь их участницами. Ни одна другая категория женщин-осужденных не ведет себя подобным образом. Сами опрошенные объясняют это тем, что у цыганок сохраняются очень прочные связи с семьей, прежде всего с мужьями. Сотрудники женских колоний, например, отмечают такую интересную деталь: в день освобождения женщин-цыганок их, как правило, встречают у дверей учреждения близкие родственники, что не так часто можно наблюдать в отношении женщин других национальностей. Особенно четко просматривается эта связь в условиях колоний строгого режима, где длительность и неоднократность отбываемого наказания сказывается на устойчивости социальных связей семейно-родственного характера. Однако и там отмеченная выше особенность имеет место. Более того, для женщин-цыганок, находящихся в колониях, также характерна тенденция к объединению в некую общность именно по национальному признаку. В условиях одного учреждения они поддерживают между собой тесные связи, в случаях возникновения спорных вопросов в своей среде зачастую обращаются к наиболее опытной и уважаемой своей соплеменнице, находящейся в данной колонии. Подобное поведение не отмечается более ни у одной категории женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Здесь также следует пояснить, что отмеченные нами групповые формы общения женщин цыганской национальности все-таки не носят ярко выраженного характера. Не имеют они, как правило, и какой-либо отрицательной направленности, в том числе ориентирован-

¹ Антонин Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 141.

ной на противодействие администрации, однако их учет в работе с осужденными женщинами имеет немаловажное значение.

Для микросоциальной среды женщин, лишенных свободы, вообще не характерно какое-либо объединение в малые неформальные группы. Как таковых и лидеров подобных групп не существует. Личный авторитет строится в основном на возможности иметь определенные льготы, например, в приобретении тех или иных продуктов питания, чая, сигарет и т.д.

Во многом подобные льготы обусловлены и определенным отношением со стороны администрации, в том числе основанном на личных качествах осужденной. В связи с этим, например, можно отметить, что в среде женщин осужденные, которые сотрудничают с администрацией, не пользуются популярностью. Но они, в отличие от "коллег" в мужских колониях, отчуждены не столь заметно и не преследуются так последовательно и безжалостно при выходе из самодеятельных формирований или в случае уличения в негласных связях с сотрудниками администрации колоний. Их положение облегчает и то обстоятельство, что в женских колониях нет так называемых "отверженных". Те женщины, которые по своему внешнему облику, манерам поведения напоминают "опустившихся" в мужских колониях, осуждаются общественным мнением, но не оказываются в такой изоляции, как "отверженные" в мужских уголовно-исполнительных учреждениях.

Личный авторитет в женских колониях строится и на возможности удовлетворить сексуальные потребности. Так, женщины, выполняющие роли мужчин, активных партнеров, часто имеют многосторонние связи на этой почве, удовлетворяя сразу нескольких "жен". Последние же нередко находятся в определенной психологической зависимости от них, выполняя в том числе и различные функции по обслуживанию "мужей" — от стирки одежды до приготовления пищи.

Конфликты, возникающие между осужденными, разбираются, как правило, самими ссорящимися. Возможно вмешательство тех женщин, которые пользуются уважением и авторитетом в силу своих личностных качеств. Но такое их положение опять же не связано с существующей иерархией социально-ролевых статусов, поскольку, как нами уже отмечалось выше, в женских колониях не наблюдается нормативной системы, где бы наличествовали нормы с диспозициями и санкциями в той мере, как это выражено у мужчин.

Завершая описание особенностей социальной среды в женских колониях, можно констатировать, что исследование под-

твердило предположение о том, что движущими мотивами поведения осужденных в местах лишения свободы являются попытки к восстановлению нарушенной системы жизнеобеспечения.

Лишение свободы ведет к прекращению исполнения ведущих социальных функций, и осужденные, восстанавливая систему жизнеобеспечения, пытаются в первую очередь найти способы выполнения ведущих социальных ролей или же такие заменители, которые бы давали возможность реализовываться потребностям в самоутверждении, самоуважении, творчестве, общении, т.е. тем потребностям, которые в условиях свободы реализуются в процессе исполнения ключевых социальных функций или благодаря им.

Однако влияние подобных социально-ролевых суррогатов и оказывает наиболее негативное воздействие на формирование устойчивой антисоциальной направленности личности в условиях лишения свободы. Последствия такого влияния общество ощущает на себе после освобождения женщин от наказания, когда они пытаются "найти себя" в уже не соответствующих их образу жизни и полученным установкам условиях.

Безусловно, в масштабах настоящего исследования сделана лишь попытка охарактеризовать существующие в социальной среде осужденных к лишению свободы женщины особенности. Многие вопросы остались не освещенными. Вместе с тем, давая анализ полученных сведений, мы попытались, по возможности, не заострять внимание на уже исследованных и достаточно полно нашедших отражение в научной литературе аспектах этой проблемы.

Таким образом, исследование криминологических характеристик и особенностей формирования противоправного поведения женщин показало, что: 1) совершаемые ими преступления в-первую очередь обусловлены социальными факторами; 2) необходимо отметить наличие определенных свойств, присущих только женской преступности и поэтому выделяющих ее из всей преступности как самостоятельное явление; 3) эти свойства выявляются не только при сопоставлении объективных характеристик, но, в первую очередь, при оценке направленности мотивов преступной деятельности; 4) преступная деятельность женщин определяется взаимодействием объективных и

субъективных факторов социальной действительности; 5) современная женская преступность имеет свои социально обусловленные особенности, определяющиеся историческими, геополитическими, экономико-правовыми и демографическими изменениями, происходящими в обществе; 6) указанные изменения наиболее ярко отражаются в микросоциальной атмосфере жизнедеятельности женщин; 7) негативное влияние микросоциальной среды неодинаково на разных этапах жизненного пути и обусловлено определенными социально-демографическими особенностями; 8) подобное явление особенно остро ощущается в местах лишения свободы, где отбывают наказание осужденные женщины, а сама социальная среда этих мест имеет свои характерные, присущие только ей особенности и существенно отличается от среды общения мужских колоний.

**ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ЖЕНЩИН
В КАЗАХСТАНЕ**

**3.1. СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА, ДИНАМИКА
ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ЖЕНЩИН**

Если говорить о Казахстане как о территориально целостном политическом образовании, то точные статистические данные, рисовавшие бы относительно достоверную и объективную картину женской преступности, относятся к периоду начала шестидесятых годов нынешнего столетия. Такое положение объясняется тем, что лишь в 1960 году приобретают унифицированный и единообразный характер данные общесоюзной уголовной статистики.

К этому же времени относится введение в качестве самостоятельной уголовно-статистической позиции единых критериев по учету лиц, совершивших преступления на территории бывшего СССР, в том числе по половому, возрастному, социально-ролевому признакам.

Указанные преобразования являлись составной частью, непосредственно сопутствовали и в какой-то мере обеспечивали крупномасштабные реформы правовой базы советской государственной системы, связанной с разработкой и принятием новых Основ ряда отраслей союзного законодательства, кодификацией законодательства союзных республик. Одними из первых в этом процессе как раз явились нормы общесоюзных Основ и республиканского уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства. До этого момента, как известно, на территории Казахстана действовали Общесоюзные нормативно-правовые акты, а также распространялось законодательство РСФСР. Если говорить об области уголовной политики, то здесь, прежде всего, имеется в виду уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, непосредственно применявшиеся в Казахстане. Кроме того, анализ уголовно-правовой и социально-демографической структуры лиц, совершавших преступления на территории нашей республики, относящийся к более ранним историческим периодам, существенно осложнен практическим отсутствием данных о проводимых специальных переписях лиц, осужденных и отбывавших наказания на территории Казахстана. Подобные пере-

писи производились до 1970 года лишь в Российской Федерации.

Вступление в силу Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года сопровождалось введением многих гуманистических институтов, декриминализацией ряда деяний, повышением возраста уголовной ответственности с 12 до 14 лет и другими демократическими новеллами. Это в значительной степени повлияло на сокращение преступности в 1959г.

С введением в силу новых уголовных кодексов союзных республик уровень преступности стал расти. Этому способствовал ряд причин, в числе которых заметную роль сыграл адаптационный момент, проявившийся в более активной реакции правоохранительных органов на нарушение предписаний новых законов, с одной стороны, и недостаточном практическом усвоении этих предписаний — с другой.

К примеру, если сравнить число зарегистрированных в Казахстане преступлений и лиц, выявленных за совершение преступлений за много лет, то прослеживается весьма определенная тенденция. В 1956 г. число лиц на 28,9% превышало число зарегистрированных преступлений. К началу 70-х годов эти показатели пришли к равновесию, а затем начиная с начала 80-х годов число зарегистрированных преступлений стабильно и постепенно стало превышать число лиц, их совершивших.

Объяснение данной ситуации находится в плоскости определения подходов к уголовно-правовой квалификации преступных деяний и поступательном развитии системы учета и регистрации правонарушений. В частности, институт совокупности в оценке преступного поведения по уголовному законодательству, действовавшему до начала 60-х годов, использовался значительно реже, чем в современный период. В случае совершения обвиняемым нескольких отдельных преступлений (реальная совокупность) или же одного, но подпадающего под признаки нескольких преступлений (идеальная совокупность), окончательная квалификация при вынесении судебного решения определялась нормами той статьи, которая предусматривала наиболее жесткое наказание¹.

Довольно долгое время в уголовном порядке карались некоторые деяния, за совершение которых в настоящее время ответственность исключена. Это, в частности, касается производст-

¹См.: Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. Ст. 49 и комментарий к ней. М., 1953.

ва аборта. Советское уголовное законодательство предусматривало ответственность за производство аборта, кроме случаев, когда это разрешается законом, что влекло для самой беременной женщины в первый раз — общественное порицание, а при повторном нарушении — штраф до трехсот рублей¹.

Как уже отмечалось выше, в течение длительного времени соотношение мужской и женской преступности составляло примерно 7:1, 6:1. Исключения представляли такие преступления, как взяточничество, спекуляция (являвшаяся уголовно-наказуемым деянием до 1991г.), хищения путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением, обман потребителей (покупателей и заказчиков), то есть значительный перечень должностных и хозяйственных преступлений. При этом надо учитывать, что в новом уголовном законодательстве Республики Казахстан перечень традиционных должностных и хозяйственных преступлений значительно расширен и дополнен составами, составляющими основной массив уголовно-правовых норм в главах, регламентирующих ответственность за преступления против интересов государственной службы, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, преступления в сфере экономической деятельности. В этих видах уголовно-наказуемых деяний женщины обычно составляют около половины всех выявленных преступников. Данное положение находит свое логическое подтверждение, исходя из учета социально-ролевых функций женщины в обществе, занятости в определенных сферах общественного производства: в торговле, общественном питании, бытовом обслуживании населения. Сказывался здесь и традиционно низкий уровень сервиса именно в этих отраслях, состояние вечного "дефицита" необходимых населению товаров и услуг, которые создавали благодатную почву для различного рода нарушений, злоупотреблений и в конечном счете преступлений.

Статистические данные свидетельствуют, что в структуре женской преступности традиционно высок процент и таких "общеуголовных" преступлений, как кражи чужого имущества, мошенничество.

¹ См.: Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. Ст. 140-6 и комментарий к ней. В уголовно-воровском жаргоне по этому поводу даже появился термин — *абортищица* — подследственная или осужденная за осуществление аборта или за осуществление его в антисанитарной обстановке (себе или другой женщине). Аборт был запрещен постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1936г.с введением соответствующей нормы в УК РСФСР. Это постановление было отменено соответствующим Указом ПВС ССР от 23 ноября 1955 года.

Убийства, телесные повреждения женщины совершают в большинстве случаев на почве семейно-бытовых конфликтов, где на первый план зачастую выходит виктимное, провоцирующее поведение потерпевших, в лице которых обычно выступают мужья и сожители виновных.

Типичным для женщин преступлением продолжает оставаться детоубийство. Характерно, что выделение данного деликта в качестве самостоятельного состава преступления, после достаточно продолжительной научной дискуссии, получило отражение в уголовном законодательстве ряда стран СНГ. Новый Уголовный кодекс Республики Казахстан также предусматривает ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка в виде отдельного состава преступления, предусмотренного ст.97 УК РК.

В отличие от других видов убийства, лишение жизни новорожденного имеет немалое распространение и в сельской местности. В ряде случаев в этих преступлениях где-то на заднем плане можно довольно четко разглядеть фигуру мужчины, сожителя или любовника, не без влияния или не без молчаливого согласия которого совершаются эти опасные преступления¹.

Удельный вес женщин в числе лиц, совершающих хулиганские действия, составляет, как правило, 5—6%, а среди всех преступниц — 3—4%. Как и мужчины, женщины обычно совершают хулиганство в состоянии алкогольного опьянения, которое является следствием систематического пьянства, антиобщественного образа жизни, общей моральной деградации, нередко связанной, в свою очередь, с аномалиями психического характера.

Среди преступниц всегда значителен был удельный вес женщин-бродяг. Однако с 1991 года данное деяние было исключено из числа уголовно наказуемых, что без сомнения отразилось на статистике общей женской преступности. Но в данном случае, как нам кажется, нельзя воспринимать декриминализацию преступления как решение проблемы в принципе. Улучшились статистические показатели преступности, но само социальное явление, его корни продолжают существовать².

¹ Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С.34.

² Показательным в этом плане является опыт Российской Федерации, где критическая оценка ранее принятых законодательных мер, осознание остроты данного антиобщественного феномена привело государственно-властные структуры России к определенным шагам в этом направлении. Здесь прежде всего имеется в виду Указ Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. "О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества", который явился, по существу, первоосновой государственно-правовой политики в борьбе с указанным социальным злом.

Если анализировать общую структуру женской преступности, а также уголовно-правовую характеристику лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, то неизбежно приходится констатировать устойчивую тенденцию увеличения удельного веса преступниц, совершивших тяжкие насильственные и корыстно-насильственные преступления, а также обращает на себя внимание тенденция к увеличению числа женщин, вовлеченных в сферу незаконного оборота наркотиков. Особенно активно женщины стали заниматься сбытом наркосодержащих веществ и препаратов, причем парадоксально на первый взгляд выглядит увеличение возрастных показателей задействованных в этой сфере женщин. Во многих случаях их толкает на совершение преступлений, о которых они раньше и не помышляли, откровенная нужда. Не только в регионе печально известной Шуйской долины, но и в других городах и селах республики, на железнодорожных станциях и перегонах участились случаи задержания сбытчиц наркотиков, давно перешагнувших пенсионный барьер по возрасту.

Попытаемся проиллюстрировать приведенные выше сведения данными статистики по отдельным видам преступлений, совершенных женщинами в Казахстане за 1996 год. Так, из 2458 лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение умышленного убийства, женщин было 258, что соответственно составило 10,5%. За нанесение тяжких телесных повреждений, в том числе повлекших смерть потерпевшего, привлекалось 356 женщин, что по отношению к общему количеству лиц (3701) составило 9,6%. В числе лиц, привлеченных за совершение грабежа, их доля составила 7,5%, хулиганских действий — 5,7%. Достаточно высок удельный вес женщин, совершивших квартирные кражи (15,5%), мошенничество (32,6%), преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (10,8%). Несовершеннолетних лиц женского пола в 1996 году было привлечено к ответственности - 651, или 7,9% в общем количестве несовершеннолетних преступников по республике, что соответственно составило 4,3% от числа всех женщин, совершивших преступления в этом году.

Анализ уголовной статистики свидетельствует о том, что ситуация с женской преступностью в стране по сравнению с предыдущими годами не претерпела положительных изменений. Если в 1995 году было выявлено 13503 женщины, совершивших преступления, то в 1996 году прирост этого показателя составил 13,6% и достиг 15340 человек. Удельный вес представительниц женского пола от общего числа преступников за этот период

увеличился с 12,2% до 13,2%. Женщинами и с их участием совершаются практически все основные виды преступлений. Так, в 1996 году за совершение общеуголовных преступлений к ответственности привлечено 7680 женщин, из них 3426, или 44,6%, — за совершение тяжких преступлений.

В значительной мере повлияло на структуру женской преступности ухудшение социально-экономического положения. Если до 1992 года основная доля (75,0%) совершенных женщинами преступлений приходилась на экономические и хозяйственные преступления, то в 1996 году их основную часть (78,6%) составили так называемые общеуголовные преступления.

В 1996 году в сравнении с 1995 годом на 60% возросло количество совершенных женщинами вымогательств, на 53,9% разбоев, на 11% грабежей, на 49,6% преступлений, связанных с наркотическими и сильнодействующими веществами, на 44,0% краж в крупных и особо крупных размерах и на 24,9% преступлений, связанных с незаконным ношением, хранением, изготовлением оружия и взрывчатых веществ. Основными перевозчиками наркотических веществ все больше становятся представительницы женского пола, в том числе как пожилого возраста, так и несовершеннолетние.

Острой остается проблема алкоголизма и наркомании, на почве которых женщинами совершаются преступления, особенно бытовые. Прямым следствием женского алкоголизма и наркомании является потеря ими воспитательных функций, что приводит к разрушению семьи, увеличению числа неблагополучных семей, лишению материнских прав, а также ведет к росту детской преступности. В 1996 году совершены преступления 8346 подростками, что составило 10,4% от общего количества выявленных преступников. Количество преступлений, совершенных девочками-подростками, не достигшими 16-летнего возраста, в 1996 году по сравнению с 1995 годом увеличилось на 8,5%. При этом в структуре совершаемых ими преступлений отмечается тенденция к росту проявлений жестокости и применения насилия.

Однако в криминологическом плане интерес представляют не только данные о совершенных преступлениях за определенный период времени, но и прежде всего ее динамические показатели. В настоящей работе впервые предпринята попытка со-

единить воедино, систематизировать разрозненные и фрагментарные статистические сведения о совершенных женщинами преступлениях на территории Казахстана. Исходя из собранных статистических данных, выстроилась следующая картина, характеризующая обобщенные показатели о количестве и удельном весе лиц, совершивших преступления на территории Казахстана начиная с 1965 года.

Таблица б

Годы	Всего совершено преступлений	Количество лиц, совершивших преступления	Количество и удельный вес женщин среди лиц, совершивших преступления	
1965	26968	26839	5021	(18,7%)
1966	36186	36401	5899	(16,3)
1967	36410	40613	6912	(17,0)
1968	38778	39146	6544	(16,7)
1969	37852	38433	6111	(15,9)
1970	55570	37511	6688	(17,8)
1971	54766	35219	6743	(19,1)
1972	54483	35566	6755	(18,9)
1973	55180	39204	7011	(17,8)
1974	55899	41951	7288	(17,4)
1975	56503	53417	7766	(14,6)
1976	56788	61373	7998	(13,1)
1977	58455	60522	8415	(13,9)
1978	62247	65461	9677	(14,8)
1979	65511	66021	9981	(15,2)
1980	76517	70979	10519	(14,8)
1981	81397	73612	11237	(15,3)
1982	82690	76583	12627	(16,5)
1983	99415	81281	12351	(15,2)
1984	99171	84107	13157	(15,6)
1985	103587	88483	15408	(17,4)
1986	99416	86293	17529	(20,3)
1987	98023	81341	16295	(20,0)
1988	103039	75240	14398	(19,2)
1989	135338	72186	13912	(19,3)
1990	148053	80955	12733	(15,8)
1991	167812	88326	13454	(15,3)
1992	179989	89807	10001	(11,2)
1993	206006	106963	11954	(13,2)
1994	201796	108886	13520	(12,5)
1995	183913	111174	13503	(12,2)
1996	183977	116667	15340	(13,2)
1997	162491	97539	13556	(13,9)

Несомненный интерес в криминологической оценке преступных проявлений вызывают также данные статистики по основным видам совершаемых женщинами преступлений. Предлагаемая таблица содержит выборочные сведения за периоде 1993 по 1996 гг.

Таблица 7

Абсолютные показатели количества женщин, совершивших различные виды преступлений в Казахстане

Виды пр-ний	1993г.	1994г.	1995г.	1996г.
Всего преступлений	11954	13520	13503	15340
Из них тяжкие	1440	1408	2522	4423
Умышленное убийство	226	255	279	258
Умышлен, тел. повреждения	288	325	396	356
Кражи	3040	3463	3301	2754
Мошенничество	196	163	267	204
Связанные с наркотиками	345	458	953	1426
Несовершеннолетние	696	665	600	651

Приведем также данные о судимости женщин в Казахстане, которые, как без труда можно заметить, отличаются от показателей привлеченных к уголовной ответственности лиц в сторону уменьшения как абсолютных, так и относительных данных. Эта ситуация объясняется прежде всего различиями в критериях учета и стадиях уголовного судопроизводства, в которых он осуществляется. Так, например, в данные о судимости не входят лица, в отношении которых уголовное преследование было прекращено в связи с применением мер общественного, административного воздействия на досудебных стадиях. Часть из уже обличенных преступников (обвиняемых) скрывается от явки в органы правосудия. Также в ходе судебного разбирательства в отношении некоторых лиц выносятся оправдательные приговоры. Поэтому данные судебной статистики не совпадают с данными о привлекаемых к уголовной ответственности и совершивших преступления.

**Женщины в составе осужденных лиц за период
1995—96 гг. и их региональное распределение**

Области	Всего осуждено		Женщин			
	1995 г.	19% г.	1995 г.		19% г.	
			абс.	%	абс.	%
Акмолинская	6217	4912	305	5,8	432	8,8
Актюбинская	4941	4534	300	6,1	294	6,5
г Алматы	8392	6951	1092	13,0	922	13,3
Алматинская	4044	3578	259	6,4	273	7,6
Атырауская	2350	2091	260	11,1	208	9,9
В-Казахстанск.	74%	7013	477	6,4	618	8,8
Жамбылская	5330	4944	455	8,5	449	9,1
Жезказганская	2573	2152	183	7,1	208	9,7
З-Казахстанск.	3961	3291	250	6,3	241	7,3
Карагандинская	7434	6812	708	9,4	646	9,4
К.-Ординская	2291	2419	138	6,0	127	5,2
Кокшетауская	3350	2763	167	5,0	122	4,4
Костанайская	8229	7812	547	6,6	743	9,5
Мангистауская	1747	1833	156	8,9	176	9,6
Павлодарская	4845	4406	450	9,3	470	10,7
С.-Казахстанск.	4325	3732	375	8,7	328	8,8
Семипалатинск.	4316	4012	257	5,9	293	7,3
Т-Корганская	3895	4021	203	5,2	329	8,2
Торгайская	2043	1536	171	8,4	148	9,6
Ю-Казахстанск.	6190	6257	602	9,7	706	11,3
ВСЕГО по рес- публике	92969	85069	7355	7,9	7733	9,1

трудоустроенных в трудовых колониях республики содержалось 2335 женщин, из них 1512 осуждены впервые (64,7%), и 823 (35,3%) — неоднократно. Средний возраст преступниц составил 37 лет. Каждая третья женщина, из числа отбывающих наказание в виде лишения свободы, осуждена за кражу, каждая пятая — за убийство, каждая восьмая — за грабежи и разбои, каждая десятая — за нанесение тяжких телесных повреждений.

Сложная ситуация в экономике республики отрицательно сказывается на состоянии трудоустройства осужденных. В настоящее время трудом заняты лишь 18,2% осужденных женщин.

В результате отсутствия должного финансирования уголовно-исполнительной системы в исправительно-трудоустроенных учреждениях

дениях для женщин сложилась критическая ситуация. Плохое коммунально-бытовое обеспечение, нехватка медицинской техники и лекарств привели к значительному росту заболеваемости осужденных женщин туберкулезом, чесоткой, педикулезом. Только в 1996 году в женских колониях от болезней умерли 5 осужденных и 7 детей. В соответствии со ст.352 УПК 15 женщин были освобождены из мест лишения свободы по болезни.

В связи с анализом приведенных статистических сведений, может закономерно возникнуть вопрос о том, какие показатели все же наиболее объективно отражают реальную характеристику преступности и ее видов. И здесь мы никак не сможем обойтись без учета такого криминологического свойства преступности, как *латентность*.

Наука уже давно интересуется "темной" цифрой преступности. Еще со времен Кетле и Ферри предпринимаются попытки ее определить. При этом как тогда, так и сейчас методами определения латентности являются выборочные криминологические исследования, основанные, как правило, на выяснении мнений различных категорий населения, дальнейшем их обобщении и применении для расчета итоговых показателей различных математических методик². Но до настоящего времени криминологам удается достичь в лучшем случае относительных оценочных показателей. Общий расчетный уровень латентности можно определить в 70%. Хотя он существенно изменяется в зависимости от конкретного вида преступления³. Дело в том, что методами уголовной статистики, регистрации преступлений, до какого бы уровня совершенства они не были доведены, никогда не удастся зафиксировать точное число совершаемых преступлений, а значит, и реальных размеров преступности. Даже

¹ См.: Проект национального доклада для Президента Республики Казахстан "Современное состояние положения женщин в Республике Казахстан в 1996 году".

² См.: Даньшин И.Н. Понятие, негативные последствия и методы выявления латентной преступности; С.Ф. Милуков. Классификация скрытых преступлений по степени их латентности; С.Е. Вицин. Оценка латентной преступности на основе статистических моделей; Л.В. Кондратюк. О кумулятивной латентности и методике определения ее размеров; Р.А. Журавлев. Оценка состояния латентной преступности в сельской местности; В.Д. Пахомов, В.А. Казакова, Б.П. Целинский, С.В. Фирсаков. Расчет латентности преступлений в современных условиях. В кн. Латентная преступность: познание политика, стратегия. Сборник материалов международного семинара. М., 1993.

³ Горяинов К.К. Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы. Там же.

если гипотетически удастся полностью исключить случаи искусственной латентности, или умышленного (в силу различных причин) сокрытия преступлений со стороны правоохранительных и судебных органов от регистрации, то так называемой "естественной" латентности, вызываемой тем, что информация о преступлениях просто не доходит до органов, ведущих уголовную регистрацию, избежать практически невозможно. И прежде всего в силу субъективной оценки этого вопроса жертвой преступления. Взять, к примеру, жертв сексуального насилия, в числе которых подавляющее большинство составляют лица женского пола. К сожалению, сегодня мы располагаем лишь отдельными разрозненными данными выборочных региональных исследований. Понятно, что они рисуют лишь весьма приближенную картину, не говоря уже о латентных преступлениях и их жертвах. Между тем, латентность по этой категории дел составляет порядка 40%¹.

Не углубляясь в общий анализ проблемы латентности преступлений, обратим внимание на то место, которое занимает в ее структуре женская преступность. Следует подчеркнуть, что специальных исследований по данной специфике не проводилось. Латентность женской преступности не подвергалась крупномасштабному системному анализу.

Общая криминологическая аксиома "обратной зависимости уровня латентности" гласит, что чем меньше общественная опасность деяния, тем выше уровень его латентности и наоборот. Если опираться на этот постулат, то *в принципе можно говорить о более высоком уровне латентности совершаемых женщинами преступлений, поскольку в большинстве своем они все же носят менее общественно опасный характер.*

Но здесь нельзя не учитывать и того обстоятельства, что значительная часть сферы преступного поведения женщин находится в плоскости совершения так называемых "преступлений без потерпевших", в том числе связанных с наркотиками, должностного, финансово-экономического характера, то есть относящихся к разряду неочевидных, трудновывяляемых, имеющих высокую степень естественной латентности, достигающей по различным оценкам 95%. Вместе с тем эти преступления могут носить весьма общественно-опасный характер (к примеру деятельность организованных преступных сообществ в различных отраслях экономики). Поэтому надо всегда иметь в виду,

¹ Квашис В.Е. Проблема защиты жертв преступлений. В кн. Латентная преступность: познание, политика, стратегия. Сборник материалов международного семинара. М., 1993.

что под *общественной опасностью* в данном случае надо понимать скорее как бы ее внешнее выражение, объективное, фактическое значение преступления на момент совершения, отодвигая на второй план оценку его социальных последствий, данные о личности преступника и иные традиционные криминологические критерии общественной опасности.

3.2. ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ У ЖЕНЩИН

Начиная с середины 18 века криминология занимается преступным поведением людей, а с конца 19 века — проблемами преступной личности. Жертва преступления стала объектом криминологических исследований лишь после второй мировой войны.

Если глубоко проанализировать преступное поведение, то зачастую можно отметить, что виктимизация и криминализация иногда имеют одни и те же источники: исходные социальные условия (например, принадлежность человека к одной и той же субкультуре насилия). Но после того как преступление совершено, все внимание общества сосредотачивается на преступнике. В отношении жертвы общество зачастую занимает весьма странную позицию — оно клеймит ее. И это не обязательно бывает осуждение ее поведения (хотя оно и было правомерным). Просто в общественном сознании, как и в сознании самой жертвы, происходит так называемый процесс стигматизации, отождествления себя с социально предписываемой ролью, стереотипом поведения жертвы. В этом процессе социальной стигматизации (клеймения) автор видит истоки не только преступного рецидива, но и повторной виктимизации.

По данным виктимологии, большая или меньшая вероятность стать жертвой (или потерпевшим в уголовно-процессуальном смысле) обусловлена не просто личностными качествами, а прежде всего определенным их взаимодействием с внешними факторами криминологической ситуации и виктимогенной обстановки, которые создаются преступлением¹.

Неотъемлемой частью виктимологических исследований является учет такого фактора, как страх населения перед преступностью. Криминологи пытаются установить его уровень за счет использования социологических методов изучения обществен-

¹ См.: Ривман Д.В. Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка Л., 1973. С.45.

ного мнения (опросы, интервью, анкетирование). Здесь надо иметь в виду, что респондентами (населением) при подобных исследованиях оценивается, как правило, угроза так называемой "общеуголовной" преступности, поскольку проявление экономической, "беловоротничковой" преступности в обыденном сознании индивида редко ассоциируется с понятием преступности вообще. В этом плане женщины более подвержены этому ощущению. Данный вывод подтверждается результатами аналогичных исследований в этой области. Так, например, в Германии 66,7% женщин чувствуют себя спокойно и уверенно в ночное время, не опасаясь каких-либо преступных посягательств. У мужчин же этот показатель составляет порядка 87,6 %¹.

Различные формы поведения жертв в зависимости от их социальных и психофизиологических характеристик в криминальной ситуации освещены в трудах Л.В. Франка, Г.А. Аванесова, Д.В. Ривмана, В.И. Полубинского, В.С. Минской и других ученых².

Женщина (девушка) — наиболее типичная жертва насилия в любое историческое время и у любого народа во всех без исключения возрастных и социальных группах³.

Характерный тип жертв преступления — лица, пострадавшие от преступлений на сексуальной почве. Причем их реальное количество значительно превышает статистические показатели. К тому же абсолютное большинство из них — женщины. К сожалению, относительно достоверных методик расчета реальных показателей жертв преступлений в современной криминологической науке не существует (несмотря на чрезвычайную актуальность данной проблемы).

В Казахстане также отсутствует статистика жертв преступлений. Когда называется общее число зарегистрированных преступлений, лиц, их совершивших, суммы нанесенного ущерба и т.д., картину в общих чертах, конечно, можно представить, хотя она будет очень не полной. Между тем, для организации работы с жертвами преступлений в масштабах страны, области, города или района количественные и качественные показатели последствий преступности весьма важны.

¹ Кури Х. Исследование проблем виктимизации в Германии. Криминологические исследования в мире. М., 1995.

² В Казахстане наиболее глубоко исследовал эту проблему Ж.С. Бейсенов. См., напр.: "Классификация жертв "рэкета" и виктимологический аспект их профилактики. В сб. Борьба с организованной преступностью и коррупцией. Алматы, 1996 и др.

³ Усачева Н. Правовое становление социального статуса женщины. Юридическая газета. №№ 33—36. 1995.

Например, если говорить о преступности корыстно-насильственного характера, то на основании нашего исследования можно утверждать, что женщины гораздо реже выступают в качестве жертв в случаях умышленного и неосторожного причинения смерти, нанесения телесных повреждений различной степени тяжести. В то же время они "опережают" мужчин по уровню виктимности в случаях разбойных нападений, грабежей, совершенных в общественных местах, карманных краж. Видимо, сама обстановка места совершения этих преступлений предполагает учет преступником потенциального поведения жертвы (к примеру, в случае оказания физического сопротивления), что предопределяет выбор наименее активного потерпевшего.

Таким образом, становится ясно, что одна из ключевых проблем современной криминологии — отношение к жертве преступления. Можно смело утверждать, что господствовавшая на протяжении десятилетий идеология и сформированный в том числе и под ее влиянием своеобразный менталитет наших граждан был основан в первую очередь на необходимости установления и наказания виновных. Уголовно-правовой принцип неотвратимости наказания полностью заслонил собой принципы возмещения нанесенного вреда, оказания материальной помощи потерпевшим. Приоритет общественной и государственной собственности всегда был выше интересов частных, личных, даже когда это касалось посягательств на жизнь и здоровье. Государство занимало, да и сейчас по большей части находится в позиции пассивного наблюдателя за усилиями жертвы преступления по восстановлению нарушенных прав (особенно если это касается интересов физических лиц). Кстати, именно обязательство виновного загладить и возместить причиненный им вред, непосредственное и обязательно адресное исполнение этого обязательства несет в себе большой воспитательный и профилактический потенциал. В условиях тоталитаризма и административно-командной системы управления экономикой и обществом все эти вопросы отражались как в кривом зеркале. Человек, признанный виновным и будучи осужден, сначала должен был принудительно отработать прежде всего на государство: строить магистрали и каналы, выполнять народнохозяйственные планы и только в последнюю очередь, если что-то останется, возмещать ущерб.

Важным аспектом проблемы снижения виктимизации жертв преступлений становится получающая в последнее время все более широкое развитие в научных дискуссиях необходимость возмещения вреда, нанесенного преступлением. На взгляд ав-

тора, заслуживает внимания практика применения условного наказания или условного освобождения только лишь в случае возмещения вреда жертве(хотя бы частичного) со стороны преступника. Данная норма, кстати, не получившая отражения в новом законодательстве Республики Казахстан, помимо своего непосредственно- компенсационного значения, имеет также и реальный ресоциализирующий потенциал как принцип социально поощряемых правоотношений.

Наряду с этим в Казахстане до сих пор не получила должной оценки и необходимого решения проблема насилия в отношении женщин. Оно выражается в таких формах, как принуждение к сожительству и проституции, изнасилование, бытовое насилие или убийство на почве алкоголизма, наркомании, садизм, систематическое избиение и психологическое насилие.

Из года в год не уменьшается количество преступных посягательств на жизнь, здоровье, честь и достоинство женщин. Если в 1995 году было зарегистрировано 1550 фактов изнасилований, то в 1996 году количество такого тяжкого вида преступлений возросло до 1590.

В то же время официальная статистика не отражает в полной мере реальную картину преступлений в отношении женщин. В силу различных причин пострадавшие зачастую воздерживаются от обращения в правоохранительные органы.

Зарегистрированное число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за принуждение женщин к вступлению в половую связь, в отношении которых женщины являлись зависимыми материально или по работе, а также за принуждение женщин к вступлению в брак, ежегодно не превышает по республике нескольких десятков человек, что, безусловно, не отражает действительного положения дел, поскольку, по нашим оценкам, подобных фактов гораздо больше.

Подчеркивая актуальность рассматриваемой проблемы, хочется отметить, что немалое значение проблемам, связанным с жертвами преступных посягательств, уделяется и в международно-правовых документах, посвященных общим проблемам противостояния преступности. Так, например, в предварительной повестке 9-го Конгресса ООН, который проходил в 1995г. в Каире, в п. 86 в качестве положительного фактора было отмечено, что в рамках судебного разбирательства, как и в рамках правоохранительной деятельности, все более пристальное внимание уделяется положению жертв преступлений, в целях сведения к минимуму возможности вторичной виктимизации создаются специальные условия (отдельные комнаты ожидания, пред-

ставление свидетельских показаний в записи на видеопленке). На этом же Конгрессе, где положение потерпевших являлось одной из его основных тем, внимание было обращено на эффективность свидетельских показаний, записанных на видеопленку, по делам о преступлениях в отношении детей, а также на необходимость принятия на национальном уровне программ, обеспечивающих в уголовном судопроизводстве безопасность потерпевших — женщин¹.

3.3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИН-ПРЕСТУПНИЦ

Еще в 1987 году на Гейдельбергском съезде Международного союза криминалистов была принята классификация преступников, которая в равной степени касается и женщин-уголовниц:

1. Преступники случайные, эпизодические.

2. Преступники, обнаружившие серьезную неустойчивость в поведении или несколько раз совершившие преступления.

3. Преступники упорные или профессиональные.

В своей основе она достаточно емко и четко отражает основные типы (классы, группы) преступников. При этом необходимо понимать, что на практике далеко не всегда отмечаемые типы выступают в "чистом" виде. Возможны различные их сочетания. Кроме того, сами типы могут подразделяться на более конкретные вариационные составляющие — подтипы, подгруппы и т.д. Поэтому исчерпывающей типологической характеристики преступности или ее отдельного вида, по мнению автора, в принципе не может существовать, поскольку процесс этот неразрывно связан с процессами познания, развития общества.

Классификация и типология преступных типов призваны служить различным специальным интересам и обеспечивают достижение конкретных целей, поставленных перед ними. В научной литературе вопросы разграничения классификации и типологии являются весьма дискуссионными. Так, например, в учебниках криминологии издания до 1992 года существенное значение отводится классификации и типологии преступников, при этом классификация в криминологии понимается в широком и узком смысле слова². В узком смысле — это типология, которая

¹ Брусницын Л.В. Международно-правовые и конституционные основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. Государство и право. №3. М., 1996.

² См.: Курс советской криминологии. М., 1985. С.293—309.; Криминология. М., 1988. С.99—101; Криминология. Спб. С.93—96.

основана на существенных признаках, закономерно связанных с причинами преступного поведения. В широком смысле слова под классификацией подразумевается и типология, и классификация в указанном узком понимании. Встречается также и термин "группировка", в который некоторые авторы закладывают аналогичный смысл.

Не вдаваясь глубоко в научную терминологическую дискуссию, хотелось бы прояснить собственную позицию автора по этому вопросу, что послужит также отчасти обоснованием научного подхода к освещаемой в данной работе проблеме. Представляется, что особых сущностных различий между приведенными терминами не существует, поскольку каждый из них предполагает членение множества (в нашем случае женщин-преступниц) на определенные классы, группы, подсистемы по самым различным критериям. Но все же, если говорить о криминологической стороне этого процесса, то применительно к ней наиболее уместен, на наш взгляд, все-таки выбор термина — "типология", поскольку он указывает, во-первых, на личность, являющуюся одним из основных предметов изучения криминологии, во-вторых, предполагает характеристику прежде всего содержательной стороны личности преступника, а не только его формальной принадлежности к категории лиц, совершающих определенные преступления и их виды.

Таким образом, нам хочется подчеркнуть, что понятия "классификация", "группировка" имеют как бы более универсальный характер. С их помощью обычно бывает удобнее различать и изучать преступников по формальным критериям, таким, как половозрастная принадлежность, уголовно-правовая квалификация совершенного преступления, назначенный вид уголовного наказания и т.д.

Личность преступника отличается от личности неправошащего уровня общественной опасности. Содержание или характер общественной опасности зависит от доминирующей мотивационной направленности ее преступного поведения. Степень же общественной опасности личности варьируется в зависимости от стойкости и глубины этой направленности¹.

Построению типологических моделей преступного поведения, в том числе и женского, посвящен ряд интересных исследований, неизменно подчеркивающих, что различные личностные особенности способствуют формированию различных мо-

¹ См.: Криминология. М., 1994. С. 110.

тивов поведения, которые чаще всего действуют на бессознательном уровне¹.

Таким образом, принимая за основу как традиционно устоявшуюся в криминологической науке типологическую характеристику личности преступника, результаты специальных работ, посвященных этой проблеме, так и выводы, сделанные на основании собственного исследования, по *характеру и содержанию мотивации*, применительно к преступности среди женщин можно выделить:

а) насильственный тип личности — это женщины, совершающие хулиганские действия, убийства и нанесение телесных повреждений на бытовой почве, детоубийства, это лица с негативно-пренебрежительным отношением к человеческой жизни, ее важнейшим благам, здоровью, телесной неприкосновенности и т.д.;

б) корыстно-насильственный тип — наиболее общественно опасный тип личности с прочно усвоенными антисоциальными установками, направленными на достижение собственной, чаще всего материальной выгоды, в том числе ценой человеческой жизни;

в) корыстный тип — о мотивации, присущей корыстному типу преступниц, в том числе связанной с необходимостью обеспечения семейного благополучия, говорят данные отечественных исследований, подчеркивающих высокий процент лиц этой категории, имеющих семью. Так, большинство лиц, привлеченных к уголовной ответственности за должностные преступления, были семейными людьми (женщины — 85%, мужчины — 96%) и имели несовершеннолетних детей (среди женщин — 82%, среди мужчин — 77%)²;

г) неосторожный тип — с легкомысленно - безответственным и небрежным отношением к правовым предписаниям — составляет большую часть так называемых случайных, неосторожных преступниц;

д) зависимый тип — для его представителей характерны различные преступные проявления, совершаемые в силу чисто психологической зависимости, объектом которой могут быть наркотики, алкоголь, личность мужчины — спутника жизни.

¹ См.: Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974; Меликишвили Л.А. Типологические модели личности женщин-преступниц. Современная преступность. Новые исследования. М., 1993. С. 136—141.

² Агыбаев А.Н. Ответственность должностных лиц за служебные преступления. Алматы, 1997. С. 277.

По глубине и стойкости криминогенной мотивационной направленности личности среди женщин целесообразно различать:

а) случайных преступниц—женщин, совершивших преступления в результате случайного стечения обстоятельств и в противоречии с общей характеристикой своего предшествующего поведения;

б) ситуационных преступниц—женщин, совершивших преступления под воздействием неблагоприятных условий формирования и жизнедеятельности личности;

в) неустойчивых преступниц—женщин, допускавших отклонения от норм социально-одобряемого поведения, но тем не менее их твердо не усвоивших;

г) профессиональных преступниц — женщин, прочно стремящихся к достижению поставленных перед собой задач посредством совершения преступлений.!

Приводя данную типологию, основанную на глубине и стойкости криминогенной мотивации, мы умышленно не связывали ее с формальным наличием или отсутствием судимостей, рецидивом и т.д. Данная позиция отвечает именно мотивационному подходу к изучению личности, поскольку, например, не всякий рецидивист, по нашему мнению, может соответствовать типу профессионального преступника, а впервые осужденный — оказаться на скамье подсудимых по случайному стечению обстоятельств.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

4.1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Исследования профессиональной преступности занимают в последнее время все более значительное место в системе мер по изучению преступности в целом. Несмотря на это, наше внимание привлекло то обстоятельство, что рассмотрение комплекса вопросов, связанных с противодействием профессиональным преступным проявлениям, происходит, как правило, применительно к преступности лиц мужского пола. Возросший в последние годы научный интерес к проблеме преступности среди женщин как к прогрессирующему социальному явлению практически не отразился на исследовании женского криминального профессионализма. В связи с этим нам хотелось бы, насколько не принижая роли мужчин в профессиональной, организованной преступной деятельности, остановиться именно на проблемах, связанных с участием женщин в жизнедеятельности "профессионального ядра" преступного мира.

Прежде всего, чтобы правильно и максимально объективно оценить это социальное явление, автор счел необходимым обратиться к его истокам, попытаться проследить его "эволюцию" на протяжении определенного исторического этапа в развитии самого общества.

Как известно, возникновение проблемы профессионального преступника и профессиональной преступности было обусловлено ростом преступности как социально негативного явления, в связи с утверждением капиталистических общественных отношений во второй половине 19 столетия¹. При этом следует иметь в виду, что преступность в Казахстане, в отличие от стран Западной Европы, складывалась в специфических социально-экономических условиях, наложивших на нее свои национальные особенности.

Аграрно-патриархальный уклад жизни, преобладание сельского населения, влияние канонических устоев мусульманской

¹ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С.53.

религии, низкий образовательный уровень населения, безусловно, оказывали определяющее влияние как на структуру и динамику всей преступности, так и на профессиональные ее проявления. Это положение, например, наглядно иллюстрируется различиями между городской и сельской местностью. Известно, что криминальный профессионализм носит в основном имущественный характер, а многие виды имущественных преступлений были распространены именно в городах, исключая, пожалуй, лишь корыстно-насильственные посягательства, носившие характер групповых разбойных нападений и грабежей.

Как мы уже уяснили выше, социальный статус женщины в Российской империи и на ее окраинах характеризовался крайне бесправным ее положением в обществе, имея при этом прямое отражение на процесс криминальной активности.

Эта ситуация, несмотря на ее остроту, весьма не адекватно воспринималась ее современниками — представителями правовой науки. Во-первых, преступное поведение женщин, в том числе профессиональное, являлось лишь объектом эпизодических научных исследований, не разрешавших проблем женской преступности в целом. Во-вторых, сами исследования опирались на гипотезу о биологической предрасположенности человека к преступному поведению. В-третьих, они несли в себе информацию только лишь об отдельных преступлениях (видах преступлений), в основном насильственного характера. Среди подобных работ выделяется уже упоминавшаяся книга Тарновской П.Н. о женщинах-убийцах, где автор тщательно и обстоятельно исследует личности и поведение 160 женщин-убийц, жительниц деревень европейского центра России.

Внимание ученых того времени привлекала и проблема женской проституции¹. Однако следует отметить, что эти исследования носили по большей части описательный характер, дополняя своими данными официальную имперскую статистику. В них практически не уделялось внимания наличию прямых связей проституции и преступности.

Что касается непосредственно данных статистики об участии женщин в преступной деятельности, то, например, по данным Гурова А.И., преступления совершали в основном мужчины. Удельный вес женщин в целом не превышал 12% и по видам преступлений распределялся следующим образом: в кра-

¹ См., напр.: Зарубин В.И. Проституция, венерические болезни и Нижегородская ярмарка. Медицина. 1986. №29—30. С. 387—390; Обозенко П.Е. Поднадзорная проституция. С.-Петербург. Спб. 1896.

жах их принимало участие 8,7%; в убийствах супруга или родственников — 39,3%; в детоубийстве — 98,3%. Таким образом, делает вывод А.И. Гуров, "корыстные преступления не были характерны для женской преступности". Анализируя данные о судимости, А.И. Гуров отмечает, что, например, в 1901 г. женщины составляли лишь десятую часть от общего числа судимых лиц¹.

К началу 20-го столетия социально-экономическая и политическая ситуация в Российской империи стала претерпевать значительные изменения. Это в первую очередь было обусловлено развитием крупных капиталистических производств, частного предпринимательства, увеличением числа городского населения, внедрением в жизнь достижений научно-технического прогресса, расширением международных контактов. На этом историческом этапе стал окончательно формироваться и так называемый профессиональный преступный мир с его "законами" и "моралью", с особым тайным языком общения и нормами поведения. Консолидации преступного мира, по нашему мнению, в определенной мере "способствовал" процесс ужесточения мер административно-государственного контроля за жизнью общества, вызванный обострением внутривнутриполитической обстановки. Усиление карательного аппарата государства, в т.ч. полиции, повлекло ответную реакцию со стороны преступного мира. В ходе этих процессов закономерно стала усиливаться роль профессиональных, наиболее опытных преступников в условиях криминальной среды. Они стали контролировать и руководить деятельностью отдельных лиц, групп и даже банд преступников. Стали обозначаться и территориальные границы их "полномочий." С этого момента женщины начинают играть все более заметную роль в жизни уголовной среды. Им отводится уже не просто место спутницы жизни профессионального преступника, они становятся исполнительницами определенных функций в системе преступных сообществ: содержательницами воровских и бандитских "ям" и "малин", подпольных публичных домов, сбытчицами похищенного имущества, наркотиков и хозяйками притонов для их потребления. Этому способствует и небывалое распространение наркомании и проституции в России того периода.

Преступная квалификация приобретает в отдельных случаях чисто женскую специфику. Профессиональные криминальные навыки "отшлифовываются" как на воле, так и в местах

¹ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 68.

лишения свободы, которые превращались в своеобразные "школы" и "университеты" по обмену преступным опытом. Этому явлению сопутствовало и длительное время не существовавшее разделение осужденных по режиму содержания, возрастным и половым особенностям.

В этой связи большой интерес представляют сведения, характеризующие среду, быт и нравы, царившие в местах лишения свободы того времени. Наряду с классическими художественными произведениями, в числе которых "Записки из мертвого дома" Ф.М. Достоевского, записки о русской каторге А.П. Чехова, особый интерес вызывает, например, работа известного русского публициста, журналиста, критика В.М. Дорошевича, специально посвященная исследованию жизни каторжан и их окружения. Отдельные очерки в работе посвящены женщинам-преступницам ("Каторжные работы Коноваловой", "Каторжанка баронесса Геймбрук", "Женская тюрьма", "Сожительница", "Золотая ручка" и др.). Трудно не привести хотя бы небольшую цитату из этого произведения. Вот, например, что пишет В.М. Дорошевич о знаменитой Софье Блювштейн: "Каторга ею как будто гордится. Не любит, но относится все-таки с почтением. Ее изумительный талант организовывать преступные планы и здесь не пропал даром"¹.

Показательно также, что Дорошевич В.М. употребляет и термин "профессиональная преступница", характеризуя наиболее ярких представительниц Сахалинской каторги.

Период социальных революций и первой мировой войны, с одной стороны, временно отодвинул на второй план проблему борьбы с общеуголовной преступностью, а с другой — создал условия для пополнения ее рядов новыми членами, а также для дополнительного расслоения преступной среды на определенные "масти" по признаку их криминальной специализации. Этот процесс освещен в специальной литературе, в частности в работах Монахова В.И., Водолазского Б.Ф., Вакутина Ю.А. Однако, там мы не обнаружим сведений, касающихся участия женщин в профессиональной преступной деятельности описываемых группировок.

Активизация научных исследований по изучению личности преступника в 20—30 годы коснулась и женской преступности

¹ Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга. М., 1903. С.2.

² См.: Вакутин Ю.А., Водолазский Б.Ф. Преступные группировки, их обычаи, традиции, "законы". Омск, 1979; Монахов В.И. Группировка воров-рецидивистов. М., 1957.

ти. К изучению этих вопросов стали привлекаться не только криминалисты, но и психиатры, психологи. Криминологическая наука уже тогда практически признавала наличие женщин — профессиональных преступниц. Во всех исследованиях того времени отмечалось, что женская преступность отлична от мужской не только по количеству совершаемых преступлений, но и по характеру преступных деяний. Так, в преступлениях против личности выделялось в основном четыре типа женщин: убийцы, подпольные абортмакерши, сводницы, наносительницы ударов и побоев¹. Во всех исследованиях подчеркивалось значение влияния социальных условий на виды и характер женской преступности.

Таким образом, на основании детального изучения разного рода источников, содержащих информацию о преступниках-профессионалах, можно заключить, что так называемая элита преступного мира: "идейные воры", их группировки и неписанные законы — не признавали женщин в качестве равноправных членов уголовного "братства". Несмотря ни на какие криминальные "заслуги", они, например, не имели права участвовать в собраниях воров — "сходках", непосредственно пользоваться общей кассой взаимопомощи — "общаком", самолично решать какие-либо вопросы, связанные с принципиальными моментами жизнедеятельности группировок, в которые они входили, хотя в целом жизнь женщин в преступной среде, безусловно, подчинялась принятым в ней нормам и правилам поведения. Они в совершенстве владели избранным криминальным ремеслом, знали воровские обычаи и жаргон, соблюдали действующие правила внутренней субординации и т.д. Но некоторые из них пользовались авторитетом в преступном мире, исходя из своей действительно высокой воровской квалификации, как, например, Софья Блювштейн. Другая категория преступниц приобретала определенный "вес" ввиду своей близости с авторитетами преступного мира — мужчинами. Об этом, в частности, пишет В.И. Монахов: "Чаще всего вор подыскивает себе женщину, имеющую жилплощадь, и вступает с ней в связь. При этом вор или обманывает ее относительно своей деятельности либо делает ее своей сообщницей, что происходит гораздо чаще"².

Таким образом, женщины-преступницы, находясь в непосредственной связи с мужчинами — членами различных преступ-

¹ См. Современная преступность. М., 1926. С.63.

² Монахов В.И. Группировка воров — рецидивистов. М., 1957. С. 20.

ных группировок — были "обречены" на следование "исповедуемым" последними нормам жизни и правилам поведения. Но при этом характерно, что очевидного противостояния между самими женщинами по "идейным" соображениям не наблюдалось, что не соответствовало ситуации, складывавшейся среди преступников-профессионалов, когда между ними происходил раскол на несколько противоположных и враждебных друг другу группировок.

Несколько иное положение существовало в местах лишения свободы, где содержались женщины. Сама по себе система исправительно-трудовых учреждений являлась, по существу, местом концентрации преступного элемента, находящимся на содержании у государства. Специфическая социальная среда с ее жестокими, бесчеловечными нравами и обычаями вызывала у современников-ученых самые негативные впечатления. Для примера приведем описание женской тюрьмы (исправдома) периода 20-х годов, сделанное Б.С. Утевским: "На Новинском переулке в Москве в низеньком одноэтажном здании помещался женский исправдом "Новинка". Население исправдома было пестрое. Здесь содержались провокаторша Серебрякова, профессиональные абортмакерши, самогонщицы, спекулянтки, воровки, содержательницы притонов, сводницы, проститутки-хипесницы. Самое страшное впечатление производили оставшиеся еще от царизма проститутки-воровки, опустившиеся на самое дно преступной Москвы, начинавшие свою "карьеру" в отдельных кабинетах Яра и кончавшие нарами "Хитровки". Это были алкоголички, морфинистки и кокаинистки, лесбиянки, исковерканные физически и изуродованные морально, развращенные до мозга костей, не способные разговаривать без "изысканной" многоэтажной брани. Отсутствие в исправдоме алкоголя и наркотиков приводило их временами в состояние иступления. То одна, то другая устраивали дикие сцены: рвали на себе одежду, били посуду, набрасывались на других заключенных, бились в судорогах, испуская при этом грубейшую ругань. Были в Новинке и женщины — участницы антисоветских преступлений. Они держались замкнуто, были неразговорчивы, избегали политико-воспитательных занятий, но точно выполняли всякую работу, аккуратно и безотказно"¹.

Ситуацию в местах лишения свободы осложняло и то обстоятельство, что в так называемых лагерных пунктах содержались осужденные за различные преступления, от общеуголов-

¹ Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С.241,242.

ных до государственных. Сами лагеря для мужчин и женщин располагались, как правило, в одной местности, что создавало возможность для непосредственных контактов между ними. Подтверждением данного положения являлись и укоролившиеся в уголовном жаргоне понятия, как, например, *лагерная жена* — заключенная, с которой сожительствует заключенный в 1929 г., в целях поощрения арестантского усердия, заключенным женщинам и мужчинам, рекордистам производства, разрешалось вступать в брак. Осужденные по 58 статье УК этой привилегией не пользовались. Вскоре эта практика была отменена); *лагерный муж* — заключенный, сожительствующий с заключенной.

В течение первых лет социализма задачей лагерей была подмена отсутствующей механизации производства мускульной силой заключенных и женщины составляли в тот период не более 20% пенитенциарного населения. Во избежание нарушений лагерной и производственной дисциплины создавались отдельные женские лагеря. Но вместе с тем в некоторых мужских лагерях имелись жензоны.

Наиболее крупными пенитенциарными учреждениями, в которых содержались осужденные женщины в СССР, являлись: лагерь *Эльген* на Колыме (подразделение так называемого УС-ВИТЛага — управления северо-восточных исправительно-трудовых лагерей), включавший в себя сельскохозяйственную зону, непосредственно женский лагерь и детгородок; *Яя* — один из первых крупнейших женских лагерей, в основном для лиц, осужденных за уголовные преступления, близ транссибирской железной дороги, на одноименной речке, около 180 км восточнее Новосибирска. Был открыт в начале 30-х годов. Заключенные занимались пошивкой лагерного обмундирования, а с 1941 г. — военного. С 50-х гг. также мужской лагерь, специализировавшийся на лесозаготовках. В женском лагере довольно часто отмечались случаи группового изнасилования лагерницами заключенных мужчин, направляемых туда по служебным делам (подвозка воды, строительные работы и т. д.); *Арсенальная* — старая царская тюрьма в Ленинграде (Санкт-Петербурге). В советское время — женская тюрьма. С 1949 г. в ней функционировало отделение тюрьмы для лиц с психическими отклонениями.

Хотелось бы отметить, что Казахстан в известной степени являлся сосредоточением исправительно-трудовых учреждений советской пенитенциарной системы, в том числе предназначенных для содержания осужденных женщин. Сначала на территорию республики прибывали по *путёвкам*, письменным приказам выехать из данной местности или прибыть в указанную в нем местность. В 20-х годах путёвка выдавалась органами ВЧК-ГПУ женам высланных или сосланных "контрреволюционеров".

С начала 30-х годов путевки не выдавались, так как жен стали отправлять по этапу в качестве осужденных. Эти осужденные женщины именовались *чеэсеровками* — членами семьи репрессированного и *стоятницами* (с начала 20-х годов супругам сосланных стали запрещать проживание в радиусе 100 верст от Москвы и Ленинграда и им разрешалось поселиться не ближе 105 км, откуда и появился этот термин).

В период массовых репрессий в СССР стали создаваться так называемые особые лагеря жен изменников Родины, входивших в систему ГУЛАГа. Первые такие лагеря появились в 1937—1938 гг., а к лету 1940 г. они стали массовым явлением. Особую известность получил один из крупнейших женских лагерей, так называемый *АЛЖИР*— Акмолинский лагерь жен изменников родины, открытый в 1939г. в степях центрального Казахстана.

В таких лагерях содержались различные категории осужденных женщин. Наиболее массовыми категориями из числа осужденных за политические преступления являлись:

Бандеровские жены, бандеровки — жены сторонников и сподвижников лидера украинских национал-патриотов Степана Бандеры;

Монашки — начиная с 1917г. церковнослужители являлись объектом уголовных репрессий. В женских (как и в мужских) лагерях монашки являли пример большой моральной стойкости и физической выносливости. Наряду с православными монашками те же качества проявляли католические монашки, которые стали появляться в лагерях после присоединения к СССР прибалтийских республик и восточной Польши (по соглашению Молотова-Риббентропа);

Женщины, осужденные за неотказ от мужей, — во время сталинских чисток органы госбезопасности заставляли жен видных арестованных отказываться от мужей, объявленных "врагами народа". Многие не соглашались и за это получали по постановлению *особых совещаний* до 10 лет лагерей. (Во исполнение негласного постановления СНК СССР, секретной инструкцией НКЮ от 27 ноября 1944 г. на судам было предложено беспрекословно (и бесплатно) расторгать брак, если один из супругов осужден по политической статье);

Фезеушницы—ученицы ФЗУ (фабрично-заводских училищ), осужденные по Указу от 28 декабря 1940 г. за самовольный уход из ремесленного училища. Формально в ФЗУ мобилизовали крестьянских детей от 14 до 16-летнего возраста. На практике попадали туда и 12-летние. Сроки получали от 3 до 7 лет. Сотни тысяч этих детей побывали в ГУЛАГе за годы войны. Многие из этих девочек впоследствии пополнили ряды воровок и проституток. В годы второй мировой войны из оккупированных не-

мецко-фашистскими войсками территорий в лагеря стали направляться женщины, получившие на лагерном жаргоне обозначение — *немецких подстилок*. Это были женщины, сожительствовавшие с солдатами армии противника во время войны либо подозреваемые в этом (срок наказания, как правило, составлял 10 лет за "сотрудничество с оккупантом"). Из общеуголовных категорий осужденных в лагерях выделялись так называемые *честняшки*, *честнячки*, *честные* — причислявшие себя к *блатным* женщины и девушки, придерживавшиеся воровских норм и правил поведения, а также *жучки* — воровки несовершеннолетнего возраста, занимавшие более низкую ступень в иерархии женщин-профессиональных преступниц.

К сожалению, описание условий жизни, особенностей социальной среды в местах лишения свободы осужденных женщин периода 20—50 гг. носит лишь фрагментарный характер, имеется чаще в художественных источниках, чем в научной специальной литературе. Поэтому в ходе исследования мы попытались восстановить интересующую картину, основываясь на впечатлениях самих женщин, отбывавших наказание. Естественно, что таких лиц осталось немного, но все же с отдельными из них нам удалось встретиться. Это, в частности, происходило в условиях женских колоний строгого режима, следственных изоляторах, межрегиональных больницах для осужденных. Преступницы, за чьими плечами более чем 20-летний "стаж лишения свободы, начинали свою криминальную "карьеру" с лагерей ГУЛАГа. Все они, почти без исключения, на вопрос, "считают ли себя профессиональными преступницами", отвечали утвердительно. Естественно, что в настоящее время это уже пожилые, немощные, не способные активно трудиться люди. Многие из них имеют инвалидность, больны различными хроническими заболеваниями. В колониях они даже содержатся отдельно от других осужденных — в специальных корпусах для нетрудоспособных по возрасту и в силу физических недостатков. При этом некоторые наносили себе физические увечья самостоятельно¹. Однако именно они со-

¹ На уголовном жаргоне умышленное членовредительство обозначается термином *Мастырка* — искусственное вызывание симптомов болезни. У женщин в основном распространено прижигание срамных губ сигаретой с целью имитации симптоматики сифилиса; некоторые лагерницы старались забеременеть, чтобы избежать изнурительных работ; женщины гораздо реже, чем мужчины, шли на удаление конечностей или их частей. В настоящее время данное явление встречается исключительно редко.

хранили в своей памяти события того времени, когда происходило становление и развитие профессиональной преступности. Так, например, профессиональная воровка-карманница Ш., 1927 г. рождения, ранее широко известная в преступном мире под кличкой "Рысь", рассказывала, что в 50—60гг. и среди женщин, находившихся в местах лишения свободы, существовала иерархия, в которой особое место занимали "истинные воровки". На уголовно-воровском жаргоне их называли *уркачками* — то же что *урка*—на воровском жаргоне 19 века "крупный и дерзкий вор, воровка"¹. Они и в исправительно-трудовых лагерях придерживались определенных норм поведения, принятых в воровской среде на воле. Например, они старались воздерживаться от употребления нецензурной брани, отвергали гомосексуальные связи, пользовались материальной поддержкой членов преступных группировок, оставшихся на свободе.

В тюрьмах и следственных изоляторах они (если позволяли условия) содержались в отдельных от других осужденных камерах и помещениях. Они же являлись блюстителями неписаных законов преступного мира, например в случаях обнаружения фактов сотрудничества с администрацией, в отношении "провинившихся" ими применялись жесткие меры воздействия, вплоть до физической расправы. Были известны примеры открытого противостояния "воровок" с так называемыми "ссученными" преступницами, что по своей сути примерно соответствовало борьбе "воров в законе" с группировками "отошедших" воров у мужчин. Близко к воровкам примыкали по своему статусу профессиональные мошенницы и содержательницы притонов — также активные носительницы "воровских" обычаев и традиций. Кроме этого, чисто психологически они относились к типу людей с явно выраженными прочно усвоенными в период профессиональной преступной деятельности организаторскими навыками. Еще одну категорию преступниц в местах лишения свободы составляли "фраерши", что приблизительно соответствовало понятию "мужики" для мужских исправительно-трудовых учреждений. К ним относились лица, совершившие общеуголовные преступления, но не являющиеся профессиональными преступницами, не имевшие тесных связей с представителями преступных группировок. Такие женщины во время отбывания наказания честно трудились, не вступали в конфликты с администрацией, не поддерживали отрицательно настроенную часть осужденных и т.д. Однако, несмотря на свое

¹ См.: Трахтенберг В.Ф. Блатная музыка. СПб. 1908г.

"привилегированное" положение, "воровки" не имели такой власти над другими осужденными, которая была у "воров в законе". В женских колониях не было понятия "общака", не существовало ритуалов посвящения в воровскую среду и изгнания из нее. "Воровки" держались несколько обособленно от других осужденных, не имея при этом полной и беспрекословной власти над ними. Исключение составляли лишь лица, в силу тех или иных причин зависимые от "воровок". Они выполняли функции по бытовому обслуживанию "воровок", получая взамен покровительство со стороны последних. Их называли "приспособленками", или "утварью". В числе этих женщин было много физически немощных, малограмотных, а также страдающих аномалиями психики лиц.

Ситуация с ограниченным влиянием воровских законов в среде женщин-преступниц, по-видимому, объясняется относительной малочисленностью, по сравнению с мужчинами, "идейных" преступниц, что, в свою очередь, обусловлено чисто природными, априорно заложенными в женской сущности качествами: отсутствием организаторских способностей, ярко выраженного стремления к лидерству, применению физической силы как способу разрешения конфликтных ситуаций и т.д., а также и тем обстоятельством, что, попадая в чисто женскую среду, профессиональные воровки оказывались лишенными поддержки со стороны наиболее ортодоксальных приверженцев "воровской идеи", которыми являлись именно мужчины.

С развитием Советского государства, реформированием уголовной и исправительно-трудовой политики стала видоизменяться и среда преступников-профессионалов. Организованным бандам и группировкам профессиональных преступников был нанесен значительный урон. Еще более усилилось расслоение профессиональной криминальной среды. Период Великой Отечественной войны и последующий за ним этап восстановления народного хозяйства страны создали условия для расширения инфраструктуры профессиональной преступности, в то же время еще более углубив существовавшие в ней внутренние противоречия. Принятие новых Основ уголовного и исправительно-трудового законодательства также сыграло определяющую роль в борьбе с преступностью. Каноны "истинной воровской жизни" стали отходить в прошлое. Вместе с ними стал исчезать и былой авторитет воровок с их моралью и субкультурой. В связи с этим автор полностью солидарен с мнением В. А. Серебряковой, утверждающей, что в период с 1946 по 1960 гг. совершенно четко и ясно намечалась тенденция изменения в са-

мой структуре преступности. Она, в частности, отмечала, что "анализ статистических данных убедительно свидетельствует, что происходит увеличение числа преступных проявлений в таких видах преступлений, которые связаны с профессиональной деятельностью женщин"¹. Это согласовалось и с данными статистики занятости женщин в общественном производстве: если в 1940 г. женщины в общей численности рабочих и служащих составляли 39%, то в 1970 г. они составляли 51%; в таких отраслях, как торговля и общественное питание, материально-техническое снабжение, сбыт и заготовки, в 1940 г. они составляли 44%, а в 1973 г. — 76%; в жилищно-коммунальном хозяйстве, в непроизводительных сферах бытового обслуживания населения — соответственно 43 и 51%; в кредитовании и государственном страховании — 41 и 86%².

Таким образом, участие женщин в профессиональной преступной деятельности стало получать более широкую сферу применения. "Традиционные" криминальные профессии женщин при этом не претерпели значительных изменений. Наряду, например, с распространенными видами воровства: оставленных без присмотра вещей и предметов, кошельков из дамских сумок и пакетов и т.п., с развитием сферы услуг и организации торгового дела в начале 70-х годов появился относительно новый способ совершения краж из магазинов, работавших в так называемом режиме "самообслуживания". Он совершался в паре мужчиной и женщиной. Вдвоем они входили в магазин женской верхней одежды и, создавая у продавцов и окружающих впечатление влюбленной пары, начинали активно рассматривать и примерять некоторые изделия. При этом мужчина, незаметно для окружающих, снимал с вешалки понравившуюся им вещь и передавал ее соучастнице, которая отточенными до автоматизма движениями свертывала ее до необходимых размеров и формы и прятала в специальном образом сшитое нижнее белье, которое находилось на ней. Роль мужчины заключалась в том, чтобы искусно прикрыть эти манипуляции своим телом, а также незаметно вынести с собой пустую вешалку. По рассказам очевидцев, мастерство некоторых женщин доходило до такого уровня, что они могли совершать кражи меховых изделий будучи сами одеты в легкую демисезонную одежду. Для приобретения подобных навыков требовался не один месяц упорных тре-

¹ Серебрякова В.А. Преступления, совершаемые женщинами. М., 1973. С.37.

² См.: Женщины и дети в СССР. Стат. сборник. М., 1985. С.51.

нировок, тонкий психологический расчет, определенное актерское искусство, самообладание и согласованность действий.

В качестве примера можно также привести один из способов совершения краж автотранспорта, характерно совершаемых с участием женщин. Заранее проникая на территорию охраняемого объекта, как правило, санатория, дома отдыха или турбазы, где похитителями предварительно выбрана автомашина, которую они вознамерились угнать, после наступления темноты они (мужчина и женщина) взламывают замки на дверях автомашины, нейтрализуют сигнализацию и подъезжают к воротам объекта с внутренней стороны. Преступники рассчитывают на то, что спящие в это время охранники в темноте не удостоверяются в самоличности "хозяев" автомашины, тем более что последние активно требуют побыстрее предоставить им возможность для выезда за пределы объекта, объясняя это в основном обстоятельствами, не терпящими отлагательств (срочная доставка больного в больницу и т.д.). В итоге охранники сами открывают ворота перед похитителями автомашины. Роль женщины здесь заключается в оказании чисто физической помощи мужчине, а также ее присутствие носит оттенок "успокаивающего", "отвлекающего" и "не вызывающего подозрений" фактора на охранников и любых посторонних лиц, в случае их внезапного появления. Естественно, у преступников, действующих в паре по заранее обдуманному плану, подготавливаются соответствующие легенды и отрабатываются варианты поведения на случай возникновения "нештатных" ситуаций.

Уже в наше время, с расширением возможностей для официальной и легальной международной миграции, в деятельности организованных преступных группировок, специализирующихся на контрабанде золота и мелкоювелирных драгоценных изделий, стал использоваться весьма "оригинальный" способ ее осуществления. Девушек из числа проституток представители криминальных кругов через их же сутенеров стали, помимо прямой сексуальной эксплуатации, привлекать к исполнению ролей по транспортировке контрабандного товара в Турцию, Болгарию и другие страны в основном Средиземно-Черноморского региона путем введения специально упакованных пакетов с предметами контрабанды в их внутренние половые органы.

С развитием инфраструктуры развлечений и игорного бизнеса участились случаи мошенничества и нанесения ущерба своим работодателям со стороны дилеров казино, которые, вступая в предварительный сговор с клиентом, как правило их знакомым, умышленно проигрывали ему значительные суммы, а

затем делили между собой. В числе таких лиц — подавляющее число женщин, причем молодого возраста. Практика привлечения таких лиц к ответственности ничтожно мала, поскольку хозяева игорных заведений не заинтересованы в подобной "рекламе" своего бизнеса и предпочитают не заявлять о выявленных ими фактах в правоохранительные органы, ограничиваясь лишь увольнением работников.

Получили довольно широкую известность и некоторые личности из числа профессиональных преступниц. Так, например, произошло с некой "Викой", мошенницей, которая долгое время пользовалась доверием пассажиров московского метрополитена, играя роль его сотрудницы и похищая доверенные ей личные вещи. Ее преступной деятельности посвящен один из стендов в центральном музее МВД России.

В начале 70-х годов органами внутренних дел Грузии была разоблачена организованная группа торговцев наркотиками, руководимая Андриасовой, 30-летней женщиной без определенных занятий. Эта группа специализировалась на торговле морфином, имела межрегиональные связи и широкую сеть распространителей. Ближайшей помощницей Андриасовой была также женщина, а "прикрывал" деятельность преступной группы известный "вор в законе", сожительствовавший с Андриасовой¹.

Подобными примерами далеко не исчерпывается деятельность женщин-профессиональных преступниц. Не утрачены с течением времени и профессиональные навыки совершения преступлений. Более того, отмеченная выше тенденция к сращиванию официальной трудовой занятости с профессиональной преступной деятельностью получает в последние годы все более широкое распространение. Причины этих явлений коренятся, по нашему мнению, в устойчивом существовании самих факторов, порождающих профессиональную преступность среди женщин.

В заключение приведем некоторые принципиальные соображения, отмеченные нами в истории развития женского преступного профессионализма:

— его история развивалась параллельно с процессом становления и развития общей профессиональной преступности, но не повторяла его;

¹ Данный случай подробно описан в кн. Габияни А.А. Наркотизм: вчера и сегодня. Тбилиси. 1988.

— женский преступный профессионализм менее разнообразен по видам преступной деятельности, чем мужской, что просматривается на протяжении всей истории его существования;

— в структуре общей преступности женский криминальный профессионализм в целом имел и продолжает иметь "вспомогательный" мужской преступности характер;

— самоорганизация в структуре профессиональной преступности среди женщин не носила столь ярко выраженного характера, как у мужчин (как в местах лишения свободы, так и на воле);

— неформальные нормы поведения и строгое следование им не имело и не имеет определяющего значения в профессиональной среде женщин-преступниц.

4.2. МНОГОФАКТОРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ЖЕНЩИН

Научное объяснение причин преступности относится, как известно, к наиболее сложной проблеме отечественной криминологии. Тем более это касается причин отдельных видов преступности, в особенности таких ее проявлений, как профессиональная и организованная, начало изучению которых было положено относительно недавно.

Исходя из концепции причин преступности, разработанной В.Н. Кудрявцевым, И.И. Карпецом, Н.Ф. Кузнецовой, А.Б. Сахаровым и другими учеными, можно сделать обоснованный вывод о том, что причины профессиональной преступности в целом вызываются теми же причинами, свойственными преступности вообще как негативному социальному явлению. Вместе с тем на уровне рассмотрения конкретных особенностей этого влияния на профессиональную преступность обнаруживается своя, особенная взаимосвязь детерминирующих ее причин и условий. В первую очередь она очевидна на уровне мотивации преступного поведения, которая в случае профессиональной деятельности непосредственно связана с осознанной деятельностью, определяемой жизненными ценностями, мироощущением, психологией и психикой профессиональных преступников. Сами процессы расслоения уголовной среды, ее специализации и квалификации, проявление различных форм организации и неформальных норм поведения — особенности, свойственные специфике профессиональной преступности, в образовании которых участвует целый комплекс негативных обстоятельств.

Все это позволяет констатировать определенные сложности методологического характера в подходе к объяснению причин профессиональной преступности, тем более что в истории отечественной криминологии точки зрения на причины преступности менялись неоднократно. Даже когда социальные корни преступности были признаны как объективная закономерность, в отношении отдельных видов преступлений (правонарушений) по-прежнему бытовала распространенная точка зрения об отсутствии причин для возникновения их в нашем обществе. Особенно ярко это проявлялось во взглядах на причины наркомании, проституции, что только содействовало их распространению, а затем уже и признанию как относительно массовых явлений. То же самое происходило и с профессиональной преступностью, не говоря о ее организованных формах.

Таким образом, в рамках настоящего исследования перед автором стояла "двуединная" задача рассмотреть процесс взаимовлияния двух относительно самостоятельных величин в структуре социального явления в целом, какими являются преступность среди женщин и профессиональная преступность.

Не претендуя на всеобъемлющее объяснение причин женского криминального профессионализма, мы сочли необходимым остановиться на анализе специфических факторов, в том числе экономико-правового характера, вызывающих это явление¹.

В первую очередь хотелось бы остановиться на факторах общесоциального характера.

В научной литературе к основным социальным факторам, обуславливающим живучесть криминального профессионализма и его организованных форм, относят прежде всего: противоречия в распределительных отношениях; ослабление отдельных нравственных и социальных институтов; недооценку общественной опасности профессиональной преступности и ее последствий; отставание форм и методов работы правоохранительных органов от изменений качественной стороны преступности².

В настоящей работе автор предпринял попытку рассмотреть перечисленные выше факторы социально-экономического порядка, одновременно заострив внимание на их влиянии как на самое женскую преступность в целом, так и на такие ее прояв-

¹ Причина — явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления. Фактор — момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 522, 736.

² См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 229.

ления, как рецидив, процесс участия женщин в организованной преступной деятельности, проституция, наркомания, а также увязать эти проблемы с живучестью уголовно-профессиональных традиций и обычаев, поскольку они, по мнению автора, также выступают в роли самостоятельных факторов профессиональной преступности.

Противоречия в распределительных отношениях—сама формулировка этой проблемы относится скорее всего к уже оставшемуся позади этапу развития нашего общества. Распределительные отношения при социализме, существовавшие в еще недавнем прошлом, сегодня, в период социально-экономических реформ, преобразований и экспериментов, приобретают иной характер. Само государство, выполнявшее роль "распределителя", все больше отказывается от нее, передавая инициативу в руки самих граждан. Плохо или хорошо протекает данный процесс — вопрос, явно выходящий за рамки Настоящего исследования. Однако последствия трансформации распределительных отношений носят не всегда положительный социальный "заряд". Если раньше все-таки отмечалось "неуклонное повышение благосостояния народа", то ныне происходит скорее обратный процесс. Повышается лишь материальный уровень 5—7% всего населения страны. Остальные вынуждены прилагать огромные усилия, чтобы остаться "на плаву", либо скатываются к черте бедности и полунищенскому существованию.

Бесхозяйственность и правовой нигилизм, политическая борьба за власть и отсутствие социального контроля привели к активизации деятельности организованных профессиональных преступных сообществ, которые на протяжении длительного периода времени, вовлекая в сферу преступлений значительный контингент рабочих и служащих, превратили отдельные отрасли экономики в источник нетрудового обогащения. Крупные и сверхкрупные прибыли, основанные на нарушении закона, способствуют формированию элитарной части общества. Этот процесс имеет прямое "отражение" на рассматриваемую нами проблему. Во-первых, складывающаяся ситуация неизменно влечет деморализацию наиболее правопослушной категории граждан, возникновение антисоциальной морали и своеобразной идеологии. Думается, что у этой категории преимущественно "женское лицо". Во-вторых, впитывая в свою психологию "новые" жизненные ценности, женщина-мать неизбежно "закладывает" их в подсознательные основы поведенческой деятельности своего ребенка. В-третьих, данная ситуация пре-

пятствует исполнению воспитательно-реабилитационных функций общества в отношении лиц, осужденных за различные преступления. Полагаем, что особенно остро этот процесс ощущают на себе женщины из числа лиц, наказанных обществом за совершение уголовных преступлений, что можно наблюдать на примере специальных исследований рецидивной преступности¹.

Э.Я. Стумбина в этой связи отмечает, что женщины реже встают на путь совершения преступлений, но их деградация, коль скоро она началась, выражается сильнее, чем у мужчин, и происходит быстрее. Она приводит интересные данные о том, что перед совершением повторного преступления не работали 70,2% женщин (мужчин в 2,5 раза меньше — 27%), а 89,5% женщин вообще не желали ничем заниматься (среди мужчин таких лиц оказалось гораздо меньше — 12,7%)².

По данным М.Н. Голоднюк, рецидивистки, обследованные ею, в 50% случаев перед последним преступлением не занимались общественно-полезным трудом³. Корреспондируются с этими показателями и данные нашего исследования, в ходе которого было установлено, что 58,3% из обследованных судимых женщин не работали перед совершением последнего преступления.

Более быстрое моральное разложение женщин-рецидивисток, видимо, в значительной мере является следствием особой сложности ресоциализации для женщин, нарушивших закон (повышенные требования, предъявляемые к женщине со стороны социальной среды, делают особенно затруднительным возвращение в общество тех, кто преступил эти требования; длительнее сохраняется недоверие к женщинам, привлекавшимся к уголовной ответственности; резче происходит их отторжение от привычной среды).

Эти аспекты рецидивной преступности напрямую связаны с профессионализацией преступности среди женщин. В подтверждение опять приведем данные Э.Я. Стумбиной о женщинах-рецидивистках: "...они примерно в пять раз реже совершают уголовно-наказуемые деяния по неосторожности, вдвое более предусмотрительны в умышленных преступлениях (заранее

¹ Говоря о рецидиве, мы имеем в виду криминологическое понятие этого термина, включающее любую фактическую повторность (неоднократность) преступлений.

² См.: Стумбина Э.Я. Рецидивная преступность: понятие и криминологическая характеристика. Рига, 1983. С.67.

готовятся к их совершению 36,7% женщин и 18,6% мужчин)"¹. По данным нашего исследования, этот показатель для женщин-рецидивисток достигает еще большей величины—47,3%. "Импulsive действия, реализующие внезапно возникший умысел, — явление более частое среди рецидивистов - мужчин (разница примерно на 10%)"².

Приведенные сведения о степени подготовленности преступного акта свидетельствуют о наличии определенного профессионального подхода к совершению преступлений. Кстати, эта картина не характерна для общей женской преступности в целом. Уже упоминавшаяся нами М.Н. Голоднюк говорит по этому поводу, что женщины не очень тщательно готовятся к совершению преступления, а способы совершения ими хищений свидетельствуют о легкомыслии и малом размахе корыстных устремлений женщин, совершивших наиболее распространенные корыстные преступления³.

Такого рода явления имеют, разумеется, и социальную, и биологическую подоплеку. И скорее социальными факторами можно объяснить формирование у женщин типичных черт преступника, тем более рецидивиста, поскольку даже многие из качеств, которые принято считать специфически женскими, присущими женской психике изначально, в действительности воспитаны в ходе длительного исторического социального процесса⁴.

Так, например, специальные исследования, посвященные корыстным проявлениям женского преступного поведения, показывают, что наиболее распространенными традициями и обычаями, лежащими в основе их преступного поведения и выступающими в качестве причин женской преступности, являются прежде всего традиции, нравы и мотивация корыстолюбия (согласно полученным данным, свыше половины всех преступлений были совершены женщинами из корыстных побуждений)⁵. Такое соотношение в структуре преступности среди женщин является относительно стабильным на протяжении длительного периода времени. Еще в 1921 г. имущественные преступления составляли 40% от общего числа совершаемых

¹ Э.Я. Стумбина. Рецидивная преступность: понятие и криминологическая характеристика. Рига. 1983. С.69.

² Там же. С.70.

³ Голоднюк М.Н. Некоторые вопросы женской преступности. Вестник МГУ. Право, 1978. № 1. С.25.

⁴ См.: Гернет М.Н. Избранные произведения. С.520.

⁵ См.: Голоднюк М.И. Указ. соч. С.24; В.А.Серебрякова, В.Н.Зырянов. Корыстные преступления, совершаемые женщинами. М.Д1990.С.16.

женщинами преступлений,¹ а в 1922 г. осужденные за них (включая присвоение, растрату, порчу, преступное использование казенного имущества) составили 42,3% от общей массы женщин-преступниц, что на 7,5% больше, чем у мужчин².

Именно корыстные мотивы в поведении личности (являющиеся и основными признаками профессионализма), возведенные в ранг общественной морали, неизбежно приводят к ослаблению наиболее позитивных социально-нравственных институтов.

Снижение социальной роли семьи и изменение взглядов на жизненные ценности морального характера, обуславливающие мотивацию отклонений от установленных в обществе норм поведения, приводят к омоложению уголовной среды. Если в 60-е годы криминологи отмечали некоторое постарение корыстного преступника, особенно воровской ориентации, то теперь отмечается обратное. Это полностью относится и к женской преступности в целом, и к такому ее проявлению, как омоложение возраста рецидивисток, для которых характерно свое понимание смысла жизни, своя, отличная от общепринятой "философия жизни". Это не только наличие индивидуалистических целей, но и, что особенно важно, сочетание их с убеждением в возможности и необходимости их достижения любым путем, любыми кажущимися им эффективными средствами. Средства же и способы достижения целей оцениваются ими как негативные, если они не способствуют обретению желаемого. Принципы и цели жизни образуют у рецидивистов молодого возраста единую базовую ценностную ориентацию, которая становится своеобразной стратегией жизни, направляют личность на реализацию своих устремлений. Основными составляющими этой базовой ориентации являются достижение будущего не просто материального достатка, а сверхизобилия и приобретения возможности жить в соответствии со своей жизненной концепцией, не считаясь с нормами и установлениями общества, его моральными и правовыми принципами и ценностями. Данная ценностная ориентация, отражающая в концентрированной форме мировоззрение, политические, нравственные и правовые представления личности, характерна для рецидивисток молодого возраста, совершающих корыстные преступления, "при-

¹ См.: Ходаков Ю.В. Современная преступность женщин. Власть Советов. 1923. N10. С.89.

в 1922 г. Бюллетень ЦСУ. 1923. № 79. С.73.

чем ориентация на материальное благополучие является для них одновременно и средством достижения цели и средством самоутверждения"¹. Эта категория молодых преступниц является, по нашему мнению, наиболее криминогенно опасной, в плане потенциального их участия в организованной преступной деятельности на профессиональной основе. Вполне объяснимо здесь и то обстоятельство, что, попадая в места лишения свободы, такие лица быстро усваивают уголовные традиции и обычаи профессиональных преступников.

Актуальность исследования отмеченных выше факторов профессионализации женской преступности еще больше очевидна в условиях явной недооценки самой проблемы профессиональной женской преступности, методов и форм реагирования на нее со стороны государства, в том числе его правоохранительных органов. На общегосударственном уровне это ощущается прежде всего из-за отсутствия надлежащей правовой и законодательной регламентации как самой профессиональной и организованной преступности, так и адекватных мер по борьбе с этими явлениями. На уровне непосредственной борьбы с преступным профессионализмом эту ситуацию наглядно иллюстрируют полученные нами данные, когда на вопрос: "Можете ли Вы констатировать тенденцию роста женского преступного профессионализма?" — 37,5% из числа сотрудников органов внутренних дел, непосредственно связанных с этой проблемой, затруднились с ответом, объяснив это в большинстве случаев отсутствием соответствующих теоретических познаний. Подобная ситуация, безусловно, не может не сказаться на уровне эффективности принимаемых мер в борьбе с социальным злом.

В этой связи закономерно возрастает влияние криминальных традиций и обычаев на процесс "воспроизводства" преступников. Лица, зараженные психологией стяжательства и паразитизма, при соприкосновении с профессиональными преступниками, их традициями в конечном итоге избирают жизненный путь, связанный с преступной деятельностью.

Этот процесс особенно ощутимо протекает в местах лишения свободы, СИЗО, спец. школах, где довольно сильны традиции "преступного романтизма". Молодые девушки из числа преступниц обладают обширными связями со своими сверстниками из уголовной среды. Среди последних же весьма распро-

¹ Юцкова Е.М. О базовой ценностной ориентации молодых рецидивистов. Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ними. Сб. научн. трудов. М., 1989. С.58.

странены, особенно в последнее время, элементы "блатной жизни", подражание "ворам в законе" и прочим уголовным авторитетам. Сам микросоциальный климат в молодежных группировках антиобщественной направленности в той или иной мере повторяет многие неписанные законы уголовно-воровской среды. Например, в последние годы вновь получают распространение татуировки, особенно у женщин. Этот элемент моды также служит предметом подражания для несовершеннолетних и молодых девушек. Из числа обследованных нами несовершеннолетних преступниц более половины имели татуировки, при этом около 30% из них носили ярко выраженный смысловой характер, остальные же были сделаны, по признанию самих несовершеннолетних преступниц, "из интереса", ради забавы и т.п. Показательно, что среди более старших преступниц татуировкам не придается такого значения, как в молодежной среде. Более того, многие из тех профессиональных преступниц, с которыми мы беседовали, довольно негативно высказывались в адрес татуировок, сожалея о том, что когда-то решили нанести их. Возможно, это объясняется еще и тем, что татуировка, являясь своеобразной "визитной карточкой" профессионального преступника, подчеркивает также и индивидуальные признаки внешности человека, что в случае идентификации личности правоохранительными органами может в определенных случаях сослужить плохую службу профессиональной преступнице.

В целом, среди женщин татуировки, жаргонные выражения, разного рода уголовно-воровской фольклор не имеют такого распространения, как у мужчин. Это относится ко всем категориям преступниц. Однако следует заметить, что перечисленные элементы "блатной жизни" в несколько большей степени присущи женщинам, чья преступная квалификация связана с незаконным оборотом наркотиков и профессиональной проституцией¹. Сами по себе эти негативные проявления выступают в роли факторов, с помощью которых зачастую происходит становление и формирование личности профессиональной преступницы.

Связь преступности и проституции существует издавна. Не углубляясь в историю самого этого явления (чему, в частности, посвящен целый ряд специальных научных исследований и ли-

¹ См. об этом: Мильяненко Л. А. По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. М., 1992.; Алферов Ю.А. Жаргон и татуировки наркоманов в ПТУ. М., 1992 и др.

тературно-художественных произведений)¹, отметим, что как сейчас, так и раньше ближе всего к проституции стояли паразитические элементы городов — содержатели притонов, квартир или комнат. В большинстве они ничего не делали, но постоянно имели какие-то доходы за счет квартиранток. К этим же паразитическим элементам относились и лица, жившие исключительно заработком проституток, так называемые "альфонсы" или "коты". Последние часто склоняли своих подопечных еще и к преступным действиям.

Отдельно стояли те социальные группы, которые соприкасались с проституцией в силу своего труда. Это извозчики, швейцары, официанты, горничные увеселительных заведений и гостиниц. Большинство извозчиков знали квартиры "профессионалок" и являлись иногда посредниками между "ночными бабочками" и их клиентами. На этот шаг извозчиков толкала возможность хорошо заработать как за счет своего подвыпившего седока, так и "комиссионных" от самих проституток. Очень часто в роли посредников выступали и официанты. Но наибольшую опасность для общества представляла связь с профессиональными преступниками.

Последние нередко находили среди них своих сообщниц, соучастниц их преступлений. На квартирах хозяев проституток делилось имущество, добытое преступным путем, сами хозяева выступали в роли сбытчиков краденого. Характерно, что в роли таких "хозяев" проституток также выступали в основном женщины — профессиональные содержательницы притонов и сводницы, имевшие тесные связи с преступным миром. "В Ачинском округе зимой 1926—27 гг. активно действовала шайка преступников во главе с Бибичем. Длительное время, несмотря на шесть вооруженных ограблений и нападений, преступникам удавалось избегать наказания. Тогда Ачинский уголовный розыск установил наблюдение за притонами. Постепенно удалось выявить участников банды и время, когда они обычно являлись в притоны к проституткам. Затем была спланирована операция по задержанию преступников. В результате — в одном притоне были арестованы во время дележа украденного четыре члена шайки, в другом — три. О степени опасности преступников свидетельствует тот факт, что во время задержания они отстреливались, использовали женщин в качестве прикрытия"².

¹ См.: Куприн А.И. Яма. Собр. соч. Т.3. М., 1973.; Проституция и преступность М., 1991.; Габияни А.А., Меликишвили Л.А. Социальное лицо женщин преступниц и проституток. Тбилиси, 1993 и др.

² Угратов А.П. Проституция в Сибири в 20-е годы. ЭКО. 1993. N4.C.166.

На сегодняшний день ситуация с участием проституток в организованной, профессиональной деятельности воспринимается так же остро, как несколько десятков лет назад. Частично изменился лишь ее внешний "фасад". Извозчиков сменили таксисты и водители-профессионалы. Нелегалов из сферы обслуживания — профессиональные сутенеры. Сама проституция как явление практически легализована. Ночные клубы, сауны, массажные салоны действуют под прикрытием разного рода преступных группировок, также замаскированных под различные коммерческие структуры.

Правоохранительными органами периодически проводятся разномасштабные операции по проверке деятельности подобных структур. В результате, как правило, обнаруживается не одна единица огнестрельного оружия, зачастую задерживаются лица, находящиеся в розыске. В ходе одного из таких мероприятий, проведенных в г. Алматы, было установлено, что некоторые из арендуемых проверяемой фирмой жилых помещений, саун и т.д. предназначались для свиданий проституток со строго ограниченным кругом постоянных клиентов, в число которых входили весьма высокопоставленные должностные лица и работники крупных коммерческих структур.

Вызывает закономерный криминологический интерес и такой вопрос, как использование подобных заведений и их сотрудниц организованными преступными сообществами. Прежде всего это происходит (или может происходить) в виде, например, организации встреч с проститутками различных представителей власти, с целью оказания дальнейшего давления (шантажа) на последних, в собственных интересах, за счет соответствующего документирования подобных мероприятий и использования в качестве компроматериалов. Это лишь один из наиболее вероятных "технических" приемов подкупа должностных лиц с использованием профессиональных "жриц любви". В подобных случаях проститутки выступают как бы в качестве инструмента реализации преступных замыслов иных лиц. Но нередко и сами они активны в части нарушения Уголовного закона. Довольно типичный пример наглядно характеризует эту ситуацию: весной 1993 г. в г. Алма-Ате был совершен ряд дерзких нападений на квартиры граждан. В результате проведенных оперативно-следственных мероприятий было установлено, что все потерпевшие, а ими оказались мужчины — работники коммерческих структур, неоднократно пользовались услугами одной и той же проститутки К., 1971 г. рождения, которая, как выяснилось впоследствии, достоверно зная местонахождение

ние ценностей и денежных средств в квартирах своих клиентов, и явилась непосредственным организатором грабежей, привлекая в качестве исполнителей своих знакомых мужчин, трое из которых были ранее судимы, а один — длительное время находился в розыске. Похищенные вещи и ценности укрывались на квартире Т., знакомой К., которая также являлась проституткой. Характерно, что примерно в это же время органами внутренних дел г. Алматы была разоблачена деятельность некоей Ц. — незамужней женщины 30 лет, которая за денежное вознаграждение организовывала встречи проституток, находившихся с ней на связи, с клиентами-мужчинами как у них на квартирах, так и в принадлежащей ей комнате. Ей было предъявлено обвинение, и впоследствии она была осуждена за содержание притона разврата и сводничество. К. и Т. проходили по этому делу в качестве свидетелей, поскольку они также входили в число женщин, "эксплуатируемых" Ц.

Показательно также, что в ходе расследования подобных уголовных дел правоохранительные органы сталкиваются с активным противодействием ходу следствия со стороны некоторых свидетелей - мужчин, пользовавшихся услугами обвиняемых, поскольку разглашение этой стороны их интимной жизни явно не соответствует их социальному имиджу и занимаемому положению. Видимо, этот фактор является в определенных случаях существенным препятствием в процессе изобличения и доказывания подобного рода преступной деятельности. Не случайно, что число привлеченных к уголовной ответственности лиц за содержание притонов разврата и сводничество на протяжении последних лет неуклонно снижается, чего нельзя сказать в отношении самих названных преступных проявлений. Достаточно убедиться в этом, например, побывав в вечернее время около гостиницы "Казахстан", в центре южной столицы, либо проехать на пересечение улиц Саина и пр. Абая. Лица, озабоченные специфического рода услугами, здесь найдут широкий выбор предложений. В роли сутенеров выступают, как правило, мужчины, но и женщин, причем молодого возраста, оказывающих аналогичные услуги, здесь немало. И есть, по нашему мнению, все основания считать таких лиц профессиональными преступницами, поскольку эксплуатация проституции для них имеет все признаки этого явления: устойчивый и постоянный источник дохода; связь с криминальной средой; соответствующий уровень специализации и квалификации; знание специфических уголовных традиций и обычаев, языка (жаргона) и т.д. В ходе изучения данной проблемы мы столкнулись

также с интересной тенденцией, набирающей в последнее время силу. Показательно, что сами так называемые "конторы", где сосредотачиваются проститутки, весьма не редко становятся объектами преступных посягательств со стороны организованных преступных группировок, которые, подвергая их шантажу, облагают данью, заставляют участвовать в так называемых "субботниках" (безвозмездных, как правило, групповых половых сношениях), причем используя в отдельных случаях фальшивую атрибутику сотрудников правоохранительных структур¹.

Ни для кого практически не секрет, что проституция и формы ее эксплуатации в Казахстане уже давно вышли за пределы наших национальных границ. Девушки из различных регионов республики организовано вывозятся за рубеж, в основном в Арабские Эмираты, Турцию, для занятия профессиональной проституцией. Внешне эти акции не вызывают подозрений, поскольку искусно замаскированы под организацию официальных туристических поездок. Видимо, достаточно хорошая организация этого бизнеса не в последнюю очередь влияет на практическое отсутствие показателей уголовной статистики по делам данной категории.

Еще одна грань рассматриваемой проблемы заключается в том, что преступники, в значительной части люди с разрушенными социально полезными связями, без семей и вообще без каких-либо социальных тормозов, находясь на свободе, ищут себе друзей (из мужчин) и сожительниц, которыми чаще всего становятся проститутки. Преступники приобщают этих женщин к своему образу жизни, вкладывают в их сознание свое понимание того, как нужно жить и какие нравственные, точнее аморальные, критерии должны быть руководящими в жизни. Это находит отклик у женщин, и без того видящих изнанку жизни. Их клиенты, часто "развлекающиеся" богатые представители "руководящей элиты", высших слоев общества, интеллигенции, имеющие жен и детей, не скрывающие от своих временных подруг-проституток то, что деньги, которые они на них тратят, нажиты на различных, в том числе и незаконных комбинациях. Поэтому, когда уголовный преступник, вор, сожительствующий с проституткой, предлагает "пощипать" ее клиентов, она охотно идет на это, ибо последние никакого уважения в ней не вызыва-

¹ В период 1994—1996 гг. специальными подразделениями по борьбе с вымогательством и сводничеством МВД — ГСК РК в различных регионах республики было выявлено несколько устойчивых преступных группировок, действовавших по этой криминальной схеме.

ют. Часто сентиментальная проститутка сочувственно относится к жене своего временного сожителя и из психологического чувства "женской солидарности" с удовольствием наносит ему такой удар.

Нередко проститутки становятся приманкой в руках опытных преступников для легковверных, желающих развлечься мужчин. В свое время было немало профессиональных убийц и грабителей, именовавшихся "хипесниками" (от воровского наименования женского полового органа), убивавших и грабивших клиентов проституток в момент, когда они готовились к вступлению с проститутками в половой акт. Полученную при этом прибыль "хипесник" и проститутка делили между собой¹. Встречаются подобные явления и сейчас. Особенно часто в роли жертвы выступают водители дорогих и престижных автомашин, соблазнившиеся на многообещающие перспективы "случайного знакомства" с вечерней попутчицей.

Сами женщины-проститутки зачастую не могут быть матерями, либо дети их оказываются социально заброшенными. Они с малых лет вовлекаются в детскую проституцию (получающую все большее распространение) или пополняют собой армию воров и других преступников, становятся алкоголиками и наркоманами.

Проституции и связанным с ней разнообразным формам преступной деятельности женщин часто сопутствует противоправное ремесло, сопряженное с незаконным оборотом наркотиков.

Криминологическая особенность преступности, связанной с наркотиками, состоит в многообразии конкретных видов преступлений и, соответственно, категорий преступников, поскольку преступные манипуляции с наркотиками разнообразны и каждой из них присуща своя криминологическая характеристика, своя типология преступников, начиная от организаторов преступной деятельности, распространителей, сбытчиков, изготовителей, похитителей, транспортировщиков и т.д. до их потребителей. Роль женщин в подобной цепочке преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, как показывает практика, особенно ощутима в процессе выращивания наркотиков (опийного мака и конопли), сбыта готовых наркосодержащих форм, а также содержания притонов для их

¹ В специальной литературе и женщин, совершивших преступления подобным образом, также именуют "хипесницами", в целом же можно утверждать, что это одна из самых воровских профессиональных квалификаций как у мужчин, так и у женщин.

потребления. Последняя "специализация" женщин часто переплетается с вышеуказанной деятельностью по содержанию притонов разврата и сводничеству, где их доля достигает 88,1% (мужчины составляют 11,9%)¹. Аналогичные данные приводит А.Н.Игнатов: "Изучение 47 дел на 50 обвиняемых показывает, что среди осужденных за содержание притонов женщины составляют 90%, а мужчины только 10%"².

Существует также еще одна сфера применения женских криминальных "способностей" в сфере незаконного оборота наркотиков, на которой следует остановиться. Здесь имеются в виду преступления в сфере фармацевтической промышленности и системе здравоохранения — в больницах и аптеках. Сотрудники этих учреждений, подавляющее большинство которых составляют женщины, нередко вступают в сговор с уголовниками, незаконно торгуя лекарственными препаратами, содержащими наркотики, а некоторые делают наркоманам уколы, получая от них за это немалые деньги, добытые преступным путем. Известны случаи умышленного вступления наркоманами-мужчинами в интимную связь с работницами медицинских учреждений и предприятий с целью получения доступа к наркотическим препаратам для личного потребления или последующего их сбыта. В подобной криминальной среде весьма четко просматривается влияние организованных преступных структур, заинтересованных в налаживании бесперебойных каналов хищений, особенно с объектов фармацевтической промышленности, представляющих для них "стратегический" интерес. В таких случаях имеет место подкуп должностных лиц разного уровня, лиц и структур, осуществляющих охрану этих объектов, а также сотрудников правоохранительных органов³.

Однозначно назвать таких женщин, связанных с утечкой наркотиков, преступницами-профессионалами нельзя, но очевидная опасность отмеченных тенденций представляет несомненную актуальность. Тем более это становится очевидным в связи с рассмотренными выше факторами общесоциального порядка: снижением уровня жизни, распадом семейных и социально-полезных микросоциальных связей и т.д. Известно, например, что медицинские работники, большинство из кото-

¹ См.: Кузнецова Н.И. Уголовно-правовая борьба с содержанием притонов разврата и сводничеством. Канд. дисс. М., 1982. С.66.

² Игнатов А.Н. Квалификация половых преступлений. М., 1974. С.242.

³ Факты подобного рода неоднократно имели место на Шымкентском химфармзаводе по производству технического морфина.

рых составляют женщины, ныне являются одной из наименее оплачиваемых категорий трудящихся и стремление к улучшению материального благосостояния может в определенных случаях нести в себе прямой криминогенный потенциал.

Случается, что сами женщины, втягиваясь в деятельность, связанную с незаконным оборотом наркотиков, становятся "заложницами" пристрастия к ним, что облегчает достижение целей отдельных лиц и преступных сообществ, заинтересованных в получении наркопрепаратов.

Нельзя не упомянуть еще об одной роли, выполняемой женщинами в качестве транспортировщиц наркотиков. Показательной в этой связи являлась деятельность осужденного в 1997г. Алматинским городским судом к 10 годам лишения свободы цыганского барона Б., организовавшего доставку и сбыт наркотиков в столицу республики за счет использования традиционной миграции своих соплеменниц.

Становится привычным и участие казахстанских женщин в качестве международных наркокурьеров. Так, 20 апреля 1996 г. на острове Самос в Греции была задержана и арестована гражданка Казахстана Ж., 1969 г. рождения, которая по поддельному и просроченному паспорту на имя гражданки Японии пыталась провезти 6 килограммов 711 граммов героина в своем багаже и видеокамере.

Греческими же властями 26 января 1996г. была задержана гражданка Казахстана Р., которая ехала поездом из Стамбула в Афины. В момент проверки представителями греческой таможенной службы при ней были обнаружены две упаковки героина общим весом 4 килограмма 800 граммов.

Здесь необходимо остановиться на последствиях непосредственного потребления наркотиков и взаимосвязи этого процесса с преступной деятельностью женщин. В первую очередь опасность представляет известная физиологическая зависимость от потребления наркотика, которая толкает наркоманов на совершение преступлений с целью добычи средств для нового приобретения наркотиков или сырья. Известно, что при длительном и систематическом употреблении наркотиков наступает физическая и моральная деградация личности, человек теряет способность и желание к активному общественно-полезному труду. Основной целью его жизни становится преступная деятельность, направленная на приобретение любым путем "заветного" зелья. Общественная опасность таких стремлений очевидна. В 1991 г. в г. Алма-Ате получило широкий общественный резонанс убийство начальника городского управления

юстиции Е., произошедшее в его квартире, после чего из нее было похищено большое количество ценностей и денежных средств. В результате расследования по делу была доказана вина организатора этого преступления, которой оказалась бывшая супруга потерпевшего З., а также лиц, явившихся его исполнителями, двух граждан Чеченской республики. З. после развода с мужем на почве потребления наркотиков познакомилась с Л. и Г., которым и решила впоследствии предложить свой план убийства бывшего мужа с целью получения таким путем средств для приобретения наркотиков. Реализацию преступного замысла облегчало то обстоятельство, что З. располагала дубликатом ключа от квартиры и достоверно знала о местонахождении ценностей и денежных средств. Таким образом, Л. и Г. совершили практически "заказное" убийство, похитили принадлежащие потерпевшему деньги и ценности, впоследствии предоставили их в распоряжение З.

Аналогичные случаи не редки в следственной и судебной практике, и все они подтверждают, что связь наркомании и преступности, вплоть до самых тяжких ее проявлений, носит непосредственный характер.

Завершая рассмотрение факторов профессионализации женской преступности, автору хотелось бы обозначить свое мнение в отношении такого социально-негативного явления, как алкоголизм. О проблеме взаимосвязи пьянства и алкоголизма с преступностью, в том числе женской, написано немало работ¹. Сама уголовная статистка упорно свидетельствует: там, где выше уровень потребления спиртных напитков, выше преступность, опаснее ее характер, более тяжка она и по способам совершения преступлений и по их последствиям. Влияет алкоголизм и на рецидив. Среди рецидивистов, многократно совершающих преступления, доля лиц, систематически пьющих и просто алкоголиков, значительно выше, чем среди первичных преступников. Эти положения полностью относятся и к женской преступности. Однако же, хотя алкоголизм, по мнению автора, и следует рассматривать в качестве фактора жен-

¹ В Казахстане одним из первых ученых, обративших внимание на эту проблему, был Б.С. Бейсенов. См.: Проблемы борьбы с преступностью, связанной с алкоголизмом. Караганда, 1977г. См. также: Явчуновская Т.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступности женщин-алкоголичек. Автореф. канд. дисс. М., 1981; Бадальянц Э.Ю. Криминологические и уголовно-правовые проблемы социальной реабилитации осужденных женщин, признанных хроническими алкоголиками. Автореф. канд. дисс. Рязань, 1993 и др.

ской преступности в целом (тем более что женский алкоголизм имеет, как правило, более пагубное, разлагающее влияние на личность), его роль как криминогенного фактора представляется весьма спорной. Это объясняется прежде всего тем, что сама по себе алкоголизация организма неизбежно влечет за собой моральную и физическую деградацию личности, потерю общей культуры и, что самое важное в нашем случае, утрату любых (и не только преступных) профессиональных навыков. Вот почему мы считаем, что один из основных признаков криминального профессионализма, каким является специализация и квалификация, в конечном итоге не может иметь место наряду с устойчивой зависимостью личности от алкоголя. Мы также исходили из того обстоятельства, что преступная деятельность женщин-алкоголичек, формально имеющая признаки профессионализма, носит более очевидный (менее латентный) характер, да и сам криминальный авторитет в профессиональной преступной среде находится в обратной зависимости от степени пристрастия к алкоголю.

Таким образом, рассматривая факторы профессионализации женской преступности, мы установили, что они носят разноплановый, неоднородный характер. За каждым из факторов стоит, по-существу, целое социальное явление или проблема. Влияние их друг на друга и на профессиональную преступность среди женщин часто принимает разнообразные, смешанные криминальные формы. Безусловно, автор ограничился лишь наиболее важными и, на наш взгляд, наиболее острыми проблемами, связанными с формированием профессиональной преступной направленности личности женщин. Они, естественно, не носят исчерпывающего характера и нуждаются в более глубоком исследовании и расширительной характеристике, что, в свою очередь, обуславливает необходимость изучения и соответствующих типов личности самих профессиональных преступниц.

4. 3. ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИЦ, ОСНОВАННАЯ НА МОТИВАЦИИ

"Изучение личности имеет значение не только при анализе причин индивидуального преступного поведения, но и преступности в целом. При этом важное значение принадлежит изучению социальных типов личности, включенных в систему сложных общественных отношений. Для эффективной организации борьбы с преступностью необходимо ясно представлять степень распространенности типов личности, способных в опре-

деленных взаимодействиях с имеющимися типами социальной среды продуцировать преступное поведение, представлять конкретные социально-экономические, социально-психологические и иные детерминанты личностных характеристик различных слоев населения"¹.

Как справедливо отмечает К.Е. Игошев, "именно посредством типологизации создается своеобразная модель личности. Установление соответствия лица этой модели должно свидетельствовать о его принадлежности к определенному типу личности"².

В криминологических исследованиях личности преступника в последнее время чаще делается акцент на характеристике определенных мотивов девиантного поведения. Вместе с тем автор полностью разделяет точку зрения о том, что типология личности осужденных женщин может быть и иной, то есть построенной на иных признаках и критериях, например по социально-психологическим признакам, имеющим уголовно-правовое значение, по признакам соучастия в преступной деятельности, по объекту преступного посягательства и т.д.³.

В научной литературе отмечается, что термин "типология" тесно связан с содержательным характером соответствующего распределения совокупности на группы, с определенным уровнем познания⁴. В частности, криминологические исследования свидетельствуют о том, что типология достигается в том случае, если автор использует не один, а несколько признаков, среди которых должны быть обязательно признаки-проявления и признаки-причины. При этом в пределах одного типа должны быть однородными признаки-проявления и признаки-причины, они должны отражать определенные динамические закономерности, детерминационные линии, зафиксированные криминологией. Надо учитывать диалектическую взаимосвязь разных сфер жизнедеятельности, ближайшие и отдаленные последствия, устойчивые зависимости, которые описаны в криминоло-

¹ Курс советской криминологии. Предмет, методология. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1985. С.250.

² Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С.55.

³ См. напр.: Миненок М.Г. Личность расхитителя. Криминологическая характеристика и типология. Калининград, 1980; Бышевский Ю.В. Криминологическая характеристика личности вора. Омск, 1973; Меликишвили Л.А. Роль личностного фактора в преступном поведении женщин. Тбилиси, 1993 и др.

⁴ См.: Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982. С. 24.

гической литературе¹. В связи с этим автор разделяет мнение В. А. Казаковой о том, что характер и обстоятельства совершенного преступления вместе с совокупностью всех криминологических факторов дают возможность определить механизм преступного поведения лица, его преступные наклонности, степень активности в совершении преступления, степень влияния на него сложившихся жизненных обстоятельств, ситуации. Эти критерии должны быть определяющими при проведении классификации и типологии преступников, и в частности женщин².

Практическое значение типологического изучения преступниц-профессионалок состоит в том, что оно позволяет вскрыть природу, причины, закономерности зарождения и развития поведения данного типа личности и, в зависимости от типологических особенностей конкретных лиц, их принадлежности к определенной модели, дифференцированно строить профилактическую и исправительно-воспитательную работу.

Предлагаемая в работе типологическая дефиниция базируется на результатах проведенных исследований и строится на характерных признаках мотивации преступного поведения, элементах уголовно-правовой и социально-демографической характеристик личности. При ее разработке мы исходили из следующих, сформированных в отечественной психологии требований:

1. Типология не должна быть оторвана от конкретных социальных условий;
2. Типология должна раскрывать существенные черты характера, объединяющие группу людей;
3. Типология должна основываться на жизненном материале и служить для объяснения типичного в конкретных индивидуальных ситуациях, случаях³.

Примеры типологической характеристики личности женщин-преступниц уже имели место в криминологии, однако, применительно к профессиональным проявлениям преступного поведения женщин, такие исследования не проводились. Предпринятое нами изучение позволило эмпирически определить наличие типов профессиональных преступниц, которые, на наш взгляд, в большей мере отвечают специфике совершаемых ими деяний.

¹ См.: Долгова А.И. Криминологические проблемы отдельных видов преступности. Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ними М., 1989. С.6.

² См.: Казакова В.А. Назначение и исполнение наказания в отношении женщин, осужденных к исправительным работам. Канд. дисс. М., 1984. С.39.

³ См.: Левитов Н.Д., Психология характера. М., 1969. С. 300, 301.

Первый из выделенных нами типов личности — "низкопрофессиональный". Это морально, психически, психологически и физиологически "надломленные" люди, в определенной мере деградировавшие в социальном плане личности. Такие лица, как правило, злоупотребляют алкоголем, перебиваются случайными заработками наряду с совершением преступлений, иногда бродяжничают, не имея постоянного места жительства. Они совершают в основном повторные (неоднократные) кражи чужого независимо от видов собственности имущества в незначительных размерах — оставленные без присмотра вещи в местах массового скопления народа (аэропортах, вокзалах, Детских садах, домах престарелых и т.д.).

Преступная деятельность для них выступает в качестве основного источника существования. Эти женщины чаще всего не имеют семьи, постоянного места жительства, неоднократно судимы за преступления корыстного характера, задерживались за бродяжничество, многие лишены родительских прав. Возраст таких лиц, из числа обследованных нами, колеблется в большинстве случаев в пределах 35—55 лет. Средний образовательный уровень составляет 8 классов. Мы относим этих преступниц-профессионалок к "пассивным" носителям уголовных традиций и обычаев, поскольку в силу своих личностных качеств они в основном не способны к определенной организаторской деятельности, их преступная "специализация" не является привлекательной даже в самой уголовной среде. Таких женщин весьма условно можно назвать профессиональными преступницами, поскольку их уголовно-профессиональная квалификация зачастую в значительной мере утрачивается. Свои преступные деяния они совершают в большинстве случаев без тщательной предварительной подготовки, не задумываясь о возможных последствиях. Здесь сказываются условия и определенный образ жизни, последствия алкоголизации личности, употребления наркотиков, половой распущенности, проявляющие себя в виде различных аномалий психики и хронических заболеваний соматического характера. Ввиду неоднократных судимостей и довольно длительного пребывания в местах лишения свободы, представительницы этого типа личности утрачивают многие социально-полезные навыки и связи, типично женские черты личности и характера, не способны выполнять функции по воспитанию своих детей (если такие имеются). Не случайно, что в местах лишения свободы именно такие женщины являются активными участницами гомосексуальных связей, выполняя при этом роли мужчин. К разряду профессиональных преступниц

мы относим их еще и потому, что эти женщины хорошо знают уголовно-воровскую среду, ее обычаи и традиции, и хотя они находятся как бы на наиболее низкой ступени в иерархии профессиональных преступников, однако, как показало настоящее исследование, обладают базовой жизненной установкой, прочно связанной с совершением преступлений корыстной направленности.

В качестве иллюстрации к рассмотренному типу предлагаем следующий пример. Осужденная В., 1952 г. рождения, уроженка Алматинской области, где постоянно проживают ее родители, связь с которыми она практически не поддерживает. Образование среднее. Периодически трудилась на подсобных работах временного характера. Детей не имеет, замужем никогда не была. Ранее трижды судима: за кражи личного имущества и хулиганство. В местах лишения свободы находилась в общей сложности семь лет. Осуждена за совершение кражи дамской сумочки у одной из авиапассажиров в Алматинском гораэровокзале. Преступление совершила, поскольку нужны были деньги для приобретения продуктов питания и одежды. Постоянного места жительства не имеет. До совершения преступления проживала у своей знакомой, также ранее судимой женщины. Находясь под стражей в следственном изоляторе, вступила в гомосексуальную связь. Среди сокамерниц пользовалась определенным авторитетом, который строился в основном на знании тюремных традиций и норм поведения, а также проявлениях жестокости в случаях применения физической силы. Проведенная по делу наркологическая экспертиза констатировала злоупотребление алкоголем у испытуемой, не обнаружив признаков хронического алкоголизма.

Второй тип профессиональных преступниц нами условно назван **"агрессивно-корыстный"**. Это, как правило, молодые профессиональные преступницы, в отдельных случаях даже несовершеннолетние. По нашим данным, около 50% таких женщин не имели судимости ранее, хотя практически неоднократно совершали преступления. Возрастные границы этого типа личности находятся в пределах 17-30 лет, за редкими исключениями. Характерные личностные черты: половая распущенность, высокие материальные притязания на фоне относительно низкого (в среднем 10 классов) образовательного и профессионального уровня. Совершают корыстно-насильственные преступления в группах мужчин, смешанных группах, в структуре которых иногда занимают лидирующие позиции. Зачастую это проститутки, выступающие в роли пособниц, наводчиц или

организаторов преступной деятельности. Наркотизация особенно присуща этому типу профессиональных преступниц. Жестокость и беспощадность, беспринципность и безжалостность чаще всего проявляются в отклоняющейся модели поведения этой категории. В местах лишения свободы они представляют наиболее отрицательно настроенную часть осужденных. Их эмоционально-психологическое состояние характеризуется высоким уровнем внутреннего напряжения в сочетании со склонностью к непосредственной реализации импульсивно возникающих агрессивных побуждений, причиной чему является слабость интеллектуально-волевого контроля.

Во время исследования автору довелось изучить несколько представительниц этого типа. Но на двух из них, пожалуй, самых "ярких" в криминальном смысле этого слова личностях хотелось бы остановиться особо. Характерно, что обе эти женщины в свое время были приговорены судом к исключительной мере наказания — расстрелу, что является достаточно редким в судебной практике случаем, неизменно свидетельствующим об исключительной общественной опасности таких лиц.

Осужденная Ш., 1961 г. рождения, уроженка Кировоградской области Украины, где она постоянно проживала до начала преступной деятельности. Воспитывалась бабушкой, отца не знала вообще, а мать была лишена родительских прав, когда Ш. было 7 лет. В детстве обнаружила признаки раннего полового созревания. Менструации обозначились в 9 лет. С того же возраста стала заниматься онанизмом. Курит с 13 лет, с 14 лет употребляет спиртные напитки. В 14-летнем возрасте имела одну беременность, закончившуюся выкидышем. Находилась на лечении по поводу заболевания гонореей. После получения 8-летнего образования в течение непродолжительного времени работала поваром в столовой. В 1982 г. вышла замуж и родила в браке двоих детей. Спустя два года после очередного скандала и ссоры с мужем бросила семью и поехала "навещать" своих дальних родственников. Побывав в течение нескольких недель в разных населенных пунктах и городах, останавливаясь у родственников и знакомых, брала у последних в долг деньги, а затем неожиданно исчезала, рассчитывая, что потерпевшие, которым она и не собиралась возвращать деньги, не будут заявлять о случившемся в милицию из "родственных" соображений. В одном из городов Казахстана, проживая в гостинице, Ш. познакомилась с неким А., жителем Армении, с которым вступила в интимную связь, а затем они вместе уехали в г. Ереван, где спустя некоторое время А. познакомил ее со своим другом Г.,

ранее дважды судимым и нигде не работавшим. Здесь следует заметить, что Ш. обладала довольно привлекательной внешностью, в виду чего пользовалась определенным успехом у мужчин. На этой почве у нее завязалось знакомство с одним из известных представителей "теневого эконоимики". Она полностью вошла к нему в доверие и даже стала проживать в доме последнего. Несмотря на это, постоянно поддерживала связь с А. и Г., которым и предложила оказать ей содействие в совершении убийства "подпольного миллионера" с целью последующего завладения принадлежащими ему материальными и валютными ценностями. Согласившись, А. и Г. приобрели некое ядовитое вещество, которое Ш. должна была незаметно подсыпать в пищу своему сожителю. В назначенное время Ш. проделала все необходимое, но ожидаемый эффект (смерть потерпевшего от отравления) не наступил. Потерпевший впал в полубессознательное состояние. Тогда Ш. стала наносить ему множественные удары молотком в различные части тела и голову, после чего, совершив таким образом убийство с особой жестокостью, сообщила об этом своим сообщникам. Похитив все ценные вещи и деньги из дома потерпевшего, они скрылись. Впоследствии, приобретя поддельные документы, все трое стали активно "прожигать" похищенное на курортах Черноморского побережья. Там же у Ш. произошла размолвка с А., причиной которой послужила ее интимная близость с Г., после чего А. отправился домой, а Ш. и Г. решили съездить "проведать детей", заодно оформив развод с мужем. По пути следования, уже в Кировоградской области, Ш. встретила своего давнего знакомого И., с которым ранее была близка. В ходе совместного застолья Ш. предложила И. бежать вместе с ней от Г., на почве чего между мужчинами произошла ссора, перешедшая в драку, в ходе которой Ш. стала наносить Г. множественные удары кухонным ножом. Совершив убийство, Ш. и И. решили скрыть следы совершенного преступления, для чего вынесли труп потерпевшего на улицу, облили бензином и подожгли. Случайными свидетелями этого преступления явилась чета проживающих по соседству пожилых людей, которые также стали жертвами преступной деятельности Ш. Она, желая устранить невольных свидетелей, совместно с И. лишила жизни обоих супругов, причинив им перед смертью исключительные физические страдания (потерпевшую женщину Ш. душила собственными руками, догнав ее, когда та пыталась скрыться). После совершенных преступлений Ш. пыталась покинуть пределы Кировоградской области, но была задержана и арестова-

на. В декабре 1984 г. она была осуждена областным судом и приговорена к исключительной мере наказания.

Все вышестоящие инстанции оставили приговор без изменения и только лишь в 1986 г. актом помилования Президиума ВС СССР исключительная мера наказания была заменена лишением свободы. Находясь в колонии, Ш. активно вступала в гомосексуальные связи, нарушала режим содержания, конфликтовала с администрацией. Неоднократные конфликты с другими осужденными на почве гомосексуальных контактов явились причиной перевода Ш. из одной колонии в другую. Показательно, что в ходе личных бесед автора с Ш. она твердо высказывала мысль о продолжении преступной деятельности после освобождения. Психолого-психиатрическое исследование личности Ш. подтвердило наличие присущих данному типу личности профессиональных преступниц признаков: наличие компенсированных психопатических черт характера и истерии возбудимого круга, о чем свидетельствовали свойственные с детства и стойкие, определяющие в течение жизни черты характера в виде повышенной эмоциональной возбудимости в поведении, склонности к переоценке своей личности и хвастливости, а также повышенная вспыльчивость и склонность к агрессии¹.

Еще одна представительница выделенного типа личности — К., 1971г. рождения, жительница г. Днепропетровска. Образование — среднее. Трудовой квалификации не имела, нигде не работала. Воспитывалась вместе с младшей сестрой матерью. Отец оставил семью, когда К. было 10 лет. Первое преступление совершила весной 1989г.: с двумя подругами ограбила случайно встретившуюся им на улице девушку, так как на ней были понравившиеся К. вещи и драгоценности. Данное преступление длительное время оставалось не раскрытым, что создало своеобразное убеждение у К. в собственной безнаказанности. Летом этого же года к матери К. приехала ее знакомая, которой та должна была вернуть взятые ранее в долг деньги. Не желая отдавать долг, мать предложила К. и ее сестре совершить убийство этой женщины, впоследствии уничтожив труп потерпевшей и следы преступления. После недолгих сомнений согласие дочерей было получено и все втроем, действуя согласованно между собой, они реализовали свой преступный план.

¹ Изучение материалов личного дела, а также непосредственное интервьюирование осужденной Ш. автором осуществлялось в условиях СИЗО -2 г. Москвы в "Бутырской тюрьме" в период этапирования последней к месту дальнейшего отбывания наказания по месту ее гражданства.

При этом К. проявила особую жестокость в отношении потерпевшей, применив изощренные пытки и истязания с целью добиться сведений о номере и цифровом шифре секции в камере хранения вокзала, где женщина оставила свои личные вещи. После совершения убийства К. завладела личными вещами потерпевшей, а ее труп был ночью вынесен из квартиры и оставлен в близлежащем лесном массиве. Спустя несколько дней у К. созрел еще один преступный план убийства из корыстных побуждений. Она решила таким образом завладеть ценным имуществом и деньгами своей родственницы Л., проживавшей в отдельной квартире вместе с малолетним ребенком. В качестве соучастницы этого преступления согласилась выступить ее сестра. Выбрав удобное для них время, предварительно найдя повод для встречи с Л. в ее квартире, К. со своей сестрой осуществили свои намерения, лишив жизни Л., похитив принадлежащие ей вещи и имущество, после чего, с целью сокрытия следов преступления, совершили умышленный поджог квартиры. Во время пожара в квартире наступила смерть от удушья малолетнего сына Л., которого К. оставила в беспомощном состоянии в запертой ею же детской комнате. За совершение указанных преступлений К. была приговорена к исключительной мере наказания. Впоследствии судом кассационной инстанции наказание было заменено лишением свободы. О стойкости и общественной опасности личностной ориентации К. свидетельствует и тот факт, что во время пребывания в следственном изоляторе г. Днепропетровска, где в 1989 г. произошел бунт осужденных и арестованных лиц, сопровождавшийся массовыми беспорядками, погромами и захватом заложников, она принимала непосредственное участие в противоправных действиях на стороне активных участников беспорядков.

Безусловно, выше приведены примеры наиболее крайних проявлений профессиональной преступной деятельности женщин, однако именно их наличие подчеркивает существование подобного типа личности преступниц, а их исключительная общественная опасность предопределяет необходимость разработки и применения адекватных ответных мер, в первую очередь — профилактического характера.

Следующий, **третий** тип — **высокопрофессиональные воровки и мошенницы**, как правило, совершающие преступления в одиночку или в соучастии с одним мужчиной (реже — с женщиной). Такие преступления тщательно готовятся, оговариваются, предусматриваются все возможные варианты поведения

потерпевших, сокрытия следов преступлений и т.д., выбирается место, орудия и средства преступления. Возраст этих женщин в большинстве случаев колеблется в пределах 30—50 лет, причем чем моложе преступница, тем чаще она совершает преступления в соучастии. Супружеские семьи у этих женщин, как правило — в прошлом или сохранены лишь формально. Характерные особенности личности: высокая психологическая приспособляемость к различным экстремальным ситуациям, воровская и мошенническая квалификация, неплохой интеллектуальный уровень, обусловленный наличием среднего или среднего специального образования, определенным жизненным опытом, наблюдательностью, общением с представителями различных социальных групп и слоев населения. Среди них высок уровень специального рецидива, в структуре проявлений которого практически отсутствуют насильственные преступления. Распространены "гастрольные" преступления, приемы использования различных воровских приспособлений, в том числе факты использования фальшивых документов, денежных купюр и т.д.

Характерный пример этого типа — Ш., 1949 г. рождения. Она разведена, имеет двух совершеннолетних детей, проживающих самостоятельно. Осуждена за совершение краж чужого имущества и мошеннических действий, признана особо опасным рецидивистом. Ранее трижды судима за мошенничество. Имеет постоянное место жительства. По специальности — товаровед, однако длительное время не работала по специальности. Совершала преступления одним и тем же способом: в курортных и крупных городах СНГ снимала койко-место у частных лиц на квартирах, но именно там, где проживали еще одна или несколько женщин. Жила там некоторое время, благодаря своим манерам, располагающей внешности, поведению входила в доверие к будущим потерпевшим. Затем предлагала посредничество в приобретении дефицитных товаров, брала у них крупные суммы денег, якобы для этой цели, и неожиданно скрывалась. Преступления совершала всегда одна. Неоднократно объявлялась в розыск по инициативе различных органов внутренних дел, но ввиду использования ею поддельных документов, удостоверяющих личность, элементов изменения внешности, а также определенных познаний в области психологии людей ей долгое время удавалось избегать ответственности. Причем в случаях совершения очередных преступлений она использовала документы, похищенные ею у предыдущих жертв. Ввиду чего идентификация личности и организация розыска Ш., мигрировавшей в различных государствах и не имевшей постоянного места жительства, была весьма затруднительна.

Четвертый отмеченный нами тип профессиональных преступниц условно назван "**воровские мамы**", в соответствии с принятым в самой же преступной среде жаргоном, наиболее ярко отражающим роль этой категории преступниц в жизни уголовного мира. Это профессиональные содержательницы притонов разврата, потребления наркотиков, сводницы, скупщицы и сбытчицы краденых вещей и наркотических средств. Они, пожалуй, являются наиболее трудновывяемыми из числа профессиональных преступниц, доказывание противоправной деятельности которых требует немалых усилий. Обладают устойчивыми антисоциальными взглядами и жизненными установками. Поддерживают обширные, в том числе и межрегиональные, контакты с представителями преступного мира. Являются активными носителями преступных традиций и обычаев, вовлекающими в противоправную деятельность лиц молодого возраста и несовершеннолетних. Устойчивой супружеской семьи, как правило, не имеют и, по нашим наблюдениям, именно занятие подобного рода преступной деятельностью является для многих из них в определенной мере психологической альтернативой несостоявшейся семейной жизни, хотя и в извращенной, уродливой форме¹. Таким женщинам присущи волевые черты характера, немалые организаторские способности, повышенная коммуникабельность на фоне жесткого самоконтроля. Возрастные границы представительниц данного типа находятся в большинстве случаев в пределах 30—60 лет.

Примером для иллюстрации данного типа может послужить личность осужденной Х., 1939 г. рождения, которая после смерти мужа (ранее неоднократно судимого за совершение корыстно-насильственных преступлений) организовывала в принадлежащем ей частном доме в г. Сарань Карагандинской области притон для уголовно-воровских элементов, где употреблялись спиртные напитки и наркотики. В доме постоянно находились молодые девушки, в т.ч. несовершеннолетние, которых Х. сама подбирала из числа учащихся близлежащего техникума. Они выполняли различные хозяйственные работы по дому, отдель-

¹ Здесь, в частности, мнение автора совпадает с предположением Н.И. Кузнецовой о том, "что смысл их преступного поведения заключается в преодолении собственной психологической изоляции, своей дезадаптации в среде, установлении межличностных контактов". — Личность осужденных за содержание притонов и сводничество, их исправление и перевоспитание. Психолого-педагогические проблемы исправления и перевоспитания осужденных. М., 1985. С. 86.

ные поручения Х. и ее знакомых, например, перепродавали похищаемую с завода вино-водочную продукцию, хранившуюся в доме Х. Эти же девушки "обслуживали" гостей хозяйки дома, иногда выезжая на квартиры последних. Кроме этого, Х. являлась посредником при передаче запрещенных к обращению предметов (денег, чая, спиртного и наркотиков) в одну из находящихся в окрестностях города ИТК для мужчин, поддерживала постоянные и тесные связи с уголовной средой, пользовалась при этом достаточной известностью и уважением со стороны ее представителей. Сама Х. к уголовной ответственности привлекалась один раз — за хранение наркотического сырья. Трудовой квалификации не имела, общественно-полезным трудом не занималась, выполняя лишь функции домашней хозяйки. В ходе расследования по делу было установлено, что непосредственно преступной деятельностью Х. занималась в течение нескольких лет. Характерно, что сама она ни наркотики, ни спиртное не употребляла, что, как показывает практика, довольно типично именно для профессиональных представительниц уголовной среды.

Последний, **пятый**, из отмеченных нами типов личности — **"беловоротничковые"** профессиональные преступницы. Здесь имеются в виду профессиональные расхитительницы, должностные и хозяйственные преступницы в различных сферах материального производства, снабженческо-сбытовой деятельности, в кредитно-финансовой и банковской системах, сферах торговли и бытового обслуживания. Они, как правило, выглядят наиболее благополучно в социальном плане (имеют семьи, детей), более образованны и обеспечены по сравнению с представительницами предыдущих типов, но вместе с тем именно они приносят наибольший материальный вред обществу своей преступной деятельностью, а стойкая корыстная мотивация личности имеет наибольший криминальный "размах". Зачастую они непосредственно связаны с представителями организованных преступных сообществ или являются их активными членами. Профессиональная преступная деятельность напрямую сопряжена с исполнением служебных, производственных и должностных полномочий, что является основной отличительной чертой этого типа от указанных выше.

В качестве примера приведем преступную деятельность некой Ш., 1959 г. рождения, жительницы г. Алматы, имеющей высшее экономическое образование, разведенной, имеющей ребенка, с которым она проживала в собственной отдельной квартире. Ранее к уголовной ответственности не привлекалась.

Осуждена по ст. 76-4 УК КазССР за то, что, работая старшим бухгалтером АО "Интурсервис", по предварительному сговору с двумя соучастниками-мужчинами (один из которых был ее сожителем) совершила хищение 1 млн. 538 тыс. долларов США с транзитных счетов иностранных фирм в одном из банков путем неоднократного оформления поддельных платежных документов на переводы денежных средств. Показательно, что все характеристики личности Ш., собранные следствием и судом, носили исключительно положительный характер и ее длительная преступная деятельность, таким образом, оставалась не очевидной. Высокий уровень латентности самих преступлений, а также общественной опасности женщин, их совершающих, — также характерная особенность данного типа профессиональных преступниц.

К этому же типу личности можно отнести женщин, совершающих мошеннические действия с использованием официально зарегистрированных юридических лиц, путем создания различных лжепредприятий. В основном такая деятельность строится либо по принципу пресловутых финансовых "пирамид", либо на основе заключения контрактов на приобретение товарно-материальных ценностей, при котором ряд первых (как правило незначительных) сделок совершается в соответствии с договорными обязательствами с предусмотренной оплатой (что производит впечатление благонадежности партнера), а впоследствии, при сделках на более крупные суммы, оплата за полученную продукцию не производится, а последняя присваивается и, в свою очередь, реализуется. В обоих случаях, как правило, деятельность таких юридических лиц прекращается неожиданной "самоликвидацией", а непосредственные их руководители скрываются.

Без сомнения, приведенная типология имеет довольно условный характер, содержит потенциал для расширения и более углубленной характеристики как всей структуры в целом, так и каждого из типов в отдельности, но вместе с тем автору хотелось обратить внимание именно на постановку самой проблемы типологизации личности профессиональных преступниц, которая ранее в научной литературе, применительно к преступности среди женщин, не рассматривалась.

Сами по себе типы личности, модели противоправного поведения и мотивации могут определенным образом пересекаться, иметь смешанные формы как на уровне мотивов, так и на уровне конкретных преступных деяний, что необходимо учитывать прежде всего при построении их дефиниции, в процессе разработки мер борьбы с ними и, в первую очередь, на различных уровнях профилактической деятельности.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ¹ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ЖЕНЩИН

5.1. МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА МЕР ПРОФИЛАКТИКИ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Предупреждение (профилактику) преступности в криминологии принято делить на два вида — общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение². При этом меры как первого, так и второго вида могут осуществляться на нескольких уровнях профилактики преступлений³.

На первом уровне предусматривается решение крупных социальных, экономических и иных проблем жизни общества, усиление воспитательной и идеологической работы, совершенствование общественных отношений и т.п. Меры второго уровня охватывают осуществление профилактического воздействия на конкретные социальные группы (микросреду), в которой складываются конфликтные ситуации и намечаются отрицательные явления. Третий уровень предполагает проведение индивидуальной воспитательно-профилактической работы, направленной на позитивное изменение системы ценностных ориентации лиц, попавших в неблагоприятные условия формирования личности или уже склонных к совершению преступлений, преодоление их антиобщественных взглядов и установок, формирование уважения к требованиям закона и общепринятым нормам поведения в обществе⁴.

¹ В связи с тем, что в литературе высказаны различные взгляды на соотношение понятий "профилактика", "предупреждение", "предотвращение" преступлений, мы сочли необходимым, не вступая в полемику по данному вопросу, придерживаться точки зрения тех авторов, которые исходят из равнозначности названных понятий, поскольку их противопоставление противоречило бы смысловому значению указанных терминов. См. об этом: Антонян Ю.М. О понятии профилактики преступлений. Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977. С. 25—29; Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С. 41; Зырянов В.Н. Групповая преступность женщин и ее предупреждение органами внутренних дел. Горький, 1988. С. 70.

² См.: Зырянов В.Н. Указ. соч. С. 37; Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступности в СССР. (Вопросы теории). Львов, 1976. С. 35.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Социально-психологические аспекты антиобщественного поведения/Вопросы философии. 1974. N 1. С. 108, 109.

⁴ См.: Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика М 1980. С. 459.

Эти общие положения в полной мере распространяются на профилактику женской преступности, которая также осуществляется мерами общего и специального предупреждения в соответствии с указанными уровнями. Вместе с тем поскольку в генезисе противоправного поведения мужчин и женщин нередко лежат разные факторы (социального, социально-психологического, физиологического характера и т.д.), а также с учетом того, что одни и те же явления социальной жизни в разной степени влияют на поведение мужчин и женщин, предупреждение преступлений, совершаемых женщинами, должно быть ориентировано, в частности, на действие факторов не только общего характера, но и на те из них, которые выступают в виде детерминант противоправного поведения именно женщин. Поэтому и комплекс мер, направленных на предупреждение женской преступности, должен иметь определенную специфику, отличаться от общей системы профилактических мер, поскольку и объект воздействия — женская преступность — весьма специфичен.

Таким образом, исходя из специфики поставленных перед настоящим исследованием задач, автору хотелось бы рассмотреть: во-первых, особенности профилактики женской преступности на различных ее уровнях; во-вторых, показать взаимовлияние конкретных мер профилактического характера как друг на друга, так и на женскую преступность в целом; в-третьих, рассмотреть особенности, проявляющиеся в профилактике женского преступного профессионализма как одного из наиболее сложных и актуальных направлений предупреждения преступности.

Естественно, что успешная борьба с преступностью как негативным социальным явлением зависит от четкого и планомерного взаимодействия ее субъектов на всех уровнях профилактической деятельности, основанного на научно разработанной, программной политике государства. При этом мы считаем, что понятие "политика" здесь не может ограничиваться ни уголовной, ни криминологической стороной этого термина. Это может быть лишь глобальная, всеобъемлющая политика государства, включающая в себя широкий комплекс мер социального, экономического, международного, правового, идеологического характера.

Эти меры могут не иметь непосредственно криминологической направленности, не преследовать напрямую цели борьбы с преступностью, однако косвенно они должны отражаться и на процессах, происходящих в преступной среде. Чем масштаб-

нее и объемнее принимаемые государством меры, тем ощутимее их влияние на общество в целом и закономерно — на преступность как социальное явление.

Автор полностью солидарен с Ю.М. Антоняном, утверждающим, что нельзя надеяться на снижение уровня преступности, если не будут решены вопросы снабжения населения необходимыми товарами и услугами, если не будут значительно улучшена воспитательная работа и снижена социальная напряженность в обществе. Как раз эти обстоятельства особенно болезненно сказываются на женщинах, которые более эмоционально реагируют на них. Нельзя забывать и о социальной незащищенности женщин, их неравноправном, несмотря на все декларации, положении в обществе по сравнению с мужчинами¹.

Эти и другие проблемы общегосударственной политики, по мнению автора, непосредственно связаны с идеологией как системой взглядов, идей, характеризующих общество². Каждой общности людей, включая и национально-государственные образования, присуща своя идеология, ориентация на определенные жизненные, моральные, психологические, правовые и прочие ценности. Сами по себе эти ценности и приоритеты — результат длительного и планомерного исторического развития общества. Их невозможно изменить в одночасье, а следовательно — создать кардинально противоположную идеологию в обществе за короткий временной промежуток. Тем более это трудно сделать в условиях отсутствия четкой социально-экономической политики государства, постоянных экономических кризисов, внутривластного противостояния в обществе. Идеология, имеющая в своей основе патриотические начала, в этих условиях так или иначе деформируется. Разрушается и ценность таких тесно связанных с понятием патриотизма институтов, как семья, материнство. Именно в свете этих общественных институтов формируется социальное лицо женщины. Поэтому очевиден криминологический интерес к проблемам профилактики в сфере семейно-бытовых отношений, выступающей одним из направлений предупреждения преступности в целом и женской — в частности.

В рамках нашего исследования, например, уже подчеркивалось, что тяжкие насильственные преступления (убийства, нанесение телесных повреждений, хулиганство и т.д.) женщинами совершаются в основном в семейно-бытовой среде. Об-

¹См.: Антонин Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 217.

²См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. С.205.

ший подход к профилактике подобных проявлений на общесоциальном уровне известен — это укрепление семьи как ячейки общества, забота о ее сохранении и процветании. Избегая повторений в части оценки положительного (антикриминогенного) влияния позитивных семейных отношений на преступность, хотелось бы заметить, что на уровне рассмотрения конкретной ситуации, по нашему мнению, необходим строго дифференцированный подход. Здесь имеются в виду как раз те случаи, когда совместное проживание супругов неизбежно ведет к разрастанию уже возникшего бытового конфликта. Подтверждением криминогенного значения совместного проживания членов семьи, в которой сложилась острая конфликтная ситуация, могут служить результаты специальных исследований, посвященных этой проблеме, по данным которых, около 70% супружеских пар, в которых были совершены насильственные посягательства на личность одного из супругов, продолжали совместную жизнь, несмотря на сложившуюся конфликтную ситуацию, причем четверть из них не прекратили совместного проживания после юридического оформления развода¹. Кроме того, практика показывает, что между фактическим разрывом отношений и обращением в суд, а тем более рассмотрением искало существу, проходит довольно длительное время — от нескольких месяцев до нескольких лет, в течение которого, как правило, и совершаются преступления. В данной ситуации видится довольно масштабный, в должной мере не востребованный потенциал для повышения эффективности профилактики в семейно-бытовой сфере. В первую очередь, мы связываем это с необходимостью соответствующего взаимодействия органов правосудия и служб, непосредственно осуществляющих профилактику семейно-бытовых конфликтов. Например, своевременное информирование последних о поступивших заявлениях по поводу бракоразводных процессов в определенных случаях может играть решающую роль в деле профилактики насильственных бытовых преступлений. Полагаем, что особо существенной такая деятельность может оказаться в условиях крупных городов, где, как уже отмечалось ранее, значительно ослаблено влияние разного рода социальных связей. Разумеется, здесь следует учитывать то обстоя-

¹ См.: Юркевич Н.Г. Мотивы заключения и стабильность брака. Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970. С. 100,101; Дубовик О.Л. Проблема принятия решения о совершении преступления в криминологической науке // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. С. 45.

тельность, что любое вмешательство в сферу сугубо интимных отношений между людьми может иметь также непредсказуемые последствия. Вот почему мы считаем, что знание практическими работниками особенностей поведения мужчин и женщин в неблагополучной семейно-бытовой среде позволит правильно организовать профилактическую работу в отношении лиц, склонных к совершению преступлений, особенно на ранних стадиях проявления противоправного поведения. Это обуславливается тем обстоятельством, что сам механизм формирования преступного умысла и его осуществления различен у мужчин и женщин. Различна и психологическая самооценка преступного поведения. Следовательно, необходим и различный подход к выбору и применению мер профилактического характера, особенно на индивидуальном уровне. Дифференцированный же подход к осуществлению профилактики, в частности на индивидуальном уровне, как показывает практика, по большей части отсутствует.

Кроме этого, следует учитывать, что под профилактикой семейного неблагополучия надо понимать взаимоотношения не только между супругами, но и остальными членами семьи. Практике известны случаи организации устойчивых преступных образований на семейной, родственной основе, в том числе и таких, в которых женщины играли лидирующую роль¹, и поэтому автор придерживается мнения, что профилактическое воздействие не должно ограничиваться лишь реакцией на отношения супругов, но и предполагать изучение всего комплекса внутрисемейных межличностных связей.

Сложившаяся на протяжении нескольких десятков лет система мер профилактики преступлений в первую очередь была сориентирована на волевые методы ее осуществления, на помощь различных общественных, профсоюзных, партийных формирований, трудовых коллективов, носила обобщенный, уравнительный характер, использовала один и тот же механизм воздействия и преследовала строго определенные (в том числе и идеологические) цели. Формальный и поверхностный подход в этой системе мер профилактики был заранее предопределен.

¹ В качестве одного из наиболее известных и характерных примеров можно привести преступную деятельность семьи Овечкиных из г. Иркутска, которая осуществлялась под непосредственным руководством главы семейства — матери шестерых детей, а непосредственно реализовывалась последними, в том числе в виде вооруженного захвата воздушного судна, завершившегося большой трагедией и унесшего не одну человеческую жизнь. См.: Женская преступность. Энциклопедия преступлений и катастроф. Минск, 1996. С.295—315.

Изучение практики профилактической работы показывает, что одна из важнейших причин существующих в ней недостатков обусловлена привлечением к профилактике бытовых нарушений лиц, не обладающих надлежащим практическим опытом и специальной подготовкой. Предупреждение большинства семейных конфликтов, в силу сложности взаимоотношений между их участниками и интимности данной сферы человеческих отношений, требует определенных навыков педагогического и психологического характера, глубокого понимания причин конфликтов. Их отсутствие прослеживается, например, при анализе так называемых "отказных" материалов, где фигурируют семейно-бытовые конфликты. Как правило, по таким материалам принимается наиболее простое решение — отказывается в возбуждении уголовных дел за отсутствием состава преступления, за которым не следует никаких мер профилактического воздействия. Причем мотивировка принимаемых решений не раскрывает истинной сути конфликта, а основывается на общих формулировках, типа: "на почве ссоры", "из-за личных неприязненных отношений" и т.д.

На практике возникает много тактических, психологических и правовых трудностей — от проникновения в квартиру, где происходит скандал, до принятия мер к правонарушителю и обеспечения дальнейшей безопасности жертвы. Правоохранительные органы не любят иметь дело с семейными скандалистами, в частности, из-за переменчивости их настроения: то просят привлечь супруга к ответственности, то требуют оставить его в покое. В этих условиях от сотрудников, работающих с семьей, требуется умение в сложных условиях эмоционально окрашенной ситуации выбрать оптимальную линию реагирования на конфликт и преступление.

К аналогичным выводам пришли, например, сотрудники института проблем укрепления законности и правопорядка. Их специальное исследование показало, что значительная часть работников органов внутренних дел не обладает в полной мере названными выше навыками и знаниями и практически не может на профессионально высоком уровне осуществлять профилактику в сфере семейно-бытовых отношений¹. На основе этого же исследования делается вывод о том, что в качестве организационной формы, позволяющей, по мнению большин-

¹ См.: Рахманов А.И.; Толпекин К.А. Проблемы совершенствования деятельности правоохранительных органов по борьбе с правонарушениями в сфере быта. М., 1991. С. 63.

ства работников органов внутренних дел, обеспечить условия для более качественной профилактики правонарушений в семейно-бытовой сфере, может выступать специальная служба в органах внутренних дел по борьбе с бытовыми правонарушениями. Это предложение, как нам кажется, заслуживает внимания и изучения, тем более что в рамках этой службы могло бы быть создано подразделение, специально сориентированное на профилактику женской преступности. Такое решение представляется закономерным еще и потому, что, как свидетельствует статистика, около 30% совершаемых женщинами преступлений приходится именно на сферу семейно-бытовых отношений и так же часто жертвами таких конфликтов становятся сами женщины.

В этой связи следует также подчеркнуть катастрофическую нехватку информации. Если ученые криминологи посредством весьма приблизительных расчетов пытаются определить наиболее уязвимые ситуации, в которых можно ожидать совершения тяжких преступлений в быту, назвать ожидаемые категории жертв и виновных, то ведомства внутренних дел, юстиции, суд и прокуратура сегодня не в состоянии дать соответствующие точные сведения. Необходимо, чтобы формы статистического учета преступности включали дифференцированные сведения не только о совершивших преступления, но и о потерпевших от преступлений и об их взаимоотношениях с преступниками. Причем для организации предупреждения нужны не примерные, а точные сведения об их динамике. Следует также отметить, что проблемы расширения и углубления характеристики статистических данных относятся и ко всей преступности среди женщин. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности женщин, совершающих преступления, в особенности это касается несовершеннолетних, отражена на уровне официальных статистических показателей в очень обобщенной форме. В этом достаточно убедиться на примере публикуемых статистических сборников, содержащих сведения о состоянии, структуре, динамике преступности¹. То же самое можно сказать и о ведомственной статистике правоохранительных и судебных органов, учитывающей различные характеристики преступности.

В масштабах общегосударственных подходов к профилактике семейно-бытовых конфликтов приходится констатировать

¹ См. напр.: О положении семьи женщин в Республике Казахстан. Алматы, 1996. С. 43-47.

очевидное отставание от развитых зарубежных стран по разнообразию сил, задействованных в направлении ослабления межсупружеской конфликтности и супружеского насилия. Там полиция, сталкивающаяся с фактами насилия в семье, более или менее часто привлекает к работе с этой семьей такие организации, как супружеские советы, семейные суды, районные адвокатуры, службы юридической помощи, специальные клиники, центры лечения от наркомании, психологические агентства, агентства анонимной помощи, приюты для избиваемых женщин, женские центры, службу помощи малоимущим семьям, церкви, центры помощи жертвам и свидетелям преступлений, агентства первой социальной помощи, армию спасения, жилищные службы, ведомства по оценке экономических возможностей и др.¹. Те же меры принимаются и при применении насилия со стороны родителей по отношению к своим детям.

Естественно, что далеко не все из перечисленных служб и организаций имеются в наших условиях. Может быть, было бы и не совсем разумным и целесообразным идти по пути их немедленного создания. Но, исходя прежде всего из собственной национальной специфики и имеющихся возможностей, заслуживают внимания мероприятия, направленные на активизацию работ в центрах психотерапевтической помощи населению. В этих центрах целесообразно разработать методики по урегулированию супружеских конфликтов. Непременным условием работы таких учреждений должна являться круглосуточность их функционирования и наличие небольшого стационара для кратковременного помещения в него одного из участников конфликта на период его преодоления.

Необходимо наладить взаимодействие с религиозными объединениями. Органы внутренних дел должны быть готовы соединить между собой муллу, священника и нуждающегося в нравственно-религиозной помощи человека, переживающего семейные неурядицы.

Имеются также все основания для дополнения нашей судебной системы так называемыми семейными судами. Эти суды должны сосредоточить рассмотрение комплекса правовых вопросов, касающихся семьи: от развода, лишения родительских прав и выселения с жилой площади до внутрисемейных преступлений. Такие суды успешно функционируют в некоторых штатах США, Японии и других странах.

¹ См.: Шестаков Д.А. Супружеское убийство как общественная проблема. Спб. 1992. С. 61.

Заслуживает также особого внимания и тесно связанная с вопросами исправления и перевоспитания осужденных женщин проблема профилактики рецидива преступлений, в том числе совершаемых на бытовой почве.

Конечно, возможности для реализации передовых достижений в области исправительно-воспитательного и реабилитационного воздействия на осужденных у нас, в силу известных причин, значительно отличаются от пенитенциарной практики развитых демократических систем. Например в США большинство осужденных (порядка 2/3 от общего их количестве, и порядка 4/5 осужденных женщин) отбывают назначенное им наказание на так называемом режиме пробации с интенсивным надзором (ПИН). Ключевыми позициями пробации являются реституция (возмещение ущерба) жертве преступления, продолжение работы и учебы на постоянной основе, выполнение определенных общественных работ. В зависимости от конкретных обстоятельств режим пробации используется в качестве основного, а также в качестве части смешанного наказания, применяемого после отбытия определенного срока заключения. Кроме этого, виды различных программ ПИН отличаются по содержанию в зависимости от субъекта, в отношении которого они применяются, конкретных проявлений его преступной деятельности (карьеру) и т.д.

Уголовная политика Японии также следует по пути увеличения подготовленных специалистов в области пробации, частичной приватизации тюрем, создания разветвленной сети пенитенциарных учреждений полуоткрытого типа². Таким образом, правовые государственные системы пытаются максимально обеспечить общественный контроль за индивидом, совершившим преступление, уменьшить "стигматизацию" (клеймение) личности, исключить по возможности его изоляцию от общества.

В связи с этим принятие и введение в действие новых Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов предоставляет известные возможности для более целенаправленного профилактического воздействия на основе дифференциации мер уголовного наказания и его исполнения. Но здесь следует учитывать также и то, что, например, введение новых видов уголовного наказания, таких, как арест (ст. 46 УК РК) и ограничение

¹ Роджерс Р. Исследование новых видов наказаний в исправительной системе США. Криминологические исследования в мире. М., 1995.

сравнительных криминологических исследований. Криминологические исследования в мире. М., 1995.

свободы (ст. 45 УК РК), потребует огромных материальных и ресурсных затрат. Так, по оценкам специалистов, только строительство комплекса из 249 запланированных арестных домов обойдется национальному бюджету в 17,4 миллиарда тенге. При этом на первый план выдвигается необходимость профессионального кадрового обеспечения данных нововведений в части подготовки специалистов, непосредственно вовлеченных в деятельность по исполнению таких видов наказания.

В данном контексте исключительно важным представляется ориентация в первую очередь на то, что работа с осужденными женщинами требует тщательного изучения сложившихся после осуждения взаимоотношений преступницы с близкими, особенно детьми, если такие отношения сохраняются.

Необходима работа с семьей как во время посещения родственниками уголовно-исполнительных учреждений, так и посредством переписки или посещения их дома сотрудниками профилактической службы МВД. Значение этой работы возрастает по мере приближения освобождения. Освобождающаяся от наказания женщина и ее семья должны заблаговременно подготовиться к возобновлению отношений. Этот аспект профилактической работы по предотвращению возникновения или возобновления конфликта между осужденной и ее семьей нуждается, по-видимому, в соответствующей законодательной регламентации, к примеру в рамках Закона Республики Казахстан "О социальной профилактике преступности", неоправданно долго ожидающего своего рассмотрения и принятия.

Вопросы профилактики, особенно на ранних ее стадиях, в сфере семейно-бытовых отношений в супружеских семьях женщин, непосредственно связаны, если так можно выразиться, "уходят корнями" в проблему ранней профилактики отклоняющегося поведения конкретной личности. Здесь мы имеем в виду предупреждение девиантного поведения несовершеннолетних лиц женского пола, во многом обусловленного специфическим характером отношений в так называемых "родительских" семьях таких подростков.

При всей значимости улучшения быта женщин, снабжения населения товарами и услугами, укрепления семьи и помощи ей, особое значение имеют внутрисемейные отношения. Эти отношения, а точнее, отвергание родителями ребенка, отсутствие или значительное ослабление должных эмоциональных контактов между родителями и детьми, в чем ведущую роль играет

¹ См.: За что и где сидеть будем. АиФ-Казахстан. № 44.1997.

мать, порождают повышенную тревожность людей, их неуверенность в своем социальном положении и в самом себе. Перечисленные явления предопределяют их попадание в жестокую зависимость от внешних условий и обстоятельств. Это особенно пагубно для девочек и девушек, которые в результате подобных неблагоприятных средовых влияний начинают быстро деградировать. Их нравственное и социальное восстановление почти всегда мучительнее и сложнее, чем у мужчин. Вот почему автор полностью разделяет мнение о том, что семья и семейное воспитание должны быть объектами массированного профилактического воздействия. От его успешности в определяющей степени зависят тенденции преступности в целом, преступности женщин и несовершеннолетних, в частности¹. Рост же преступности несовершеннолетних, как известно, непосредственно связан с увеличением рецидива.

Отмеченные нами ранее тенденции к вовлечению несовершеннолетних девушек в проституцию, торговлю и сбыт наркотиков, азартные игры, изготовление произведений порнографического характера и другие преступления, в том числе совершаемые на основе организованной деятельности преступных сообществ, требуют соответствующего реагирования со стороны государства и его правоохранительных органов, непосредственно осуществляющих профилактику преступлений. Однако существующая ныне система, действующая в сфере государственной детской и молодежной политики, не может противостоять надвигающемуся негативу, не говоря уже о том, чтобы изменить положение дел. Ее профилактическое воздействие на подрастающую личность лишено силы, не срабатывает по ряду причин.

Во-первых, данная система слишком громоздка, ее субъекты разобщены по своей ведомственной принадлежности. Только на уровне города, района действует множество различных государственных органов, общественных организаций, фондов и т.д., имеющих прямое или косвенное отношение к профилактике правонарушений среди подростков. Усилия по координации их деятельности не дают ощутимых результатов, несмотря на многочисленные совместные решения, комплексные программы, профилактические кампании, операции, рейды, месячники и т.д.

Во-вторых, элементы данной системы зачастую дублируют друг друга по своим целям, задачам, формам работы. Многие

¹ См.: Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 215.

органы и ведомства взяли на себя не свойственные им функции. Компетенция и полномочия четко не разграничены. Все это приводит к распылению сил и средств, материальных ресурсов, кадров, а в конечном счете — к безответственности за состояние дел.

В-третьих, ныне действующая система потеряла восприимчивость к новым формам и методам работы. Она тяготеет, как правило, к запретительной тактике решения острых проблем. Этим в большей степени объясняется дефицит педагогической и психологической помощи как детям, так и родителям. По этой же причине упор делается на милицейские формы деятельности. В то же время подчеркнем, что органы внутренних дел, по данным специальных исследований, могут эффективно воздействовать лишь на 50 из 250 факторов, влияющих на состояние преступности и правонарушений¹.

В-четвертых, профилактическая работа требует индивидуального подхода к каждой личности, прежде всего это относится к преступности несовершеннолетних. В последние годы, например, неоднократно поднималась проблема совершенствования мер ранней профилактики преступности. Но и в этом случае редко были упоминания о необходимости дифференцированного подхода в профилактике правонарушений среди юношей и девушек. Доминировал тот же уравнилельно-обобщающий подход. Поставить на учет девочку-подростка из неблагополучной семьи, отчитаться перед руководством за своевременно принятые меры и этим практически ограничить профилактическое воздействие до непосредственного совершения того или иного правонарушения с ее стороны — устоявшийся штамп в работе службы профилактики органов внутренних дел, в первую очередь работников инспекций по делам несовершеннолетних и участковых инспекторов, за редкими исключениями².

В-пятых, критерии оценки деятельности всех субъектов профилактики ограничиваются определенным этапом социализации личности, на котором они функционируют. Не решена проблема преемственности в воспитательной работе между дошкольными учреждениями, школой, техникумом, трудовым

¹См.: Семенихин В. Подросток ждет защиты / Милиция. N 1. 1992. С. 13.

² Один из положительных примеров в данном подходе был отмечен в ходе исследования в ИДИ УВД Орловской области РФ, где в практической работе с несовершеннолетними, состоящими на учете, используются психологические тесты, разработанные на основе методики Айзенка (МРП), что позволяет дифференцированно подходить к выбору средств и методов профилактического воздействия на личность.

коллективом. Более того, несовершеннолетние, особенно женского пола, попадая в специальные учебно-воспитательные учреждения или же колонии, нередко теряют восприимчивость к необходимости приобретения навыков положительной социальной деятельности. В этой проблеме, по-видимому, следует искать истоки отсутствия заинтересованности субъектов системы в конечных результатах своей деятельности. По нашему мнению, эта проблема неразрывно связана с реформированием всей системы образования в стране, в частности, в направлении ориентации на создание условий для востребования получаемых образовательных навыков и знаний в непосредственной трудовой деятельности. В этой связи, вероятно, заслуживает внимания и перспектива введения элементов раздельного образования для лиц мужского и женского пола, что соответствовало бы существовавшим историческим традициям построения системы образования.

И, наконец, государственная система профилактики в том виде, в котором она существует (структура, правовая база, материальные ресурсы, кадры и т.д.), не способна обеспечить в полном объеме выполнение требований международных документов в области охраны детства и материнства, подписанных и ратифицированных государством, в том числе и Конвенции о правах ребенка, принятой ООН 20 ноября 1989 г. и вступившей в силу 2 сентября 1990 г., в соответствии с которой все государства обязуются предпринимать на национальном, двустороннем и многостороннем уровнях все необходимые меры для предотвращения всех форм противоправной, в т.ч. сексуальной, эксплуатации детей¹. Вот почему автором поддерживались и высказывались предложения о целесообразности выделения специальных глав (разделов) в Уголовно-процессуальном и Уголовном кодексах о преступлениях несовершеннолетних. В частности, обосновывалась необходимость предусмотрения в условиях обновляемого уголовного законодательства более высокой уголовной ответственности взрослых лиц за вовлечение подростков, особенно младшего возраста, в преступную деятельность, проституцию, наркоманию, дифференцировать меры уголовного наказания за противоправные деяния несовершеннолетних 14—15 лет и 16—17 лет, расширить перечень мер наказания без лишения свободы². Некоторые из этих предложений по-

¹ См.: Конвенция о правах ребенка. Правовые документы ООН. М., 1993.

² См.: Пахомов В.Д., Корзун И.В. Особенности профилактики женской преступности органами внутренних дел. Современная преступность: новые исследования. М., 1993. С. 107—116.

лучили отражение в нормах Уголовного кодекса РК. В частности, включена новая глава, объединяющая преступные деяния по родовому объекту их посягательства и предусматривающая ответственность за преступления против семьи и несовершеннолетних, более детально регламентирована ответственность по нормам статей этой главы, предусматривающих квалифицированные формы совершения преступлений с одновременным усилением санкций.

Заслуживает также поддержки предложение об установлении в законодательном порядке такой меры, как краткосрочное лишение свободы несовершеннолетнего преступника с отбыванием его в специальном учреждении с жестким режимом содержания, что, в частности, нашло отражение в нормах нового Уголовного законодательства Республики Казахстан, во-первых, регламентировавшего уголовную ответственность несовершеннолетних в структуре отдельного раздела Кодекса, во-вторых, предусмотревшего в отношении несовершеннолетних возможность применения наряду с лишением свободы таких видов наказания, как арест, исправительные работы, привлечение к общественным работам, лишение права заниматься определенной деятельностью, штраф.

Кроме того, по мнению автора, остается актуальной необходимость создания специальной юстиции для несовершеннолетних — ювенальных судов, специализированной адвокатуры, самостоятельной подсистемы следственных аппаратов.

Для этого необходимо осуществить коренные меры по квалифицированной подготовке и специализации сотрудников всех правоохранительных органов и в первую очередь — органов внутренних дел.

Давая характеристику определенных профилактических мер, мы неизбежно сталкиваемся с организационными формами их осуществления. В этой связи автору хотелось бы подчеркнуть собственную позицию, основанную на необходимости всемерного укрепления службы участковых инспекторов органов внутренних дел. Наметившаяся в течение довольно длительного периода тенденция к забвению интересов данной службы носит, по моему мнению, исключительно отрицательный потенциал. Максимальное приближение представителей правоохранительных органов к населению страны, в первую очередь к процессам, происходящим в микросоциальной среде, формируемой в условиях непосредственного проживания граждан, является основой для предупреждения противоправных проявлений и эффективным принципом противостояния преступности, под-

твержденным мировой практикой. Уровень непосредственной работы участкового инспектора милиции с населением является не только показателем отношения конкретного сотрудника милиции к исполнению служебных обязанностей, но и яркой характеристикой степени заботы и заинтересованности государства в охране интересов своих граждан. То же самое относится и к патрульно-постовым подразделениям органов внутренних дел. И, видимо, не случайно передовой опыт развитых зарубежных стран в борьбе с преступностью основывается на принципе максимального контроля над территорией за счет увеличения штатной численности, технической оснащённости сотрудников именно патрульных подразделений полиции, территориальных служб муниципальной милиции, основой для которой являются полицейские участки.

Можно принимать новые законы, совершенствовать, дополнять и изменять уже существующие, ужесточать или смягчать карательную практику, но без доверия населения к органам власти и её представителям все эти усилия могут долго оставаться в "мертвой точке".

Реальным инструментом в деле налаживания таких отношений может и должна стать работа участковых инспекторов милиции. Повышение престижа службы, надлежащая подготовка кадров, материальная и финансовая поддержка государства, расширение правовых полномочий могут позволить вывести участковых инспекторов из крайне удручающего положения, в котором они сейчас оказались. Утрата контроля над территорией, где совершается или подготавливается любое преступление (в том числе и организованное), может дорого обойтись обществу. При этом следует иметь в виду, что именно эффективное взаимодействие с участковыми инспекторами является существенным фактором в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений и, что не менее важно, в деле профилактики преступлений (для работников правоохранительных органов это положение является давно устоявшейся аксиомой, многократно проверенной на практике). Тем более что эффективность любого профилактического воздействия (и не только на преступность) тем очевиднее, чем более ранние стадии нежелательных проявлений подвергаются этому воздействию.

Неблагополучие на ранних стадиях социализации личности, как мы уже отмечали, в первую очередь разлагающе действует на женскую психику. Отрицательные социальные навыки и привычки, приобретенные женщиной, гораздо прочнее укореняются в сознании на фоне пристрастия личности к алко-

лю, наркотикам, которое, как показывает практика, неизменно является признаком девиантного поведения.

На основе анализа данных, характеризующих личность женщин алкоголиков и наркоманов, закономерно сделать вывод о том, что определенное сходство их жизненных установок, поведения, отношения к окружающим, обществу и т.д., предопределяет и сходство задач при осуществлении профилактики алкоголизма и наркомании среди женщин. Это становится очевидным на примере рассмотрения комплекса условий, который, по нашему мнению, сопровождает формирование личности наркоманок и алкоголичек. К нему относятся: усвоенные с детства традиции ближайшего социального окружения, обусловленные пристрастием к наркотикам и алкоголю; формирование установок и ценностей, не противоречащих приему наркотиков и алкоголя и неизменно сопутствующих этому другим форм антиобщественного поведения; воспитание, толкающее девушку в уличную кампанию (неформальную группу), повышающее вероятность встречи с алкоголем и наркотиками; социальная зависимость, включающая моду, подражание, стремление сохранить групповое членство либо отношение (в т.ч. интимного характера) с партнерами по группировке; формирование ценностных ориентаций, направленных на получение новых впечатлений под влиянием алкоголя и наркотиков, что в итоге ведет к установлению стойкой физиологической зависимости от их употребления.

Для профилактики пьянства и алкоголизма женщин и их антиобщественного поведения важны данные, приводимые Н.Г. Шумским. Он, в частности, отмечает, что вне зависимости от выраженности и квалификации личностных аномалий, наиболее часто встречающихся у алкоголиков-женщин (психопатические, невротические, акцентуированные личности), можно выявить предпочтительные клинические типы. К ним относятся лица с разнообразными истерическими чертами, относящиеся к группе неустойчивых и возбудимых, с симптомами, свойственными лицам сензитивно-шизоидного (робкие, ранимые, неуверенные в себе, интравертированные), а также циклоидно-синтонного (с частой сменой настроения) типа. Большинству злоупотребляющих алкоголем женщин (вне зависимости от характерологических особенностей) свойственен психический инфантилизм, который выражен тем отчетливее, чем сильнее преобладают психопатический радикал или симптомы дебилности, нередко встречающиеся среди пьющих женщин. Другими общими чертами характера являются реак-

тивные (в смысле неадекватной реакции на среду) и аффективные расстройства, преимущественно пониженное настроение. Последняя особенность заметно усиливается после 30—35 лет, т.е. к тому периоду, когда у женщины значительно повышается риск заболеть алкоголизмом¹. В этой связи напомним, что как данные статистики преступности среди женщин, так и специальных исследований, в т.ч. и настоящего, отмечают наиболее криминогенную возрастную группу женщин 30—50 летнего возраста.

Женщин-алкоголиков значительно больше, чем женщин-наркоманов. Соответственно этому складывается их влияние на состояние женской преступности. Женщины-наркоманы в основном совершают преступления, связанные с потреблением и незаконным оборотом наркотических средств, а также имущественные преступления ради приобретения этих средств. В результате специальных исследований установлено, что большинство женщин-наркоманов находится в возрасте до 30 лет, при этом начало потребления наркотиков приходится в основном на период от 15 до 25 лет. Среди женщин главным образом распространены опиомания — 67%, полинаркомания — 35%, гашишизм — 7%. Как и среди женщин-алкоголиков, среди женщин-наркоманов большую часть составляют лица с невысоким образовательным уровнем и социальным статусом, без постоянной работы, определенной специальности, с низкими заработками².

Предрасположенность к наркотикам включает в себя ряд психологических характеристик, которые были изначально характерны для женщин-наркоманов. К этим характеристикам относятся: гедонистическая³ направленность личности, эгоизм, низкий уровень контроля эмоций и поведения, отсутствие нравственных, ценностных барьеров к асоциальным поступкам, стремление к тунеядству и паразитизму. Включение в наркотизацию с соответствующим изменением социальных ролей лишь обостряет эти особенности, делает их проявления более открытыми. Наркотизация как бы замыкает систему основных жизненных факторов и делает комплекс психологической пред-

С. 165, 166.

² См.: Габiani А.А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы. М., 1990. С. 55.

³ Гедонизм — древнегреческое философско-этическое учение, признававшее наслаждение целью жизни и высшим благом. См.: Словарь иностранных слов. М., 1984. С. 114.

расположенности устойчиво функционирующей системой регуляции поведения¹.

Женская наркомания зачастую связана с тунеядством, преступностью, как правило, сопровождается проституцией и гомосексуализмом. Женщины-наркоманы являются группой повышенного риска заболевания СПИДом, сифилисом, иными венерическими заболеваниями, неизбежно подвергая опасности заражения ими других лиц.

Исходя из всего сказанного, одним из главных направлений превентивной деятельности по распространению алкоголизма и наркомании среди женщин мы считаем совершенствование прежде всего мер медицинского характера, особенно на стадии выявления признаков ранней деградации личности. Безусловно, это не должно принижать значение общегосударственных усилий по борьбе с этими социальными недугами. Прежде всего это относится к организации идеологического противостояния распространению пьянства и наркомании, формированию общественного мнения. Не случайно в Казахстане разработана и принята комплексная, межведомственная программа по борьбе с наркотизмом, рассчитанная на долгосрочный период, и скорейшее законодательное оформление основных ее положений, безусловно, повысит эффект ее реализации.

Следует иметь в виду и такую проблему, как лицензирование и соответствующая правовая регламентация деятельности разного рода коммерческих структур в сфере медицинских услуг, торговли и производства фармацевтических и лекарственных препаратов. По нашим наблюдениям, в последнее время участились случаи получения лицензий (в том числе путем подкупа соответствующих должностных лиц) на право применения и использования в различной форме наркосодержащих препаратов. Подобная деятельность должна строго контролироваться государством, правоохранительными органами, при этом необходимо иметь в виду, что в данной сфере занято весьма значительное число женщин — медицинских работников.

Проблемы профилактики наркомании и алкоголизма, как факторов, оказывающих непосредственное влияние на женскую преступность, неразрывно связаны с сексуальной деморализацией как на уровне конкретной личности, так и в обществе в целом. Здесь мы имеем в виду типично женский фактор, негативно влияющий на борьбу с преступностью, — проституцию.

¹ См.: Басенко М.С. Психологическая характеристика личности женщины, потребляющей наркотики, и ее учет в воспитательной деятельности в местах лишения свободы. Автореф. канд.дисс. М., 1991. С. 16.

Одна из ключевых особенностей профилактики преступности среди женщин видится автору в определении подходов к противостоянию проституции, как социальному явлению. По нашему мнению, прежде всего необходимо выработать концептуальные основы политики государства в отношении проституции.

Исторически мировая практика определила три основных подхода в законодательном регулировании борьбы с проституцией: запретительный, регламентарный и аболиционистский¹.

В соответствии с запретительным подходом занятие проституцией объявляется правонарушением, уголовным или административным. В качестве наказания предусматривается, как правило, штраф.

Регламентарный подход предполагает терпимое отношение к проституции как "необходимому злу" и обязательность ее регламентации в интересах охраны здоровья населения и общественной нравственности. Он отражается, например, в политике государств, пытающихся ограничить проституцию рамками публичных домов с обязательным медицинским осмотром проституток и некоторыми другими мерами контроля.

При аболиционистском подходе проституция рассматривается в принципе как занятие, несовместимое с человеческим достоинством, но считается, что это вопрос личного выбора каждого члена общества. Поэтому проституция не запрещается, а преследуется лишь ее эксплуатация. Однако и тут государства вынуждены вводить некоторые ограничения на деятельность проституток в целях защиты определенных интересов общества (например, запрещение приставания в поисках клиентов в общественных местах, вблизи школ, в отдельных районах городов и т.д.).

Государство вправе самостоятельно определять национальную политику борьбы с проституцией, принимая во внимание, в частности, сложившуюся систему нравственных ценностей и общественное мнение. Поэтому, даже в странах, придерживающихся одного концептуального подхода, пути и средства его реализации могут быть различны. Например, в федеративных государствах политика, проводимая субъектами федерации, может существенно различаться. Так, в США в на-

¹ Аболиционизм — термин латинского происхождения, означающий отмену, уничтожение; общественное движение, добивающееся отмены какого-либо закона. См.: Словарь иностранных слов. М., 1984. С. 8.

стоящее время в законодательстве некоторых штатов содержится уголовный запрет проституции, причем в некоторых из них за это наказывается и клиент. В других штатах проститутки могут преследоваться по законам о бродяжничестве, а, например, в штате Невада проституция официально разрешена на уровне публичных домов с четкой регламентацией их деятельности.

В Великобритании преследуется только приставание. При этом британское общество исходит из идеи, что если проституция не может быть ликвидирована, то надо, по крайней мере, сделать ее менее видимой.

Во Франции проституция также не подпадает ни под какие ограничения, кроме двух статей уголовного кодекса, запрещающих уличную проституцию, т.е. приставание в общественных местах¹.

Но каково бы ни было отношение общественного мнения и официальных властей к самой проституции, эксплуатация ее преследуется в абсолютном большинстве государств. При этом законодатели исходят из того правила, что за сделкой "клиент-проститутка" стоит третье лицо (или лица), которые и получают основную прибыль, обычно значительно превышающую долю проститутки в получаемом ею вознаграждении. Эти лица, как мы уже отмечали в рамках настоящего исследования, могут выступать в самых различных обличиях: вербовщики, сводники, сутенеры, владельцы домов терпимости (легальных и нелегальных), массажных салонов, баров, гостиниц и т.д. Как правило, они связаны с преступным миром, причем в большинстве случаев — с организованными сообществами.

Между тем, анализируя национальную доктрину в части противостояния этому социальному явлению, приходится признать практическое отсутствие таковой. На первый взгляд в Казахстане формально превалирует аболиционистский подход, налагающий запрет не на саму проституцию, а лишь на формы ее эксплуатации. Но вместе с тем характерные в таком случае ограничения на занятие проституцией, система мер административного контроля за их несоблюдением, а также организационные способы его обеспечения практически отсутствуют. Явно не способствует разрешению данной проблемы и устоявшаяся практика замалчивания этого явления со стороны официальных го-

¹ См. об этом подробнее: Дьяченко А.П., Игнатов А.Н. Сексбизнес в оценке уголовного права зарубежных государств. Проституция и преступность. М., 1991. С. 197-210.

сударственных структур, органов и лиц, а также средств массовой информации. Даже в структуре Концепции государственной политики улучшения положения женщин в Республике Казахстан проституции как социальному явлению не дана реальная и должная оценка, а отмечена лишь необходимость "разрабатывать меры, включая законодательные, направленные на ликвидацию сексуальной эксплуатации женщин, в том числе меры по сокращению масштабов проституции".

Очевидна и ошибочность расчета на самодостаточность лишь запретительных, регламентарных законодательных мер репрессивного характера в борьбе с этим социальным явлением. Отсутствие со стороны государства организационной поддержки нормативно-правовых шагов в этом направлении вызывает по меньшей мере недоумение.

По мнению автора, создание в Казахстане специализированных подразделений, выполняющих функции "полиции нравов", имеющих практически во всех цивилизованных государствах мира, было необходимо еще несколько лет назад. Однако никаких реальных шагов в этом направлении не предпринято. Между тем, представляется, что такие подразделения, имеющие статус специальной службы или департамента, должны функционировать в системе Министерства внутренних дел республики и соответствующих территориальных (транспортных) управлениях. Подмена их работы деятельностью подразделений по борьбе с вымогательством и сводничеством недопустима по ряду принципиальных причин. Во-первых, деятельность этих подразделений ориентирована не на противостояние социальному явлению в целом, а лишь на реакцию на его конкретные проявления, в форме уже совершаемых преступлений. Во-вторых, воздействию в настоящее время подвергается не столько сама социальная среда, провоцирующая и продуцирующая формы эксплуатации проституции, сколько конкретные личности из числа выявляемых преступников. Таким образом, сама проституция, её развивающаяся инфраструктура никоим образом не ограничиваются и не контролируются, а в отдельных случаях лишь уязвляются ее отдельные звенья.

Здесь необходимо отметить и тенденции к интернационализации нелегального бизнеса по вовлечению в проституцию и ее эксплуатации, что обуславливает необходимость налаживания эффективного международного сотрудничества в борьбе с такой преступной деятельностью. При этом, как нам кажется, следует исходить из того, что операции по "экспорту-импорту" проституток имеют целью расширить и разнообразить ры-

нок сексуальных услуг. При этом во многих случаях имеют место нарушения иммиграционного законодательства, подделка документов, фиктивные браки и т.п. Следует иметь в виду, что Казахстан, как и другие страны СНГ, уже явился объектом пристального внимания дельцов международного секс-бизнеса, и многие женщины встали на путь проституции под этим влиянием. В этой связи заслуживают особого внимания рекомендации о создании специального банка данных и об активизации обмена соответствующей информацией между полицейскими службами стран — членов Интерпола¹.

Такой подход в полной мере соответствовал бы и усилиям, принимаемым международным сообществом в рамках ряда правовых актов, направленных на борьбу с проституцией и проявлением всех форм дискриминации женщин².

С учетом изложенных концептуальных позиций, по нашему мнению, необходимо принимать меры по совершенствованию национального законодательства.

В научной литературе, в частности, высказано немало точек зрения по этим проблемам. Например, профессор А.Н. Игнатов пишет, что "заслуживает внимания предложение об установлении уголовной ответственности за вовлечение в занятие проституцией женщин независимо от их возраста, а не только несовершеннолетних, как это имеет место по действующему законодательству. Вовлечение же в это занятие или в половой разврат не достигших совершеннолетия должно рассматриваться как отягчающее вину обстоятельство. Достаточно обоснованы также предложения об установлении уголовной ответственности за сутенерство в целях извлечения материальной выгоды, а также за содействие проституции в любой форме". Данная точка зрения в целом нашла свое воплощение в национальном уголовном законодательстве Республики Казахстан, в виде сконструированных норм об ответственности за вовлечение в занятие проституцией (ст. 270 УК РК), организацию или содер-

¹ Вопросы, посвященные борьбе с международными преступными организациями, специализирующимися на торговле людьми с последующим их использованием для проституции и детской порнографии, обсуждались на 57 сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола в ноябре 1988 г. в Бангкоке.

² См.: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Генеральная Ассамблея ООН. 18 апреля 1979 г.; Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами. Генеральная Ассамблея ООН. 7 июля 1949 г. Правовые документы ООН. М., 1993.

³ Игнатов А.Н. Проблемы правовой борьбы с проституцией. Проституция и преступность. М., 1991. С. 147.

жание притонов для занятия проституцией и сводничество (ст.271 УК РК), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 132 УК РК).

По этому же поводу И.И. Карпец считает, что в случае совершения проституткой какого-либо уголовного преступления, непосредственно связанного с ее "профессией", "занятие проституцией может быть учтено судом в таких случаях в качестве отягчающего обстоятельства, отсутствие которого является явным недостатком закона"¹.

По нашему мнению, все законодательные решения уголовно-правового характера, связанные с проблемой проституции, должны в первую очередь опираться на возможность дифференцированного подхода к личности таких женщин, совершающих преступления, и лиц, занимающихся эксплуатацией проституции. Данный подход, во-первых, предоставит возможность для расширения личностной характеристики таких лиц в плане обеспечения доказательственной базы в уголовном процессе, а во-вторых, послужит условием для учета психологических особенностей личности в проведении индивидуальной профилактической работы.

Одним из направлений совершенствования профилактического воздействия на личность женщин-преступниц и проституток, по мнению автора, должно стать обязательное проведение в отношении таких лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, сексологической экспертизы, наряду с имеющимися место судебно-психиатрическими и психолого-психиатрическими исследованиями. При этом мы исходим из того, что как проституция, так и любые преступления сексуального характера предполагают определенные психологические характеристики личности, иногда граничащие или принимающие форму аномалии психического характера, которые влияют на мотивационные основы поведения личности (преступного в том числе), причем сфера сексуальных реакций является во многих случаях доминантой как мотивации, так и поведенческих проявлений.

В этой связи несомненный интерес представляют сведения, определяющие наличие субъективной предрасположенности отдельных женщин к занятию проституцией. "У конкретных людей она может никогда не стать реальностью по причинам надлежащего воспитания и благоприятных условий жизни, принимать другие, вполне одобряемые формы. Однако знание,

¹ Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.,1992. С. 408.

учет этой психологической особенности проституток имеет важное значение для проведения индивидуальной воспитательной работы с ними. Данные о предрасположенности отдельных женщин к занятию проституцией можно использовать, например, при психотерапевтическом воздействии на них".

Возможность специальных психосексологических исследований личности женщин, по нашему мнению, имеют большую перспективу. Например, они могут применяться при исследованиях личности потерпевших от половых преступлений насильственного характера, поскольку в криминологических исследованиях затрагивалась актуальная проблема деморализации женщин, потерпевших от таких посягательств. Особенно важна их роль в процессе ранней профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, испытавших сексуальное воздействие, в т.ч. в семейно-бытовой среде.

Специальные сексологические исследования должны иметь место во всех случаях осуждения женщин к лишению свободы, поскольку, как показало наше исследование, в условиях изоляции от общества сексуальное поведение женщин претерпевает значительные изменения. Возникновение нетипичных, в том числе девиантных форм поведения на этой почве, приводит к множеству негативных последствий: от развития сексуальных проблем в браке и супружеских конфликтов до непосредственного совершения преступлений насильственного характера как на воле, так и в местах лишения свободы. Мероприятия подобного характера в конечном итоге послужат эффективности процесса исправления и перевоспитания осужденных женщин в местах лишения свободы.

Разработка проблем исправления и перевоспитания как одного из ключевых направлений профилактики в отношении осужденных женщин в местах лишения свободы представляет немалую сложность в силу специфики самого объекта воздействия. При этом необходимо учитывать, что, во-первых, динамика женской преступности характеризуется не только (и не столько) увеличением объема, но в большей степени — расширением круга преступлений, совершаемых женщинами за счет включения в него деяний, которые до недавнего времени считались типичными только для мужчин. Эта тенденция сама по себе

¹ Антонин Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 209.

² См.: Арсеньева М.И., Серебрякова В.А. Особенности формирования противоправного поведения. Исправительно-трудовые учреждения-№ 8. 1982. С. 11—15.

уже указывает на необходимость своевременной подготовки уголовно-исполнительных учреждений к возможным изменениям в контингенте осужденных женщин. В первую очередь здесь имеется в виду соответствующая разработка и подготовка форм и методов работы с ними, в частности воспитательной профилактики антиобщественных действий с их стороны в период отбывания наказания. Нужно в первую очередь тщательно изучать их среду, отношения друг с другом и администрацией.

Крупномасштабному, многостороннему изучению осужденных женщин был посвящен ряд проведенных в свое время НИИ МВД РФ исследований¹. В частности, специальные психологические исследования подчеркивали отсутствие у большинства осужденных женщин ярко выраженных качеств, которые могли бы осложнить процесс исправления и перевоспитания². В целом следует согласиться с выводами о том, что осужденным женщинам по сравнению с осужденными мужчинами в меньшей степени присущи асоциальные установки, у них отсутствуют устойчивые преступные убеждения, социально-психологическая адаптация хотя и нарушена, но все же очень серьезных дефектов у большинства из них нет. Хотя собственные выборочные исследования и личные наблюдения автора настоящей работы не позволяют занять столь радикальную позицию. В качестве одного из аргументов можно привести устоявшееся в криминологической науке (как, впрочем, и в жизни) явление женского алкоголизма, в случае которого деградация личности женщины происходит гораздо быстрее, чем у мужчин, и имеет более пагубные и разрушающие личность последствия. Среди осужденных женщин, особенно если говорить об отбывающих наказание не впервые, влияние на личность таких "реагентов", как алкоголь и наркотики, становится в ряде случаев весьма очевидным.

Таким образом, мне лишь еще раз хочется обратить внимание на необходимость отказа от применения обобщающих формулировок в характеристиках осужденных женщин в связи с тем, что данные характеристики, как первоначальный этап изучения, определяют направленность всего комплекса специальных — профилактических мер.

Для осужденных женщин, как уже отмечалось, очень важны оценка их со стороны других людей и то, какое впечатление

¹ См.: Наказание и исправление преступников. М. НИИ МВД РФ. 1992. Под ред. Ю.М. Антонина.

² Там же. С. 247.

они производят на окружающих даже в местах лишения свободы. Им присуща некоторая демонстративность поведения, отчасти схожая с теми поведенческими проявлениями, которые можно наблюдать в уголовно-исполнительных учреждениях для несовершеннолетних. У женщин-осужденных достаточно высока импульсивность, что естественно приводит к плохому прогнозированию их поведения и выбора мер профилактического характера для достижения максимально эффективного результата.

Профилактика женской преступности, особенно в плане предупреждения повторных преступлений, связана с совершенствованием практики отбывания наказания, отвечающей принципам максимальной его индивидуализации. Мы остановимся на некоторых аспектах, касающихся повышения эффективности института исполнения наказания, в том числе и тех, которые сможем проиллюстрировать эмпирическими данными собственного исследования.

Так, в ходе опроса работников женских исправительно-трудовых колоний и следственных изоляторов перед ними, в частности, ставился вопрос о том, осужденные за какие преступления (виды преступлений) женщины имеют наибольший объем социально положительных навыков и наиболее восприимчивы к мерам профилактического воздействия. В результате 43,7% опрошенных ответили, что такими являются лица, осужденные за хозяйственные, должностные преступления и совершившие крупные хищения. 42,3% поставили на первое место вперые осужденных за тяжкие преступления на бытовой почве: убийства и нанесение телесных повреждений. К наиболее "сложным" в плане восприятия профилактических мер воздействия были отнесены лица, совершившие преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, а также осужденные за хулиганство.

На вопрос: какая возрастная категория осужденных женщин наиболее невосприимчива к мерам исправительно-воспитательного воздействия в местах лишения свободы, ответы распределились следующим образом: возрастная группа 14—17 лет - 25,1%, 18-24 лет - 37,5%, 25-30 лет - 22,6%, 31-40 лет - 12,3%, 41—50 лет — 0,9%, старше 50 лет — 1,6%. Как видно из приведенных данных, основную массу (85,2%) составили женщины молодого возраста и несовершеннолетние.

На вопрос: существует ли необходимость в функционировании специальных психологических служб помощи в женских колониях или эти функции могут выполнять представители

администрации — 81,2% респондентов указали, что такая необходимость существует, причем 59% из них пояснили в своих ответах, что специалисты этих служб должны быть вольнонаемными лицами, а не находящимися в служебной подчиненности администрации учреждений.

В ходе исследования автором выяснялись также мнения практических работников по поводу влияния религиозной пропаганды в женских колониях. В результате 68,7% опрошенных указали, что она имеет положительное влияние, особенно на несовершеннолетних, не отметили необходимости в ее существовании 12,5%, затруднились с ответом 6,3% опрошенных.

Определенный интерес представляют и сведения, отражающие целесообразность обязательного раздельного содержания в местах лишения свободы впервые осужденных женщин от осуждаемых повторно. В итоге 56,2% респондентов указали на явную необходимость организации такого разделения. Посчитали это необязательным 31,2%, затруднились с ответом 6,3%.

На вопрос: как вы относитесь к организации системы муниципальных (областных, окружных) женских уголовно-исполнительных учреждений, были получены положительные ответы в 87,5% случаев, что, по нашему мнению, обуславливает необходимость более глубокого анализа этой проблемы, с целью выработки последующих законодательных решений.

И, наконец, 87,2% опрошенных отметили, что в настоящее время существует необходимость в специальной подготовке профессионально грамотных работников для женских уголовно-исполнительных учреждений в системе высшей школы.

Приведенные данные, характеризующие отношение практических работников уголовно-исполнительной системы к направлениям совершенствования профилактической работы с осужденными женщинами, наряду с уже имеющимися место инициативами законодательного порядка, должны послужить условием для координации усилий и определения главных направлений в пенитенциарной профилактической деятельности.

Очевидно, что оценка негативных факторов криминогенного характера, влияющих на женскую преступность, неразрывно связана с анализом факторов различного порядка, детерминирующих преступность вообще. Поэтому, переходя к рассмотрению особенностей профилактики женского преступного профессионализма, прежде всего следует отметить, что они находятся в одной плоскости с общей политикой борьбы с преступностью, и женской в частности, а также тесно связа-

ны с мерами предупреждения криминального профессионализма.

Не допуская повторений относительно мер по совершенствованию борьбы с профессиональной преступностью, хотелось бы остановиться на некоторых, наиболее принципиальных соображениях, касающихся именно участия женщин в профессиональной преступной деятельности.

Профилактика преступного профессионализма женщин, основой которого являются корыстные преступления, должна предполагать учет способов совершения преступлений профессиональными преступницами, их распространенности, особенностей личности преступниц, установление их криминогенных связей. Такой подход закономерен в связи с научным изучением и разработкой соответствующих классификационных типов личности профессиональных преступниц, основанных на мотивации преступного поведения, формах и способах реализации криминальных намерений, характера и общественной опасности наступивших последствий.

В свою очередь, разработка типологической характеристики личности женщин-преступниц должна определять и принятие организационных мер, соответствующих созданию специальных криминалистических и оперативно-розыскных учетов баз данных на компьютерной основе и т.д. Необходим и принципиально новый подход специалистов-практиков, непосредственно осуществляющих борьбу с преступным профессионализмом, в т.ч. женским. Разработка методических рекомендаций для практических работников, специального учебного курса в системе подготовки высшей школы, отражающего особенности женского криминального профессионализма, явилась бы, по мнению автора, положительным фактором в деле профилактики этого явления.

Учет особенностей профессиональной преступной деятельности женщин должен принимать во внимание, например, такие характерные черты, как повышенная латентность подобных преступлений, использование преступницами виктимологических признаков в поведении потерпевших, поведение самих преступниц в ходе расследования по уголовному делу, что в свою очередь диктует необходимость разработки соответствующей тактики проведения отдельных следственных и процессуальных действий с участием преступниц-профессионалок.

В заключение хотелось бы выразить солидарность с мнением о том, что эффективность борьбы обуславливается комплексным подходом к предупреждению профессиональной

преступности как явления, а не отдельных видов профессионализированных преступлений¹.

Отмеченными выше особенностями отнюдь не ограничивается подход к совершенствованию профилактики женской преступности. В настоящей работе предпринята попытка заострить внимание на тех принципиальных направлениях, совершенствование которых послужит основой для подъема на качественно новый уровень системы мер предупреждения современной женской преступности и позволит осуществить эффективную борьбу с этим явлением не только усилиями правоохранительных органов, но прежде всего — посредством целенаправленной деятельности государства, основанной на четко разработанной программной политике.

5.2. НАПРАВЛЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НЕГАТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ЖЕНЩИН

Говоря об определении "основных ударов" в процессе профилактики преступности вообще, и женской в частности, хотелось бы остановиться на таком аспекте этой проблемы, как изучение факторов, влияющих на женскую преступность, в процессе ее криминологического прогнозирования. Думается, что в условиях "переходного периода" долгосрочность и достоверность любых прогнозов естественно уменьшается. Хотя бы потому, что значительно сужаются возможности для научной и системной экстраполяции, которые, в свою очередь, вызваны нестабильной общественно-экономической ситуацией, отсутствием четко сформированной правовой идеологии, концепции уголовной политики, резкими перепадами политического курса, неустоявшейся законодательной и правоприменительной практикой. Но вместе с тем это ничуть не должно снижать необходимости их разработки.

Первоочередной задачей криминологического прогнозирования является определение факторов, влияющих на преступность. Затем предполагается "перенос" факторов в будущее и рассмотрение их уже с новых позиций². Этот подход помогает выделить в общей системе разнообразных факторов решающие, имеющие в рамках прогностического исследования до-

профессионализма. Сов. гос-во и право-N 5.1987.С.86.

² Аванесов Г. А. Криминология, прогностика, управление. Горький, 1975. С.323.

минирующее значение. Данная методология, как нетрудно заметить, в определенной мере служит основой для большинства научных изысканий, и не только в области криминологии. Использована она в системе настоящего исследования. Вот почему в условиях предлагаемой работы предпринята попытка рассмотреть некоторые определяющие факторы женской преступности. При этом ставилась цель с их помощью объяснить механизм преступного поведения, а также заранее принималось во внимание то обстоятельство, что они могут и должны послужить в дальнейшем основой для научного криминологического прогноза.

Например, выше была отмечена имеющаяся в последние годы тенденция к снижению продолжительности жизни населения, особенно у мужчин трудоспособного возраста. Также приводилась и статистика числа судимостей у мужчин и женщин, из которой очевидно, что с увеличением возраста женщины догоняют и даже обгоняют мужчин по количеству судимостей. Последнее обстоятельство в данном случае является, отчасти, следствием так называемого "постарения" населения, которое происходит в основном за счет увеличения численности и удельного веса среди людей старших возрастов именно женщин. Подобные закономерности (в данном случае демографического характера), несомненно, должны учитываться в процессе прогнозирования преступности и ее отдельных проявлений.

Не менее актуальным мы считаем подход к разработке мер профилактики женской преступности с учетом региональных ее особенностей, а следовательно, и прогноза ее с учетом этих условий. Так, например, в специальном исследовании, посвященном борьбе с преступностью в Дальневосточном регионе России, в период 1990—1993гг. отмечалось значительное превышение удельного веса женщин, совершивших преступления, по сравнению с общими показателями по России. Это происходило несмотря на то, что удельный вес женщин в структуре населения Дальнего Востока был ниже, чем в Российской Федерации. В среднем по Дальнему Востоку выше и прирост женщин, совершивших преступления, чем в России, на 13%. Из этого авторы исследования делают вывод о том, что женщины на Дальнем Востоке в большей степени вовлечены в преступную деятельность, чем женщины в России, и на основе этих выводов прогнозируют сохранение обнаруженной тенденции. В качестве факторов негативного ряда, обуславливающих подобное состояние, прежде всего выступали: высокий уровень естествен-

ной миграции населения, в том числе иностранных граждан (в основном из Китая и Вьетнама); рост безработицы; возросший спрос на наркосырье, обильно произрастающее в регионе; усиление влияния уголовно-воровских группировок преступного мира. В этом же исследовании высказывается мнение о существенной роли миграционных процессов в динамике женской преступности в данном регионе¹.

В свою очередь, миграция, как нами уже отмечалось, может быть и самостоятельным фактором, негативно влияющим на преступность. В связи с этим автор считает, что изучение закономерностей подобного взаимовлияния может безусловно приблизить к максимальной объективности в процессе криминологического прогнозирования преступности женщин, в том числе и на региональном уровне.

Региональный аспект криминологического прогнозирования представляется исключительно важным и для Казахстана. Например, по нашим оценкам, в связи с переносом столицы в г. Астану, притоком в нее значительного количества людских и финансовых ресурсов, развитием инфраструктуры по обслуживанию населения, возрастет спрос на женскую проституцию и различные формы ее эксплуатации.

Естественно, что раскрыть и показать возможности криминологического прогнозирования как одного из направлений профилактики женской преступности в масштабах настоящего исследования не представляется возможным. Прежде всего потому, что комплекс этих факторов: во-первых, весьма многообразен; во-вторых, каждый из факторов социального, демографического, экономического, правового порядка имеет свои особенности на различных уровнях профилактической деятельности; в-третьих, само прогнозирование женской преступности неразрывно связано с общими прогностическими подходами в предупреждении преступности вообще.

Именно на одном из таких общих подходов совершенствования борьбы с преступностью хотелось бы остановиться. Здесь имеется в виду такая актуальная, по мнению автора, проблема, как необходимость криминологической экспертной оценки готовящихся и имеющих место правовых актов. Подобная деятельность необходима прежде всего на уровне законодательных решений. При этом криминологическая экспертиза не должна подменять или выполнять функции, например, Конституции-

¹ Шульга В.И. Тенденции преступности в Дальневосточном регионе и меры по ее предупреждению. Канд. дисс. М., 1994. С. 112.

онного совета или прокуратуры. Ее решения должны носить скорее рекомендательный характер и включать в себя как раз элементы прогнозирования негативного влияния тех или иных факторов, к обострению которого может привести (или уже привело) принятие соответствующих правовых норм. В процессе этой деятельности необходимо будет уделять внимание и проблемам, связанным с женской преступностью.

Возможность такого криминологического подхода иллюстрируется данными, полученными автором на примере результата проведенного изучения практики применения нормы уголовного законодательства Российской Федерации, предусматривающей ответственность за сокрытие доходов (прибыли) или иных объектов от налогообложения. В общем массиве лиц, привлеченных к ответственности по данному составу преступления, женщины составили 60,9%. Представляется, что данный показатель с достаточной достоверностью мог быть прогнозирован, например, в процессе разработки и принятия данной нормы закона, поскольку механизм совершения этого преступления предлагает, как правило, соответствующее должностное положение лица, занимающегося уклонением от уплаты налогов или сокрытием прибыли, обусловленное занятием в сфере финансово-бухгалтерской деятельности. А именно данные функции выполняют, как правило, женщины.

Относительно недавно в современной юридической науке стало выделяться в качестве самостоятельного направления так называемое уголовно-правовое прогнозирование, определяемое как "разновидность научного предвидения в сфере борьбы с преступностью". Признавая его междисциплинарный характер, находясь в равной степени как в области криминологической, так и уголовно-правовой науки, необходимо подчеркнуть, что прогностический аспект в криминологической экспертной оценке применительно к специфике настоящей работы должен основываться на элементах социально-ролевых функций женщин, в том числе в процессе трудовой занятости. Ранее мы уже вели речь о так называемой "отраслевой" преступности женщин. Подобная противоправная деятельность женщин как объекта профилактической работы также может стать предметом криминологического прогнозирования. Например, с принятием Основ законодательства Российской Федерации о нотариате 11 февраля 1993 г. была законодательно разрешена деятельность так называемых "частных нотариусов". В категории таких лиц, как показала практика, значительной была доля жен-

¹ Клейменов М.П. Уголовно-правовое прогнозирование. Томск, 1991. С.6.

² Ведомости съезда народных депутатов РФ. 1993. №10. Ст.357.

щин, занимающихся частной нотариальной практикой, что само по себе весьма закономерно: большинство из них до принятия указанного Закона трудились в государственных нотариальных конторах. Однако именно этот аспект имеет определенную криминологическую специфику. Дело в том, что, по нашим наблюдениям, масштабы преступной деятельности, связанной с использованием фиктивных нотариально заверенных документов, имеют неуклонную тенденцию к росту. Это очевидно, особенно в случаях оформления приватизации и купли-продажи недвижимости, а также банковских документов на открытие счетов и безналичных переводов денежных сумм. Махинации подобного рода зачастую становятся возможными только благодаря использованию фиктивных нотариально заверенных документов.

Автор настоящей работы был одним из тех ученых-криминологов, которые предлагали провести в свое время соответствующий экономико-правовой анализ общественной опасности подобных действий, и обосновывал наряду с этим необходимость разработки и принятия норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за заведомое нарушение оформления нотариальных документов со стороны соответствующих субъектов. В определенной мере отрадно, что известные в этой области усилия специалистов, ученых и практиков привели сначала к включению этой нормы в модельное уголовное законодательство стран СНГ, а затем были воплощены уже в нормах национального законодательства. В Казахстане это ст. 229 УК РК, предусматривающая ответственность за злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторам.

В области криминологического прогнозирования женской преступности исключительно важна роль государственных усилий, направленных на совершенствование статистической отчетности, в том числе о преступлениях, совершаемых женщинами и в отношении их, с целью получения полной и объективной информации о всех формах преступных проявлений и насилия в отношении женщин. Эта информация представляет собой неперемennую основу для построения любых прогнозов и экстраполяций.

Кроме того, необходимо внимание к поощрению разного рода научных исследований в части криминологического прогнозирования преступности вообще. Данная отрасль криминологической науки в Казахстане практически не развита, и усилия по ее развитию имеют, по мнению автора, прямой позитивный потенциал, в том числе в плане борьбы с преступностью, и в частности — среди женщин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе сделана попытка дать криминологическую характеристику современной женской преступности, ее основным динамическим и статистическим характеристикам в Казахстане, показать характерные особенности, раскрыть личность преступниц и механизм ее формирования в условиях конкретной социальной среды, а также предложить некоторые пути решения одной из самых сложных проблем криминологии — предупреждение преступности.

В свете сказанного, особую актуальность имеет проблема изучения и предупреждения преступлений, совершаемых женщинами, что в первую очередь обусловлено:

— наметившимися в последние годы нарастающими тенденциями в развитии женской преступности в целом и отдельных ее проявлений;

— возрастанием отрицательного влияния преступного поведения женщин на общество в целом, его нравственно-психологическую атмосферу и отдельные институты, в особенности на семейные отношения;

— преобладанием в структуре женской преступности преступлений с корыстной мотивацией и значительным материальным ущербом, который наносят эти посягательства экономической системе государства, личной собственности граждан;

— необходимостью проведения целенаправленной профилактической работы с учетом специфических причин и условий, способствующих совершению преступлений женщинами;

— недостаточным уровнем научной разработки проблем преступности среди женщин, что отрицательно сказывается на организации работы по ее предупреждению.

Автор не ставил перед собой задачу рассмотреть все аспекты такой многоплановой проблемы, как женская преступность, ограничившись характеристикой лишь тех, которые представляются наиболее существенными для подхода к решению проблемы по ее предупреждению, а также тех, которые могли быть наиболее репрезентативно освещены на основе того конкретно-социологического материала, которым мы располагали.

В результате проведенного исследования отмечено наличие определенных свойств, присущих только женской преступности и поэтому выделяющих ее из всей структуры преступности как самостоятельное явление. Эти свойства выявляются не только при изучении объективных проявлений противоправного поведения, но в первую очередь — при оценке характера и направленности мотивов преступной деятельности женщин.

Преступное поведение женщин определяется взаимодействием объективных и субъективных факторов социальной действительности, в числе которых ведущую роль играют факторы социального порядка.

Современная женская преступность имеет свои социально обусловленные особенности, которые находятся в прямой зависимости от исторических, геополитических, экономико-правовых, демографических и иных изменений, происходящих в обществе. Эти изменения наиболее ярко отражаются в микросоциальной атмосфере жизнедеятельности женщин.

Негативное влияние микросоциальной среды неодинаково на различных этапах жизненного пути женщин и обусловлено определенными социально-демографическими различиями, такими, как возраст, трудовая деятельность, материальное положение, состояние семейных отношений и т.д.

Особенно остро ощущается негативное влияние микросоциальной среды в условиях мест лишения свободы, где отбывают наказание осужденные женщины, а сама среда этих мест имеет свои характерные, присущие только ей особенности и существенно отличается от среды общения в мужских колониях.

Обострение проблем, связанных с эффективностью применения и исполнения уголовного наказания в отношении женщин, создает условия для действия криминогенных факторов, определяющих формирование устойчивой антисоциальной направленности личности женщин, обнаруживающих признаки девиантного поведения. В числе таких факторов особенно ощутима роль распространения пьянства, наркомании, проституции, влияния уголовно-профессиональных традиций и обычаев на конкретную личность и неформальные социальные группы, особенно несовершеннолетних, процесса вовлечения женщин в деятельность организованных преступных сообществ. Также обращают на себя внимание тенденции к вовлечению несовершеннолетних девушек в преступную деятельность и проституцию, сращивание официальной трудовой занятости женщин с профессиональной преступной деятельностью.

В масштабах настоящего исследования автор уделит внимание рассмотрению проблем, связанных с профессиональными проявлениями

в структуре женской преступности, в результате чего удалось сделать некоторые принципиальные выводы по этому вопросу. В связи с отмеченными особенностями профессионального преступного поведения женщин, существенное значение в деле профилактики этого явления принадлежит, по мнению автора, типологической характеристике личности женщин-преступниц. Предпринятые в этом направлении усилия позволили выделить несколько типов личности таких женщин, которые проиллюстрированы конкретными примерами из судебно-следственной практики.

Таким образом, раскрытие поставленных перед исследованием задач со всей убедительностью доказало необходимость определенного подхода к рассмотрению вопросов, связанных с противоправным поведением женщин, который обусловлен прежде всего двумя аспектами: во-первых, необходимостью изучения женской преступности как самостоятельного структурного элемента преступности, во-вторых, исследованием данной проблематики в связи с общими криминологическими проблемами по борьбе с преступностью. Именно таким двуединым подходом определяется характер сформулированных в настоящей работе выводов и предложений.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Г.Л.* Криминология, прогностика, управление. Горький, 1975. С.323.
2. *Аванесов Г.Л.* Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 459.
3. *Агыбаев А.Н.* Ответственность должностных лиц за служебные преступления. Алматы, 1997. С. 277.
4. *Алферов Ю.Л.* Жаргон и татуировки наркоманов в ИТУ. М., 1992.
5. *Антонян Ю.М.* Преступность среди женщин. М., 1992. С. 84.
6. *Антонян Ю.М.* Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятное влияние на личность в микросреде) М., 1975. С. 16.
7. *Антонян Ю.М.* О прогнозе преступности в стране. М., 1992.
8. *Антонян Ю.М.* О понятии профилактики преступлений. Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977. С. 25—29.
9. *Антонян Ю.М.* Преступность женщин. //Социалистическая законность. №7.1991. С. 20.
10. *Антонян Ю.М., Перцова Л.В., Саблина Л.С.* Опасные девицы /Социологические исследования.
11. *Арсеньева М.И., Серебрякова В.Л.* Особенности формирования противоправного поведения. Исправительно-трудовые учреждения. № 8.1982. С. 11—15.
12. *Бадалянц Э.Ю.* Криминологические и уголовно-правовые проблемы социальной реабилитации осужденных женщин, признанных хроническими алкоголиками. Автореф. канд. дисс. Рязань, 1993.
13. *Басенко М.С.* Психологическая характеристика личности женщины, потребляющей наркотики, и ее учет в воспитательной деятельности в местах лишения свободы. Автореф. канд.дисс. М., 1991. С. 16.
14. *Башкатов И.П.* Групповая интеграция несовершеннолетних правонарушителей. Совершенствование деятельности воспитательно-трудовых колоний и профилактика молодежной преступности. М., 1992. С.80—92.
15. *Березин А.Я.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Труды восточного отдела Архивного общества. Спб. 1868.
16. *Бейсенов Б.С.* Проблемы борьбы с преступностью, связанной с алкоголизмом. Караганда, 1977.

17. *Бейсенов Ж.С.* "Классификация жертв "рэкета" и виктимологический аспект их профилактики. Борьба с организованной преступностью и коррупцией. Алматы, 1996.
18. *Берекашвили Л.Ш., Кириллова И.А.* Криминологическая характеристика женщин, совершивших преступления. М., 1976.С. 42.
19. *Блувштейн Ю.Д.* Теоретические вопросы статистического изучения личности преступника. Автореф. дисс.канд. наук. М.,1968. С. 13.
20. *Бойко И.Б.* Проявления агрессивности несовершеннолетних осужденных женского пола /Вопросы психологии. N4. 1993. С. 27—30.
21. *Брон Е.* Пить или жить? //Аргументы и факты. 1997. N 45.
22. *Брусницын Л.В.* Международно-правовые и конституционные основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. Государство и право. №3. М.1996.
23. *Бышевский Ю.В.* Криминологическая характеристика личности вора. Омск, 1973.
24. *Вакутин Ю.А., Водозазский Б.Ф.* Преступные группировки, их обычаи, традиции, "законы". Омск, 1979.
25. Ведомости съезда народных депутатов РФ. 1993.№10. Ст.357.
26. *Вицин. С.Е.* Оценка латентной преступности на основе статистических моделей. Латентная преступность: познание политика, стратегия. М., 1993.
27. *Внуков В.А.* Женщины-убийцы. Убийства и убийцы. М., 1928. С. 191—249.
28. *Волошина Л.А., Горбатовская Е.Г., Растегаев А.А.* Убийства на производственных объектах. Характеристика. Предупреждение. В сб. Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в сфере производства и быта. М., 1991. С.6.
29. *Габияни А.А.* Наркотизм вчера и сегодня. Тбилиси, 1988. С. 55.
30. *Габияни А.А., Меликишвили Л.А.* Социальное лицо женщин преступниц и проституток. Тбилиси, 1993.
31. *Габияни А.А., Манульский М.А.* Цена любви. Социологические исследования. N 6. 1987. С. 61-68.
32. *Габияни А.А.* На краю пропасти: наркомания и наркоманы. М., 1990. С. 55.
33. *Габияни А.А.* Преступность среди женщин. Тбилиси, 1986. С.74.
34. *Гернет М.Н.* Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств). М., 1922. С. 134-139.
Гернет М.Н. Избранные произведения. М.,1974. С. 140.
36. *Глоточкин А.Д., Пирожков В.Д.* Психология коллектива заключенных. М., 1968. С. 27.
37. *Голоднюк М.Н.* Криминологическая характеристика женщин, отбывающих наказание в ИТК. /Вестник МГУ. Сер. 11. N 5.1983. С. 18.

38. *Голоднюк М.Н.* Некоторые вопросы женской преступности. Вестник МГУ. Право, 1978. N1. С.26.
39. *Горьяиное К. К.* Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы. Латентная преступность: познание политика, стратегия. М., 1993.
40. *Гуров А.И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С.53.
41. *Гуров А.И.* О некоторых вопросах изучения криминального профессионализма //Сов. гос-во и право. N 5.1987.С.86.
42. *Данилин ЕМ.* Педагогизация деятельности ВТК. Сб.научных трудов: Совершенствование деятельности ВТК. М., 1992. С. 30—37.
43. *Даньшин ИЛ.* Понятие, негативные последствия и методы выявления латентной преступности. Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М. 1993.
44. *Долгова А.И.* Криминологические проблемы отдельных видов преступности. Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ними. М., 1989. С.6.
- АС.Дорошевич В.М.* Сахалин. Каторга. М., 1903. С.2
46. *Дубовик ОД.* Проблема принятия решения о совершении преступления в криминологической науке. /Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. С. 45.
47. *Дутов М.И.* Правовые и организационные вопросы исполнения наказания и перевоспитания женщин, переведенных в ИТК-поселения. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Томск, 1977. С. 13.
48. *Дьяченко А.П., Игнатов А.Я.* Сексбизнес в оценке уголовного права зарубежных государств. Проституция и преступность. М., 1991. С. 197—210.
49. *Жалинский А.Э.* Специальное предупреждение преступности в СССР (Вопросы теории). Львов, 1976. С. 35.
50. Женская преступность. Энциклопедия приключений и катастроф. Минск, 1996.
51. Женщины и дети в СССР. Стат. сборник. М., 1985.
52. *Журавлев Р.А.* Оценка состояния латентной преступности в сельской местности. Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М., 1993.
53. *Зайончковская Ж.А.* Новоселы в городах. М., 1972.
54. *Заменгоф М.Ф.* Брак, семья и преступность. Петроград, 1916.
55. *Зарубин В.И.* Проституция, венерические болезни и Нижегородская ярмарка. Медицина. 1986. N29—30. С. 387—390.
56. За что и где сидеть будем. АиФ-Казахстан. №44. 1997г.
57. *Зырянов В.И.* Групповая преступность женщин и ее предупреждение органами внутренних дел. Горький, 1988. С. 10.

58. *Игнатов А.Н.* Квалификация половых преступлений. М., 1974.
59. *Игнатов А.И.* Проблемы правовой борьбы с проституцией. Проституция и преступность. М., 1991.
60. *Игошев К.Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974.
61. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы, 1993.
62. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. А-Ата, 1979.
63. *Казакова В.А.* Назначение и исполнение наказания в отношении женщин, осужденных к исправительным работам. Канд. дисс. М., 1984.
64. *Карпец Н.И.* Преступность. Иллюзии и реальность. М., 1992.
65. *Карпец Н.И.* Экономика и преступность. Законность. № 3. 1992.
66. *Кашелкин А.Б.* Насилие как форма антиобщественного поведения молодежных группировок. Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М., 1990.
67. *Кетле А.* Человек и развитие его способностей. Спб. 1865. С.7, 8.
68. *Квашиш В.Е.* Проблема защиты жертв преступлений. Латентная преступность: познание политика, стратегия. М., 1993.
69. *Кириллова И.А., Лысягин О.Б.* Характеристика женщин, отбывающих наказание в ИТК. М., 1981.
70. *Клейменов М.П.* Уголовно-правовое прогнозирование. Томск, 1991.
71. Комментарий к первому общенациональному медико-демографическому исследованию в Казахстане. Экспресс. 27 декабря 1996.
72. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Генеральная Ассамблея ООН. 18 апреля 1979 г. Правовые документы ООН. М., 1993.
73. Конвенция о правах ребенка. Правовые документы ООН. М., 1993.
74. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами. Генеральная Ассамблея ООН. 7 июля 1949 г. Правовые документы ООН. М., 1993.
75. *Кондратюк Л.В.* О кумулятивной латентности и методике определения ее размеров. Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М., 1993.
76. Коран. Алматы, 1992.
77. *Краснушкин Е.Х., Холзакова Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток. Преступник и преступность. М., 1926.
78. Криминология. М., 1988.
79. Криминология. Спб. 1992.
80. Криминология. М., 1994.
81. Криминология. М., 1997.

82. Криминологические исследования в мире. М., 1995.
83. *Кудрявцев В.Н.* Социально-психологические аспекты антиобщественного поведения /Вопросы философии. 1974. N 1.
84. *Кузнецова Н.И.* Уголовно-правовая борьба с содержанием притонов разврата и сводничеством. Канд. дисс. М., 1982.
85. *Кузнецова Н.И.* Личность осужденных за содержание притонов и сводничество, их исправление и перевоспитание. Психолого-педагогические проблемы исправления и перевоспитания осужденных. М., 1985.
86. *Культелеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов. АН Каз.ССР, Алма-Ата, 1955.
87. *Курприн А.И.* Яма. Собр. соч. Т.3. М., 1973.
88. *Кури Х.* Исследование проблем виктимизации в Германии. Криминологические исследования в мире. М., 1995.
89. Курс советской криминологии. Предмет, методология. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1985.
90. *Кучеров ИИ.* Налоговые преступления. М, 1997. С.50—53.
91. *Левитов НД.* Психология характера. М, 1969. С. 300, 301.
92. *Ломброзо Ч., Ферри Э.* Женщина — преступница и проститутка. Киев, 1902.
93. *Ломброзо Ч., Ласки Л.* Политическая преступность и революция. Спб. 1906.
94. *Маньковский Б.С.* Детоубийство. Убийства и убийцы. М., 1928. С.261, 262.
95. *Мартиросова М.М.* Преступность несовершеннолетних женского пола, ее причины и организация предупреждения ОВД. Автореф. канд. дисс. М., 1992. С.21.
96. *Меликишвили ЛА.* Роль личностного фактора в преступном поведении женщин. Тбилиси, 1993.
97. *Меликишвили ЛА.* Типологические модели личности женщин- преступниц. Современная преступность. Новые исследования. М., 1993. С. 136—141.
98. *Милюков С.Ф.* Классификация скрытых преступлений по степени их латентности. Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М., 1993.
99. *Миляненков ЛА.* По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. М., 1992.
100. *Миненок М.Г.* Личность расхитителя. Криминологическая характеристика и типология. Калининград, 1980.
101. *Михлин А.С.* Общая характеристика осужденных (по материалам специальной переписи 1989 г.). М., 1991. С. 17.
102. *Миязава С.* Загадочная Япония — испытательный полигон для сравнительных криминологических исследований. Криминологические исследования в мире. М., 1995.

- Ш.Монахов В.И.* Группировка воров-рецидивистов. М., 1957.
104. Наказание и исправление преступников. М., НИИ МВД РФ. 1992. Под ред. *Ю.М. Антонина.*
105. Национальный доклад для Президента РК "Современное состояние положения женщин в Республике Казахстан за 1996г."
106. *Нефедов В.* В зеркале статистики. Аргументы и факты. 1993. № 42.
107. *Обозенко П.Е.* Поднадзорная проституция С.-Петербурга. Спб. 1896.
108. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984. С. 522,736.
109. О положении семьи женщин в Республике Казахстан. Алматы, 1996. С. 43—47.
110. *Пахомов В.Д., Казакова В.А., Фирсаков С.В.* Наркомания и совершение корыстных преступлений /Советская юстиция. N 12. 1993 . С. 5.
- Ш. Пахомов В.Д., Казакова В.А., Целинский Б.П., Фирсаков С.В.* Расчет латентности преступлений в современных условиях. Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М., 1993.
112. *Пахомов В.Д., Корзун И.В.* Особенности профилактики женской преступности органами внутренних дел. Современная преступность: новые исследования. М., 1993. С. 107-116.
113. *Петрунев В.П.* Криминалистическая характеристика квартирных краж. Проблемы предварительного следствия и дознания. Сб. научных трудов ВНИИ МВД СССР. М., 1990. С.34-40.
114. *Потемкина А. Т.* Характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в ИТК (по материалам специальной переписи осужденных 1989 г.). М., 1993. С. 14.
115. Проблемы борьбы с экономической преступностью в Казахстане. Алматы, 1996. С.78.
116. Проституция и преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. Сб. научных трудов под общ. ред. Шмарова И.В. М., 1992.
117. *Рахманов А.И., Толпекин К.А.* Проблемы совершенствования деятельности правоохранительных органов по борьбе с правонарушениями в сфере быта. М., 1991. С. 63.
118. *Ривман Д.В.* Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка. Л., 1973. С.45.
119. *Роджерс Р.* Исследование новых видов наказаний в исправительной системе США. Криминологические исследования в мире. М., 1995.
120. *Росси. Ж.* Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. С.217.
121. Сборник статей шарията, составленный казнями для ревизии гр.Палена. Ташкент, 1909.
122. *Семенухин В.* Подросток ждет защиты. /Милиция. № 1.1992. С. 13.

123. *Серебрякова В.А.* Преступления, совершаемые женщинами. М., 1973. С. 108.
124. *Серебрякова В.А.* Криминологическая характеристика женщин-преступниц. Вопросы борьбы с преступностью. 1971. №14. С.5.
125. *Серебрякова В.А., Зырянов В.Н.* Корыстные преступления, совершаемые женщинами. М., 1990.С. 16.
126. *Середа Е.В.* Личность женщин, впервые осужденных за тяжкие насильственные преступления и их исправление и перевоспитание в НТК. Канд. дисс. М., 1983. С. 204.
127. Сколько нас будет в 21 веке. Казахстанская правда от 26.02.97.№ 6. 1991.
128. Словарь иностранных слов. М., 1984. С. 114.
129. *Старович З.* Судебная сексология. М., 1991. С. 253.
130. *Стручков Н.А.* Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 164.
131. *Стумбина Э.Я.* Рецидивная преступность: понятие и криминологическая характеристика. Рига, 1983. С.67.
132. *Сулейменов Б.С.* Об административном устройстве Казахской степи по реформе 1867-1868 гг. Вестник АН КазССР. 1951.№2.
133. *Султанов Т.Н.* Кочевые племена Приаралья в 10—15 веке. М., 1982. С. 77.
134. *Сушко В.А.*: Совершенствование условий и порядка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами. Диссертация канд. юр. наук. М., 1994.
135. *Сушко В.А.* Женщина с ребенком в колонии. Советская юстиция. 1993. №24..
136. *Сычев Ю.В.* Микросреда личности и ее место в системе социальных связей. В сб. Философские проблемы общественного развития. М., 1971. С. 146.
137. *Тарновская П.Н.* Жешчины-убийцы. Спб. 1902.
138. Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С. 41.
139. *Трахтенберг В.Ф.* Блатная музыка. Спб. 1908.
140. Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982. С. 24.
141. Уголовно-исполнительное право Республики Казахстан. Алматы, 1997. С.38.
142. Уголовный Кодекс РСФСР. 1926. М., 1953г.
143. *Угроватов.А.П.* Проституция в Сибири в 20-е годы. ЭКО. 1993. №4.С. 166.
144. *Усачева Н.* Правовое становление социального статуса женщины. Юридическая газета. №№33—36.1995.
145. *Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. М., 1989. С.241, 242.
146. *Ферри Э.* Преступные типы в искусстве и литературе. Спб. 1908. С.47, 48.
147. *Фрайди Поль С.* Преступность молодежи и ее предупреждение: стратегия воздействия.
148. *Хиджая.* Комментарии мусульманского права. Т.1. Ташкент, 1893г.
149. *Ходаков Ю.В.* Современная преступность женщин. Власть Советов. 1923. N10. С.89.

- 150 *Родин Д.* Преступность мужчин, женщин и несовершеннолетних в 1922 г. Бюллетень ЦСУ. 1923. N79.С.73.
151. *Хохряков Г.Ф.* Социальная среда и личность. М., 1982. С. 79.
152. *Хохряков Г.Ф.* Парадоксы тюрьмы. Проблемы, дискуссии, предложения. М., 1991.С. 135.
153. *Шестаков ДА.* Семейная криминология. Спб. 1996.
154. *Шестаков ДА.* Супружеское убийство как общественная проблема. Спб. 1992. С. 69,70.
155. *Шмаева ТА.* Организационные и правовые вопросы предупреждения правонарушений осужденных женщин в ИТК. Дисс.канд. юрид. наук. М., 1982. С. 63.
156. *Шнайдер Г.И.* Криминология. М., 1994.
- ХЫ.Шульга В.И.* Тенденции преступности в Дальневосточном регионе и меры по ее предупреждению. Канд. дисс. М., 1994. С. 112.
158. *Шумский Н.Г.* Алкоголизм у женщин. Алкоголизм. М.,1984. С. 165, 166.
159. *Эренжен Хара-Даван.* Чингис-Хан как полководец и его наследие. Алматы, 1992.
160. *Юркевич Н.Г.* Мотивы заключения и стабильность брака.Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970. С. 100,101.
161. *Юцкова ЕМ.* О базовой ценностной ориентации молодых рецидивистов. Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ними. Сб. научн. трудов. М., 1989. С.58.
162. *Явнуновская Т.М.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступности женщин-алкоголичек. Автореф. канд. дисс. М., 1981. С. 23.

Научное издание

Игорь Валерьевич Корзун

ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ ЖЕНЩИН В КАЗАХСТАНЕ

Редактор *Е. Кузьмина*
Художественный редактор *Б. Жапаров*
Технический редактор *С. Жапарова*
Верстка *Э. Нугмановой*
Корректор *С. Алысова*

ИБ № 284

Сдано в набор 30.03.98. Подписано в печать 14.07.98. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$.
Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.п.л. 10,08. Усл.
кр.-отг. 10,29. Уч.-ИЗДЛ. 11,97. Тираж 1000 экз. Заказ 993.

Издательство "Жеті жарғы" Министерства юстиции Республики Казахстан.
Алматы, пр. Абая, 10.

АООТ "Баспагер". 480016, г. Алматы, ул. Алихана Бокееханова, 47 б.

Переплетные работы произведены на Полиграфкомбинате корпорации
«Атамұра» Республики Казахстан, 480002, г. Алматы, ул. М. Макатаева, 41.